

ISSN 1819-7426

Проблемы Правоохранительной Деятельности

Международный научно-теоретический журнал

**2026
№ 2**

Белгород

Проблемы правоохранительной деятельности. 2026. № 2.

Учредитель и издатель: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80717 от 9 апреля 2021 года.

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Редакционная коллегия:

Ананич В.А., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Бельский А.И., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Болотин А.Э., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Головкин В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Горелов А.А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Республика Саха (Якутия))
Готчина Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Дежнев А.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дементьев В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дугенев А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Евтушенко В.И., доктор юридических наук (Россия, Белгород)
Залужный А.Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Клименко Б.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Комаров И.М., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Кондаков В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Кравцова Е.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Муханов Ю.В., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Сабирова И.А., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Воронеж)
Сазон К.Д., кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, Могилев)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Тепляшин П.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)
Третьяков А.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Ухов В.Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Цуканов Н.Н., доктор юридических наук, доцент (Россия, Красноярск)
Чиненов Е.В., кандидат экономических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)
Шумилин С.Ф., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Олейникова Е.А.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 19.06.2026

Подписано к печати 24.06.2026

Дата выхода в свет 30.06.2026

Формат 60x84/8

Объем 15 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 41

Цена: бесплатно. Тираж: 43

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 55-71-35, факс: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

Problems of Law Enforcement Activity. 2026. № 2.

The founder: Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: Series PI № FS77-80717 of April 9, 2021.

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

The Editorial Staff:

V.A. Ananich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor (Minsk, Belarus)
A.I. Belskiy, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.E. Bolotin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
M.A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V.V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.A. Gorelov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Republic of Sakha (Yakutia))
L.V. Gotchina, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
A.S. Dezhnev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
V.L. Dementiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
M.S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
A.S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.I. Evtushenko, Doctor of Law (Russia, Belgorod)
A.G. Zaluzhny, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.N. Irkhin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
B.A. Klimenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Ekaterinburg, Russia)
P.A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
I.M. Komarov, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.L. Kondakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
E.A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
L.V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.V. Maximenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Yu.V. Mukhanov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
E.A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
I.A. Sabirova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Voronezh, Russia)
K.D. Sazon, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Belarus)
V.N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
P.V. Teplyashin, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
A.A. Tretyakov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
V.Yu. Ukhov, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Chinenov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)
S.F. Shumilin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

In the case of necessity the Editorial Board reserves the right to edit, reduce the volume of the articles and make the decision on including them in the Journal. The research papers drawn with breaches of the requirement or arriving after the deadline can be published in the next issues of the Journal.

The authors of the articles are responsible for the reliability of facts.

The research papers included in the Journal represent the author's point of view on actual problems of law enforcement and legal regulations making activity. The standpoint does not always coincide with the opinion of the Editorial Staff of the Journal.

The Editorial Staff studies the letters of readers without corresponding with them.

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Elena A. Oleynikova

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 19.06.2026

It is passed for the press 24.06.2026

Date of publishing 30.06.2026

Format 60x84/8

Volume 15 printer's sheets

Typing. Office paper.

Digital printing. Order № 41

Price: free of charge. Printed copies: 43

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod region, Belgorod, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 55-71-35, fax: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

© Problems of Law Enforcement Activity, 2026

© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2026

Содержание

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

БАУМШТЕЙН А.Б. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА И КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	6
СУДНИЦЫН А.Б., ЧАБУКИАНИ О.А. МЕРЫ ПО СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СКЛАДЫВАЮЩАЯСЯ ПРАКТИКА И ОТДЕЛЬНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЯМ	13
ЩУКИН В.И. ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	23
АМЕЛИНА Т.А. СТАЛКИНГ КАК ФОРМА ДЕЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: К ВОПРОСУ НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ	28
ГАЙДОВ Д.В. ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ЧАСТНЫМИ ОХРАННИКАМИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА	35
ГОРОЖАНКИН А.Ю. НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ: СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	40
ЖЕЛТОВА Е.Н. ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, НЕЗАКОННО ИСПОЛЗУЮЩЕГО СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)	46
КОВАЛЕВА В.А. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОПАГАНДЫ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И (ИЛИ) ПРЕДПОЧТЕНИЙ СМЕНЫ ПОЛА.....	53
ПИВНЕВА А.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ В РОССИИ ...	58

БИЛЫК К.В. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ	64
---	-----------

ЖИЛЬНИКОВ А.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЖИМЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	73
---	-----------

ПИРОЖЕНКОВ А.С. СЛЕДЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИКО-КРИМИНАЛЬНЫХ СХЕМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО БИЗНЕСА	79
---	-----------

ЭЙСМОНТ Я.А. РАЗМЕР НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	86
---	-----------

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

БАДИКОВ Д.А., СУЧКОВ А.И. ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ СИСТЕМ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	93
--	-----------

ЗИНЧЕНКО Д.С., ПРИЕТО А.Р. БЕСПИЛОТНЫЕ ПОЛУПОГРУЖНЫЕ НАДВОДНЫЕ АППАРАТЫ: ИННОВАЦИИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ИНСПЕКЦИИ В ИНТЕРЕСАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	100
--	------------

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ДУБРОВСКИЙ В.Ю. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СВЯЗЬ ФИЗИЧЕСКОЙ И ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ	106
---	------------

ГОРЕЛКИН С.И., АФОНИН Р.Е. УРОВЕНЬ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ БЕСПИЛОТНЫМ ВОЗДУШНЫМ СУДАМ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ	110
--	------------

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

СЕЛИН В.Н., АРХИПЦЕВ И.Н. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СТРАНАХ БРИКС: ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА	115
---	------------

РЕЦЕНЗИИ

ДИЗЕР О.А. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПОЛИЦИИ НА РАЙОННОМ УРОВНЕ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)	122
---	------------

КОТАРЕВ С.Н., ТАРАСОВА Л.В. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	127
---	------------

Contents

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

BAUMSHTEIN A.B.

**PROBLEMS IN QUALIFYING FRAUD IN THE HIGH-TECHNOLOGY SPHERE: ELECTRONIC
PAYMENT MEANS AND COMPUTER INFORMATION 6**

SUDNITSYN A.B., CHABUKIANI O.A.

**MEASURES TO PROTECT THE VICTIM'S PROPERTY DURING THE INVESTIGATION
OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES:
EMERGING PRACTICE AND SPECIFIC RECOMMENDATIONS FOR LAW ENFORCEMENT
OFFICIAL 13**

SHCHUKIN V.I.

**FEATURES OF THE TACTICS OF CERTAIN TYPES OF INVESTIGATIVE INSPECTIONS
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING
COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES 23**

AMELINA T.A.

**STALKING AS A FORM OF DELICT BEHAVIOR: TOWARDS THE NEED
FOR CRIMINALIZATION 28**

GAIDOV D.V.

**THE USE OF PHYSICAL COERCION BY PRIVATE SECURITY GUARDS: REFLECTIONS
ON THE CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION 35**

GOROZHANKIN A.YU.

**ILLEGAL TRAFFICKING OF ETHYL ALCOHOL, ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING
PRODUCTS: A SYSTEM OF CRIMES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW 40**

ZHELTOVA E.N.

**PERSONAL CHARACTERISTICS OF A CRIMINAL WHO ILLEGALLY USES MEANS
OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES) 46**

KOVALEVA V.A.

**LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE PROMOTION OF NON-TRADITIONAL
SEXUAL RELATIONS AND/OR GENDER REASSIGNMENT PREFERENCES 53**

PIVNEVA L.V.

CRIMINAL LAW REGULATION OF REMOTE STEALING IN RUSSIA 58

BILYK K.V. THE CONCEPTUAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE INTEGRATIVE FORM OF EDUCATION IN RUSSIA.....	64
ZHILNIKOV A.V. LEGAL BASIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON MARTIAL LAW: FORMATION AND CURRENT STATE.....	73
PIROZHENKOV A.S. TRACES OF THE USE OF ECONOMIC AND CRIMINAL SCHEMES IN THE INFORMATION BUSINESS	79
EISMONT YA.A. THE QUANTITY OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AS A CRITERION FOR DIFFERENTIATING CRIMINAL LIABILITY	86

SAFETY AT TRANSPORT FACILITIES

BADIKOV D.A., SUCHKOV A.I. THE USE OF UNMANNED SYSTEMS DURING THE INSPECTION OF CRIME SCENES IN CASES OF VIOLATION OF TRAFFIC SAFETY RULES	93
ZINCHENKO D.S., PRIETO A.R. UNMANNED SEMI-SUBMERGED SURFACE VESSELS: INNOVATIONS FOR COMPLEX SURVEILLANCE AND INSPECTION IN THE INTERESTS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES	100

CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

DUBROVSKY V.YU. INTERDISCIPLINARY CONNECTION BETWEEN PHYSICAL AND FIREARMS TRAINING IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	106
GORELKIN S.I., AFONIN R.A. THE LEVEL OF PREPAREDNESS OF POLICE OFFICERS TO COUNTER UNMANNED AERIAL VEHICLES AND WAYS TO IMPROVE THE TRAINING SYSTEM	110

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE

SELIN B.N., ARKHIPTSEV I.N. LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE BRICS COUNTRIES: REPUBLIC OF SOUTH AFRICA	115
--	------------

REVIEWS

DIZER O.A. TERRITORIAL POLICE BODIES AT THE DISTRICT LEVEL IN THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT)	122
KOTAREV S.N., TARASOVA L.V. ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED VEHICLES ...	127

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемы квалификации мошенничества в сфере высоких технологий: электронные средства платежа и компьютерная информация

Problems in qualifying fraud in the high-technology sphere: electronic payment means and computer information

УДК 343.8

А.Б. Баумштейн,
доктор юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
5068896@list.ru

Anton B. Baumshtein,
Doctor of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: статья посвящена системному анализу проблем квалификации мошенничества, совершаемого в высокотехнологичной среде, с акцентом на двух наиболее конфликтогенных составах: мошенничестве с использованием электронных средств платежа и мошенничестве в сфере компьютерной информации. Показано, что ключевые источники квалификационных ошибок связаны не с «дефицитом цифровых терминов», а с конкуренцией уголовно-правовых норм, изменением архитектуры платежей (контактные/бесконтактные операции, токенизация, дистанционные каналы), смешением способов (социальная инженерия + техническое вмешательство), а также с тем, что доктринальные признаки обмана и вмешательства на практике зачастую устанавливаются формально. Отдельное внимание уделено разграничению мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета (либо в отношении электронных денежных средств), а также конкуренции мошенничества в сфере компьютерной информации с преступлениями против компьютерной информации. С учетом судебных подходов и научной дискуссии обоснованы предложения по уточнению критериев разграничения, унификации правоприменения и корректировке разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество; электронные средства платежа; банковская карта; бесконтактная оплата; социальная инженерия; фишинг; вредоносное программное обеспечение; компьютерная информация; вмешательство; конкуренция норм; квалификация; кража с банковского счета

Для цитирования: Баумштейн А.Б. Проблемы квалификации мошенничества в сфере высоких технологий: электронные средства платежа и компьютерная информация // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 6–12.

Abstract: this article provides a systematic analysis of the challenges of qualifying fraud committed in a high-tech environment, focusing on two of the most contentious offenses: fraud using electronic payment instruments and computer fraud. It is shown that the key sources of qualification errors are not related to a “deficit of digital terms,” but to competing criminal law norms, changing payment architecture (contact/contactless transactions, tokenization, remote channels), a mixture of methods (social engineering + technical intervention), and the fact that doctrinal criteria for deception and intervention are often formally established in practice. Special attention is paid to distinguishing between fraud using electronic payment instruments and theft from a bank account (or in relation to electronic money), as well as the competition between computer fraud and crimes against computer information. Taking into account judicial approaches and academic discussion, proposals for clarifying the criteria for distinguishing, unifying law enforcement, and adjusting the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation are substantiated.

Keywords: fraud; electronic payment means; bank card; contactless payment; social engineering; phishing; malicious software; computer information; interference; norm competition; qualification; theft from a bank account

© Баумштейн А.Б., 2026

For citation: Baumshtein A.B. Problems in qualifying fraud in the high-technology sphere: electronic payment means and computer information // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 6–12.

Введение. Устойчивый рост преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий, привел к тому, что квалификация стала зависеть не столько от «цифровой новизны», сколько от точного установления юридически значимых элементов механизма посягательства. В представленной базе справедливо зафиксировано: технологизация повседневных платежей и коммуникаций «пересобрала» типовые модели обмана и хищения – от классического введения в заблуждение потерпевшего до опосредованных схем, где потерпевший в момент списания средств может не вступать ни в какую коммуникацию с виновным лицом, а преступное воздействие растворено в инфраструктуре платежных сервисов и компьютерных систем.

В этой связи методологически неверно рассматривать мошенничество в сфере высоких технологий как единый, самостоятельный вид мошенничества. Высокие технологии – это прежде всего среда и инструментарий, через которые реализуются разные уголовно-правовые конструкции:

1. Мошенничество как хищение путем обмана / злоупотребления доверием (в том числе специальные виды мошенничества).

2. Хищение как тайное изъятие (в том числе с банковского счета / электронных денежных средств).

3. Посягательства на компьютерную информацию, которые могут выступать самостоятельной целью либо способом подготовки/совершения хищения.

4. Смешанные модели, где социальная инженерия сочетается с техническим вмешательством.

А.Г. Безверхов, характеризуя природу мошенничества, подчеркивает, что ключевым является не «внешний антураж», а легитимирующая функция обмана: «...мошенничество – это хищение, совершаемое посредством создания у другого лица ложного представления...» [1, с. 13]. Именно поэтому «цифровой контур» преступления не подменяет собой признаки состава и не может выступать универсальным маркером выбора статьи.

В доктрине давно отмечается, что множественность специальных составов мошенничества создает «узкие горлышки» квалификации и повышает вероятность конкуренции норм. Н.А. Лопашенко в контексте реформы мошенничества указывает на риск фрагментации: «...Дифференциация составов неизбежно порождает конкуренцию норм и ошибки квалификации...» [2, с. 505]. Этот тезис в полной мере проявляется на стыке мошенничества с использованием электронных средств пла-

тежа и кражи с банковского счета, а также в оценке мошенничества в сфере компьютерной информации, где мошенничество нередко, по сути, реализуется как высокотехнологичная кража.

Методология и источниковая база исследования. Исследование выполнено с применением:

– формально-юридического метода (анализ диспозиций и примечаний уголовного закона, соотношение общих и специальных норм);

– системного метода (место специальных мошенничеств в системе преступлений против собственности и их соотношение с составами против компьютерной информации);

– сравнительно-правового и криминологического элемента – в части обращения к зарубежным публикациям о виктимологическом профиле фишинга, организационной структуре киберсетей и поведенческих механизмах потерь (для понимания фактических механизмов, которые затем «переводятся» на язык юридических признаков).

Эмпирическая основа – типовые схемы, описанные в представленном материале (фишинг, кардинг, скимминг, мобильные атаки, социальная инженерия), а также научные публикации и судебные подходы (включая разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о мошенничестве и позицию Верховного Суда Российской Федерации по разграничению бесконтактной оплаты чужой картой). Понятийные рамки – электронные средства платежа и компьютерная информация как узлы квалификации.

В уголовно-правовом анализе важно развести:

– предмет хищения (денежные средства, имущественные права, иные объекты гражданских прав);

– средство совершения (электронное средство платежа – банковская карта, токен, реквизиты, электронный кошелек и т.п.);

– канал доступа (онлайн-банк, мобильное приложение, терминал, NFC-инфраструктура, СБП, QR-механика и др.).

В работах по квалификации операций с платежными картами неоднократно отмечалось: банковская карта – средство, а не предмет преступления. В.А. Лютов формулирует это предельно определенно: «...Банковская карта – не предмет хищения, а средство совершения...» [3, с. 58]. Данное положение имеет прямое значение для разграничения приготовления к преступлению и оконченного состава, а также для оценки эпизодов изъятия карты без последующих транзакций.

Проблема квалификации высокотехнологичных хищений заключается в том, что компьютерная информация может выступать:

1) объектом самостоятельного посягательства;
2) способом воздействия на имущественный результат (вмешательство в учет/обработку/передачу данных);

3) сопутствующим элементом, не влияющим на квалификацию (например, переписка в мессенджере как средство коммуникации при классическом мошенничестве).

С.С. Медведев, анализируя феномен мошенничества в сфере высоких технологий, справедливо предупреждает о методологической ловушке: «...Технические признаки сами по себе не заменяют установления юридически значимого способа хищения...» [4, с. 71]. Отсюда следует базовое правило: квалификация строится от механизма хищения и способа причинения имущественного ущерба, а не от используемой платформы.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемные узлы квалификации. Смысл специального состава мошенничества с использованием электронных средств платежа состоит в том, что обман (либо злоупотребление доверием) реализуется в платежной инфраструктуре, а электронное средство платежа служит инструментом извлечения имущественной выгоды. В доктрине традиционно обсуждается адресат обмана: потерпевший, уполномоченный работник торговой/кредитной организации либо оператор платежной системы.

Л.В. Боровых и Е.А. Корепанова, рассматривая эволюцию мошенничества с платежными картами, фиксируют смещение направленности обмана: «...Обман в подобных ситуациях адресован не столько владельцу карты, сколько лицу, осуществляющему прием платежа...» [5, с. 100]. Эта мысль объясняет классическую модель: виновный предъявляет карту, вводит кассира / уполномоченное лицо в заблуждение относительно права распоряжения, получает товар/услугу и причиняет ущерб владельцу денежных средств.

Однако архитектура современного ритейла и платежей радикально снизила долю ситуаций, где требуется активное участие кассира (касса самообслуживания, бесконтактная оплата, токенизация, оплата в один клик, дистанционные заказы). В результате исчезает адресат обмана в лице уполномоченного работника и квалификация начинает мигрировать в сторону кражи с банковского счета (при отсутствии признаков мошенничества).

Ключевой практический конфликт: оплата товаров чужой банковской картой (или токеном) без ввода ПИН-кода и без предъявления документа – это мошенничество или кража?

Научная дискуссия строится вокруг вопроса: является ли умолчание о принадлежности карты обманом? П.С. Яни отстаивает расширительное

понимание, полагая, что при расчетах чужой картой лицо «создает у продавца ложное представление о правомерности оплаты», что «функционально тождественно обману» [6, с. 40]. В этом подходе важна идея: продавец (или платежный агент) исходит из презумпции легитимности предъявителя средства платежа, а виновный эксплуатирует эту презумпцию.

Противоположная позиция (включая значительную часть практико-ориентированных публикаций) исходит из того, что при бесконтактной оплате продавец не принимает решения о списании средств, а лишь обслуживает технологически предустановленную процедуру – следовательно, вводить в заблуждение некого и обман как способ хищения отсутствует. В таком случае речь идет о тайном изъятии (кража), квалифицируемом по признаку хищения с банковского счета / электронных денежных средств [7, с. 20].

Верховный Суд Российской Федерации, разрешая данный конфликт, сформировал ориентир, который (при всех нюансах конкретных фактов) фактически поддерживает вторую линию: если операции проходят без идентификации лица и без необходимости получения согласия уполномоченного работника на основании представленных виновным сведений, то квалификация тяготеет к краже с банковского счета (при отсутствии признаков мошенничества). Практическая значимость данного подхода обусловлена именно массовостью бесконтактных операций и тем, что обман в таких делах легко превращается в формальную конструкцию.

Современная социальная инженерия (легенды об обращении службы безопасности банка, оператора связи, следователя, портала «Госуслуги», маркетплейса) приводит к тому, что потерпевший сам совершает перевод (СБП, онлайн-банк, снятие наличных и передача курьеру, оформление кредита и т.п.).

Квалификационный вопрос: если потерпевший вводит реквизиты, подтверждает операцию кодом, переводит деньги, является ли это мошенничеством с использованием электронных средств платежа или общим мошенничеством (либо иным специальным составом)?

Позиции в литературе расходятся. Часть авторов предлагают расширительно понимать «использование электронного средства платежа» как охватывающее любые ситуации, где преступный результат достигается через платежную инфраструктуру [8, с. 124]. Другая часть настаивает на более строгом толковании: специальный состав оправдан, когда электронное средство платежа является инструментом виновного, а не каналом, которым воспользовался потерпевший под влиянием обмана; иначе возникает неоправданное

размывание границ между общим и специальным мошенничеством [9, с. 41].

Представляется, что при квалификации следует исходить из функционального критерия:

– если виновный сам инициирует платежную операцию, используя средство платежа (карту, токен, реквизиты, доступ к кошельку), либо организует ее инициирование через подконтрольных лиц, имеется повышенная связь с составом мошенничества с использованием электронных средств платежа;

– если платеж инициирован потерпевшим, а виновный ограничивается коммуникационным воздействием (легенда, психологическое давление), приоритет должен иметь общий состав мошенничества (или иной специальный состав в зависимости от обстоятельств), поскольку использование электронного средства платежа со стороны виновного носит опосредованный характер.

Эта логика снижает риск механического применения специальной нормы к любому дистанционному мошенничеству и сохраняет смысл дифференциации состава.

Наиболее распространенные квалификационные ошибки в блоке электронных средств платежа:

1. Подмена способа – признание обмана там, где его фактически не было (самообслуживание, бесконтактный способ, отсутствие взаимодействия с уполномоченным лицом).

2. Игнорирование момента окончания – при безналичных списаниях окончание определяется фактом реального выбытия денежных средств и причинения ущерба, а не получения товара.

3. Неверная конкуренция норм – искусственная совокупность со смежными составами при отсутствии самостоятельных объектов посягательства.

4. Необоснованное расширение специального состава на ситуации, где электронные средства платежа использовал потерпевший.

Наиболее дискуссионный вопрос: является ли мошенничество в сфере компьютерной информации действительно мошенничеством в классическом смысле?

Н.А. Лопашенко формулирует критическое замечание максимально жестко: «...Компьютерное мошенничество скорее похоже на особую кражу, чем на традиционное мошенничество...» [10, с. 603]. Р.Б. Иванченко и А.Н. Малышев, анализируя практику применения соответствующей статьи, указывают на «размывание признака обмана» и на то, что правоприменитель нередко «вынужден домысливать» его там, где фактически имело место техническое вмешательство [11, с. 196].

Действительно, специфика рассматриваемого состава в том, что имущественный результат достигается через вмешательство в компьютерную информацию / работу систем (ввод, удале-

ние, блокирование, модификация данных, иное воздействие), тогда как коммуникативный обман потерпевшего может отсутствовать. Именно этот элемент и провоцирует доктринальный спор о правильности помещения состава в главу о мошенничестве.

Квалификация по статье о мошенничестве в сфере компьютерной информации требует доказать не просто «использование компьютера», а причинно значимое вмешательство.

Л.М. Болсуновская, поддерживая идею уголовно-правовой охраны от подобных посягательств, отмечает: «...Криминализация оправдана лишь при наличии воздействия на данные/процессы обработки, меняющего результат в пользу виновного...» [12, с. 18]. Эту формулу можно принять как практическое правило: если виновный только получил доступ к аккаунту и совершил перевод как пользователь, не вмешиваясь в функционирование систем и не меняя данные/алгоритмы, то возникает пограничная зона между хищением с банковского счета и мошенничеством в сфере компьютерной информации; если же доказано, что виновный искажил данные/процессы (подмена реквизитов, вредоносный код, изменение учетных записей, внедрение скрипта автопереводов, модификация платежных параметров), то квалификация по статье о компьютерной информации становится более обоснованной.

Реальные схемы часто гибридные: преступники получают первичный доступ через фишинг/социнженерию, затем закрепляются в системе через вредоносное программное обеспечение и осуществляют списание или подмену реквизитов. Зарубежные исследования показывают, что викализация в онлайн-банкинге часто обусловлена комбинацией поведенческих и технических факторов [13, р. 83]. Даже если исследование выполнено на зарубежной эмпирике, сама структура механизма типологически близка российской практике.

Квалификационно это означает:

– социальная инженерия не равна вмешательству в компьютерную информацию;

– вредоносное программное обеспечение не тождественно хищению (может быть подготовкой, разведкой, кражей данных);

– совокупность возникает лишь при наличии самостоятельных объектов и оконченных деяний, например незаконное воздействие на компьютерную информацию + хищение, если воздействие не охватывается способом хищения и имеет самостоятельную общественную опасность.

В противном случае правоприменитель рискует искусственно наращивать квалификацию, превращая единый механизм в набор составов без четкого разграничения.

Конкуренция со «взломными» составами типична: незаконный доступ, создание/использование вредоносного программного обеспечения, нарушение правил эксплуатации и т.п. На уровне юридической техники проблема в том, что состав мошенничества в сфере компьютерной информации уже включает вмешательство как способ причинения имущественного результата, а «взломные» составы описывают технические деяния как самостоятельную угрозу охраняемым отношениям.

Практический критерий разграничения может быть сформулирован так:

- если техническое посягательство (например, внедрение вредоносного кода) само по себе создало вред охраняемым отношениям в сфере компьютерной информации (нарушение конфиденциальности/целостности/доступности данных, устойчивости систем) и при этом имущественный результат является последующим/сопутствующим, допустима совокупность;

- если техническая часть полностью поглощена хищением как способом (например, подмена реквизитов прямо «встроена» в акт списания), предпочтительнее квалификация по «имущественной» статье без искусственного удвоения.

Р.Б. Иванченко и А.Н. Малышев отмечают, что суды в подобных делах нередко «склоняются к формальной совокупности», тогда как «реальная общественная опасность проявляется в едином механизме завладения» [11, с. 198].

Разграничение двух специальных мошенничеств между собой: электронное средство платежа и компьютерная информация. Электронные средства платежа почти всегда существуют в виде данных (реквизиты, токены, ключи, учетные записи), а операции осуществляются через компьютерные системы. Это приводит к формальному соблазну квалифицировать один и тот же эпизод одновременно как мошенничество с использованием электронных средств платежа и как мошенничество в сфере компьютерной информации.

Чтобы избежать двойного учета одного способа, целесообразно использовать приоритет причинно определяющего признака:

- если ключевым является обман (в том числе адресованный участнику платежной инфраструктуры), а компьютерная среда лишь канал – приоритет за составом про электронные средства платежа;

- если ключевым является вмешательство в данные/процессы обработки, а обман отсутствует либо вторичен – приоритет за составом про компьютерную информацию.

А.А. Южин в прикладном анализе подчеркивает, что «...решение должно приниматься исходя

из того, что именно обеспечило неправомерное списание: введение в заблуждение лица, принимающего решение, либо изменение информационного результата...» [14, с. 145].

Если виновный: 1) похищает данные карты, 2) токенизирует их в мобильном кошельке, 3) оплачивает покупки бесконтактно без взаимодействия с кассиром, то обман уполномоченного работника отсутствует, но есть использование электронного средства платежа. При этом вмешательства в компьютерную информацию (в смысле изменения данных/алгоритмов) может и не быть: виновный действует как псевдопользователь, используя украденные реквизиты.

Здесь квалификационный выбор (между кражей с банковского счета и специальным мошенничеством) должен определяться тем, было ли в процедуре списания место юридически значимому обману (кому, как, в чем) либо имело место тайное списание без адресата обмана.

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по делам о мошенничестве выполняют системообразующую функцию: они задают понимание обмана, момента окончания, разграничения смежных составов. Вместе с тем специфика высокотехнологичных схем состоит в том, что многие операции протекают автоматизированно и «участник, которого можно обмануть», часто отсутствует.

Научные комментарии к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации по мошенничеству подчеркивают необходимость аккуратной адаптации традиционных категорий к новым технологическим реалиям. Так, Р.Д. Шарапов отмечает, что при оценке новых форм «...важно не подменять юридический обман технологической безличностью транзакции...» [15, с. 33].

С учетом роста доли бесконтактных и дистанционных операций представляется целесообразным развитие разъяснений по двум направлениям:

1. Конкретизация признаков обмана в платежной инфраструктуре (в том числе в условиях самообслуживания и отсутствия идентификации).

2. Выделение критериев вмешательства в компьютерную информацию как способа хищения и разграничения с кражей / преступлениями против компьютерной информации.

Именно на этот вектор указывает и современная прикладная литература по разграничению кражи с банковского счета и мошенничества с использованием электронных средств платежа [16, с. 148–149].

Предложения по снижению квалификационных ошибок:

Шаг 1. Установить, кто совершил платежную операцию: потерпевший, виновный либо техни-

чески подконтрольная сущность (скрипт, бот, вредоносное программное обеспечение).

Шаг 2. Ответить, был ли адресат обмана (конкретное лицо, например кассир, оператор, сотрудник банка, или автоматизированная система без «решающего субъекта»).

Шаг 3. Проверить наличие причинно значимого вмешательства в данные или процессы обработки (подмены реквизитов, модификации учетных записей, внедрения кода, изменения алгоритма подтверждения операции).

Шаг 4. Разрешить конкуренцию норм по приоритету причинно определяющего признака (обман, платежная инфраструктура либо вмешательство в компьютерную информацию).

Шаг 5. Проверить необходимость совокупности со «взломными» составами (имеется ли самостоятельный вред охраняемым отношениям в сфере компьютерной информации, помимо имущественного результата).

В развитие указанного алгоритма целесообразно уточнить разъяснения и правоприменительные ориентиры по следующим направлениям:

1. Уточнение разъяснений по разграничению мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета применительно к бесконтактным операциям и операциям самообслуживания. Такое уточнение необходимо ввиду массовости указанных схем и неодинаковой практики при сходных фактических обстоятельствах [7, с. 21; 16, с. 149].

2. Развитие критериев вмешательства для мошенничества в сфере компьютерной информации – закрепление в разъяснениях типовых форм вмешательства (подмена данных, внедрение кода, изменение правил авторизации), что позволит исключить подмену «использования компьютера» «вмешательством» [11, с. 197].

3. Сдерживание искусственной совокупности – рекомендация оценивать технические составы как самостоятельные только при наличии отдельного охраняемого результата в сфере компьютерной информации, не поглощенного способом хищения.

Тем самым приведенный перечень конкретизирует предложенный алгоритм: первый пункт связан с установлением юридически значимого

обмана в платежной инфраструктуре, второй – с доказыванием вмешательства в компьютерную информацию, третий – с пределами совокупной квалификации.

Учитывая трансграничность и сетевой характер схем, актуально развивать инструменты взаимодействия с финансовыми организациями и провайдерами, а также практику «быстрого замораживания» средств и фиксации цифровых следов. Зарубежные исследования киберсетей показывают, что преступные группы используют распределенные роли и «рынки сервисов» (включая продажу данных и инструментов), что усложняет атрибуцию и повышает значимость ранней фиксации данных [17, р. 1260].

Заключение. Проблемы квалификации мошенничества в сфере высоких технологий имеют не техническую, а структурно-юридическую природу. Центральные источники ошибок – конкуренция норм, трансформация платежных процессов (исчезновение адресата обмана), гибридизация способов (социальная инженерия + техническое вмешательство) и формализация доказательств вмешательства в компьютерную информацию.

На основе анализа доктринальных позиций и судебных ориентиров можно сделать вывод:

1. Для мошенничества с использованием электронных средств платежа решающим является обман как способ, а не сам факт использования карты/токена.

2. Для мошенничества в сфере компьютерной информации решающим является вмешательство в данные/процессы, а не наличие компьютера в контуре события.

3. Разграничение должно опираться на причинно определяющий признак механизма хищения и исключать двойной учет одного и того же способа через искусственную совокупность.

4. Требуется дальнейшая конкретизация разъяснений Верховного Суда Российской Федерации применительно к бесконтактным операциям, самообслуживанию и смешанным моделям.

Именно в этих направлениях возможно достижение правовой определенности, снижение квалификационных ошибок и повышение эффективности противодействия высокотехнологичным хищениям.

Литература

1. **Безверхов А.Г.** Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 12–19.
2. **Лопашенко Н.А.** Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. № 3. – С. 504–513.
3. **Лютнев В.А.** Проблемы квалификации хищений денежных средств, сопряженных с несанкционированным доступом к реквизитам кредитных, расчетных и иных банковских карт // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 1 (44). – С. 57–60.
4. **Медведев С.С.** Мошенничество в сфере высоких технологий: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 214 с.

5. **Боровых Л.В., Корепанова Е.А.** Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 1 (31). – С. 98–104.
6. **Яни П.С.** Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество // Законность. – 2020. – № 12. – С. 39–43.
7. **Евстратенко Е.В.** Хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник ЮрГУ. Серия: Право. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 19–23.
8. **Иванов М.Г., Николаев А.Ю.** Проблемы разграничения составов имущественных преступлений, связанных с информационными технологиями (ст. 159.3, 159.6 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) // Вестник Российского университета кооперации. – 2020. – № 3 (41). – С. 123–126.
9. **Яни П.С.** Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. – 2019. – № 6. – С. 39–43.
10. **Лопашенко Н.А.** Компьютерное мошенничество – новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 1. – С. 598–609.
11. **Иванченко Р.Б., Малышев А.Н.** Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 194–200.
12. **Болсуновская Л.М.** Криминализация мошенничества в сфере компьютерной информации в российском праве // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3. – С. 15–20.
13. **Jansen J., Leukfeldt E.R.** Phishing and Malware Attacks on Online Banking Customers in the Netherlands: A Qualitative Analysis of Factors Leading to Victimization // International Journal of Cyber Criminology. – 2016. – Vol. 10. – № 1. – P. 76–94.
14. **Южин А.А.** Специфика мошенничества в сфере компьютерной информации: теория и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2015. – Т. 1. № 3 (60). – С. 143–147.
15. **Шарапов Р.Д.** Постановление Пленума Верховного Суда России о судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: заметки на полях // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 31–36.
16. **Теунаев А.С.-У., Коньк Н.Ю.** К вопросу о квалификации и отграничении смежных составов хищений с банковского счета, в отношении электронных денежных средств, с использованием электронных средств платежа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 144–150.
17. **Leukfeldt E.R., Kleemans E.R., Stol W.P.** The Use of Online Crime Markets by Cybercriminal Networks: A View From Within // American Behavioral Scientist. – 2017. – Vol. 61. – № 11. – P. 1257–1270.

References

1. **Bezverkhov A.G.** Moshennichestvo i ego vidy: voprosy zakonodatel'noi reglamentatsii i kvalifikatsii // Ugolovnoe pravo. – 2015. – № 5. – С. 12–19.
2. **Lopashenko N.A.** Zakonodatel'naya reforma moshennichestva: vyzhdenyye voprosy i vyzhdenyye otvety // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. № 3. – С. 504–513.
3. **Lyutov V.A.** Problemy kvalifikatsii khishchenii denezhnykh sredstv, sopryazhennykh s nesanktsionirovannym dostupom k rekvizitam kreditnykh, raschetnykh i innykh bankovskikh kart // Evraziyskaya advokatura. – 2020. – № 1 (44). – С. 57–60.
4. **Medvedev S.S.** Moshennichestvo v sfere vysokikh tekhnologii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2008. – 214 s.
5. **Borovykh L.V., Korepanova E.A.** Napravlennost' obmana v sostave moshennichestva s ispol'zovaniem platezhnykh kart // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2016. – № 1 (31). – С. 98–104.
6. **Yani P.S.** Khishchenie s ispol'zovaniem chuzhoi bankovskoi karty v magazine sleduet kvalifitsirovat' kak moshennichestvo // Zakonnost'. – 2020. – № 12. – С. 39–43.
7. **Evstratenko E.V.** Khishchenie s bankovskogo scheta, a ravno v otnoshenii elektronnykh denezhnykh sredstv // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 19–23.
8. **Ivanov M.G., Nikolaev A.Yu.** Problemy razgraniicheniya sostavov imushchestvennykh prestuplenii, svyazannykh s informatsionnymi tekhnologiyami (st. 159.3, 159.6 i p. "g" ch. 3 st. 158 UK RF) // Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii. – 2020. – № 3 (41). – С. 123–126.
9. **Yani P.S.** Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha // Zakonnost'. – 2019. – № 6. – С. 39–43.
10. **Lopashenko N.A.** Komp'yuternoe moshennichestvo – novoe slovo v ponimanii khishcheniya ili oshibka zakonodatelya? // Permskii yuridicheskii al'manakh. – 2019. – № 1. – С. 598–609.
11. **Ivanchenko R.B., Malyshev A.N.** Problemy kvalifikatsii moshennichestva v sfere komp'yuternoi informatsii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 1. – С. 194–200.
12. **Bolsunovskaya L.M.** Kriminalizatsiya moshennichestva v sfere komp'yuternoi informatsii v rossiiskom prave // Biblioteka kriminalista. – 2016. – № 3. – С. 15–20.
13. **Jansen J., Leukfeldt E.R.** Phishing and Malware Attacks on Online Banking Customers in the Netherlands: A Qualitative Analysis of Factors Leading to Victimization // International Journal of Cyber Criminology. – 2016. – Vol. 10. – № 1. – P. 76–94.
14. **Yuzhin A.A.** Spetsifika moshennichestva v sfere komp'yuternoi informatsii: teoriya i praktika // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – Т. 1. № 3 (60). – С. 143–147.
15. **Sharapov R.D.** Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii o sudebnoi praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: zametki na polyakh // Ugolovnoe pravo. – 2018. – № 2. – С. 31–36.
16. **Teunaev A.S.-U., Konyk N.Yu.** K voprosu o kvalifikatsii i otgranichenii smezhnykh sostavov khishchenii s bankovskogo scheta, v otnoshenii elektronnykh denezhnykh sredstv, s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2022. – № 2 (58). – С. 144–150.
17. **Leukfeldt E.R., Kleemans E.R., Stol W.P.** The Use of Online Crime Markets by Cybercriminal Networks: A View From Within // American Behavioral Scientist. – 2017. – Vol. 61. – № 11. – P. 1257–1270.

(статья сдана в редакцию 06.02.2026)

**Меры по сохранности имущества потерпевшего
при расследовании преступлений в сфере информационно-
телекоммуникационных технологий: складывающаяся
практика и отдельные рекомендации правоприменителям**

**Measures to protect the victim's property during
the investigation of crimes in the field of information
and telecommunications technologies: emerging practice
and specific recommendations for law enforcement official**

УДК 343

А.Б. Судницын,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
ab_sudnitsyn@mail.ru

Alexey B. Sudnitsyn,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

О.А. Чабукиани,

доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
oksana_kartohina@mail.ru

Oksana A. Chabukiani,

Doctor of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются меры, обеспечивающие сохранность имущества потерпевших при проверке сообщений о преступлениях, а также расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Для изучения мер по сохранности имущества был осуществлен анализ статистических данных, нормативных правовых актов, складывающейся правоприменительной практики в указанной сфере, по результату которого установлено несовершенство законодательной регламентации, выявлены недостатки следственно-судебной практики. Определены процессуальные и не-процессуальные (организационные) действия следователя, в производстве которого находится уголовное дело (материалы проверки сообщения о преступлении), направленные на исключение посягательств на имущество или права на имущество потерпевшего путем предотвращения вредоносного воздействия, обеспечивающие возмещение, компенсацию причиненного материального ущерба. На основе современной регламентации и складывающейся практики обозначены выводы и предложены рекомендации правоприменителям, позволяющие повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по сохранности имущества потерпевшего от преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Приведенные меры способствуют созданию системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижению ущерба от их совершения. Обращено внимание на отдельные перспективные меры, обеспечивающие исключение посягательств на имущество или права на имущество потерпевшего, меры цифровой защиты участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии; преступление; IT-преступление; сохранность имущества потерпевших; цифровая защита

Для цитирования: Судницын А.Б., Чабукиани О.А. Меры по сохранности имущества потерпевшего при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: складывающаяся практика и отдельные рекомендации правоприменителям // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 13–22.

Abstract: this article examines measures to ensure the safety of victims' property during the verification of crime reports and the investigation of information and telecommunications technology crimes. To study property

preservation measures, an analysis of statistical data, regulatory legal acts, and current law enforcement practices in this area was conducted. This analysis revealed the imperfections of legislative regulation and identified shortcomings in investigative and judicial practices. The article defines the procedural and non-procedural (organizational) actions of the investigator handling the criminal case (materials from the verification of a crime report) aimed at preventing infringement on the property or property rights of the victim by preventing harmful effects and ensuring compensation for material damage. Based on current regulations and current practice, conclusions are drawn and recommendations are offered for law enforcement officers to improve the effectiveness of law enforcement efforts to preserve the property of victims of information and telecommunications technology crimes. The measures outlined here contribute to the creation of a system to effectively combat crimes committed using information and telecommunications technologies and reduce the damage caused by them. Attention is drawn to certain promising measures to prevent attacks on the property or property rights of the victim, as well as measures to digitally protect participants in criminal proceedings.

Keywords: information and telecommunication technologies; crimes; IT crimes; safety of victims' property; digital security

For citation: Sudnitsyn A.B., Chabukiani O.A. Measures to protect the victim's property during the investigation of crimes in the field of information and telecommunications technologies: emerging practice and specific recommendations for law enforcement official // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 13–22.

Важность противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ, ИТ-преступления), в современных условиях очевидна, но эффективность данного направления деятельности требует дальнейшего повышения, что предопределяется рядом факторов.

Статистические данные свидетельствуют о серьезном росте количества зарегистрированных ИТ-преступлений. Так, если в январе – декабре 2018 г. зарегистрировано 174,7 тыс. преступлений¹, то за аналогичный период 2024 г. – 765,4 тыс. преступлений². За шесть лет количество совершаемых преступлений в сфере ИТТ увеличилось более чем в 4,3 раза (или на 338,3%). На фоне этой тенденции последних лет уменьшение количества зарегистрированных ИТ-преступлений в 2025 г. на 11,8% в сравнении с 2024 г.³ не выглядит столь позитивно и не исключает необходимости дальнейшего усовершенствования противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года. – Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1518099> (дата обращения: 10.02.2026).

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. – Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 10.02.2026).

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года. – Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 10.02.2026).

Сохраняется довольно высокий удельный вес ИТ-преступлений на уровне 35–40% в общем числе зарегистрированных преступлений за 2023–2025 гг.⁴

Раскрываемость рассматриваемой категории преступлений за последние 6 лет колеблется от 20 до 27,8% (2020 г. – 20%, 2021 г. – 23,4%, 2022 г. – 27,8%, 2023 г. – 26,6%, 2024 г. – 23,2%, 2025 г. – 26,6%), т.е. не превышает 30%.

Увеличивается размер ущерба. В 2023 г. ущерб, причиненный преступлениями, совершенными с использованием ИТТ, равнялся 156,5 млрд рублей⁵, в 2024 г. превысил 200 млрд рублей⁶, а только за январь – июль 2025 г. составил 119,6 млрд рублей⁷. При том что процент возмещения потерпевшим причиненного ущерба остается катастрофически низким⁸.

⁴ Там же.

⁵ В МВД оценили ущерб от киберпреступлений за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2026/02/01/osuzhdennaya-na-27-let-terroristka-trepova-popolosila-proscheniya-u-postradavshih/> (дата обращения: 10.02.2026).

⁶ Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/76408> (дата обращения: 10.02.2026).

⁷ Дистанционные мошенники за семь месяцев выманили у россиян 120 млрд рублей [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/24910341> (дата обращения: 10.02.2026).

⁸ Решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 04.06.2024 № 2км «О мерах, принимаемых органами внутренних дел Российской Федерации по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий» (приложение к приказу МВД России от 1 июля 2024 г. № 372).

На наш взгляд, такому количеству преступлений способствует неразрешенность многих вопросов кибербезопасности в финансовой и банковской сферах. Ежегодно продолжают фиксироваться многочисленные атаки на крупнейшие банки мира, целью которых является хищение не только денежных средств, но и сбор персональных данных клиентов [1, с. 188]. Также лица, совершающие общественно опасные деяния, получают информацию в результате хищений данных из баз здравоохранения, социальных сетей, единого портала государственных и муниципальных услуг и др.

Помимо того, в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, и снижение ущерба от их совершения определено в качестве одной из задач достижения национальной цели – «цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» (подп. «к» п. 8)⁹.

При этом следует учитывать и заинтересованность потерпевших от преступлений в защите своих прав и свобод, реализации законных интересов, связанных во многом с возвратом похищенного или возмещением его стоимости, требующих соответствующей обеспечительной деятельности со стороны следователя [2, с. 75–76, 114–119].

Эти и многие другие обстоятельства подчеркивают злободневность вопроса об усовершенствовании мер, принимаемых для сохранности имущества потерпевшего по фактам преступлений в сфере ИТТ, а также предопределяют необходимость учета складывающейся практики при формулировании рекомендаций правоприменителям.

Ситуация усугубляется тем, что некоторые потерпевшие¹⁰ от мошенничества, совершаемого с использованием ИТТ, полагая, что правоохранительные органы не смогут изобличить преступников и вернуть денежные средства, согласны выполнять требования злоумышленников, убеждая жертв, что якобы после совершения ими противоправных действий похищенные денежные средства будут возвращены. Требования мошенников различны по своему характеру и степени общественной опасности – от посредничества в получении денежных средств при очередных мо-

шеннических действиях до совершения террористических актов. Серия поджогов и подрывов административных зданий, полицейских автомобилей, банковских и почтовых учреждений, совершенных во второй половине декабря 2024 г., является ярким тому подтверждением¹¹. С сожалением приходится констатировать, что подобные преступления продолжают совершаться.

Состояние преступности в сфере ИТТ приводило к выработке организационных и практических совместных мер правоохранительных органов и банков по противодействию и защите имущественных прав потерпевших. Среди них – обязанность кредитных организаций направлять в Банк России информацию о предотвращенных хищениях денежных средств; система действий по блокировке звонков с подменных номеров; блокировка фишинговых ресурсов; приостановление (отказ) использования электронных средств платежа при наличии информации о попытке совершения перевода денежных средств без добровольного согласия клиента; компенсация финансовых потерь клиентам, ставшим жертвами мошенников; усиление работы банков по информированию и актуализации информационно-просветительских материалов, регулярному направлению СМС-сообщений или push-уведомлений клиентам о новых видах IT-преступлений; внедрение двухфакторной аутентификации, позволяющей проследить связь между держателем электронного средства платежа и лицом, осуществляющим операцию в банкомате, и другие.

Учет современных технических и банковских возможностей, а также причин, приводящих к несвоевременному информированию правоохранительных органов о факте совершения общественно опасного деяния, позволит целенаправленно применять меры, обеспечивающие сохранность имущества потерпевших при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Под мерами по сохранности имущества потерпевшего в результате совершения преступления в сфере ИТТ понимаем процессуальные и непроцессуальные (организационные) действия следователя, в производстве которого находится уголовное дело (материалы проверки), направленные на исключение посягательства на имущество и (или) имущественные права потерпевшего путем предотвращения вредоносного воздействия, а также обеспечивающие возмещение, компенсацию причиненного материального ущерба.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=11> (дата обращения: 30.11.2024).

¹⁰ В тексте статьи под потерпевшим понимается как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, так и фактически пострадавшее от общественно опасного деяния.

¹¹ В России зафиксировали 55 попыток поджога и подрыва зданий за девять дней [Электронный ресурс] // РИА «Новости». – URL: <https://ria.ru/20241226/podzhogi-1991465027.html> (дата обращения: 30.12.2024).

Традиционными мерами, применяемыми для сохранности имущества потерпевшего при производстве по уголовному делу о преступлении в сфере ИТТ, являются: своевременное признание заявителя потерпевшим и обеспечение его прав; разъяснение потерпевшему права подачи гражданского иска; оперативное принятие мер по установлению, выявлению имущества подозреваемого, обвиняемого, на которое может быть наложен арест, а также ряд иных [3]. Указанные меры являются очевидными и общеизвестными, не требующими комментирования применительно к предмету статьи, за исключением некоторых моментов, которые будут приведены далее. Но сначала обратим внимание на специфичные, менее распространенные и известные аспекты.

В ходе расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств и последующим их получением при помощи лица, предоставившего свою банковскую карту, следователю следует выполнить ряд мероприятий:

- проверить видеозаписи с камер наблюдения в помещениях офисов кредитной организации в зоне соответствующего банкомата;
- выяснить способ аутентификации с целью идентификации личности причастного к обналичиванию денежных средств;
- установить принимаемые меры по верификации подозрительных транзакций, в том числе истребовались ли кредитной организацией подтверждающие документы о причинах срочности получения денежных средств, оформления кредита (займа).

Получение указанной информации поможет не только определить состояние потерпевшего в момент совершения в отношении него преступления (установить виктимность жертвы), но и повысить степень ответственности банков за своих клиентов. В случае же выявления фактов ненадлежащей работы банков по установлению оснований выдачи кредитов (займов), способствовавших доведению мошеннических действий до конца, направить соответствующее представление в организацию финансово-кредитной сферы.

Кроме того, эффективность возмещения вреда потерпевшему зависит от своевременности информирования и взаимодействия органов предварительного расследования с Банком России (например, в рамках направления запросов в ФинЦЕРТ¹²). Направление запросов с внесением корректных данных позволяет получить информацию о счетах и вкладах получателей денежных средств, являющихся предметом преступления, и наложить арест

на имущество. Неотложность таких действий – гарант возмещения ущерба потерпевшему.

Очевидно, что электронный формат документооборота при производстве по уголовным делам делает более эффективным процессуальное взаимодействие и решает целый комплекс процедурных проблем [4, с. 186], в том числе упрощает и ускоряет получение необходимой информации из кредитно-финансовых организаций, операторов связи и т.п. Это способствует установлению лиц, непосредственно совершивших преступление (лиц, осуществляющих переводы денежных средств, полученных от потерпевшего, дропов и т.п.), а не только курьеров. Именно взаимодействие правоохранительных органов с банками, операторами связи позволяет изобличить организаторов преступной деятельности, сотрудников кол-центров, администраторов вывода денежных средств, лиц, обеспечивающих функционирование технических устройств (сим-банков и GSM-шлюзов¹³) на территории Российской Федерации. Выявление лишь частичного состава причастных лиц к совершению хищения негативно сказывается на защите имущественных прав потерпевших.

Продемонстрируем сказанное на примере, обнаруженном при анализе складывающейся следственной практики, в рамках которого потерпевшему не были оказаны возможные меры по возмещению ущерба, причиненного в результате совершения преступления в сфере ИТТ.

В период с 15 по 21 февраля 2024 г. группа лиц, действуя по предварительному сговору, имея умысел на хищение чужого имущества путем мошенничества, под предлогом перевода денежных средств на безопасный банковский счет, убедила несколько потерпевших лично снять денежные средства со своих банковских счетов, часть из которых перевести на указанные группой лиц банковские счета, а часть передать гр-ке Н. В результате преступных действий были похищены денежные средства на общую сумму 1,9 млн рублей, то есть в особо крупном размере.

По подозрению в причастности к данному преступлению была задержана гр-ка Н. В ходе допроса в качестве подозреваемого она привела версию о том, что получала от лиц денежные средства,

¹² Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности, специальное структурное подразделение Банка России.

¹³ Такие лица могут осознавать преступный характер своих действий либо оставаться в неведении относительно криминального характера действий, но позволяют скрыть абонентские номера и перенаправлять их через устройства агрегации сим-карт в одном месте, с помощью которых связь сим-карты с GSM-шлюзом осуществляется через IP-сеть. Данные лица подбираются в закрытых чатах из числа жителей Российской Федерации, которые имеют технические навыки для поддержания функционирования инфраструктуры, состоящей из сим-банков и GSM-шлюзов, обеспечивающих техническую часть мобильной коммуникации между кол-центрами иностранных государств и Российской Федерации.

не зная о преступном характере своих действий. О месте и времени получения денег ее информировала ранее ей неизвестная женщина, представившаяся сотрудником правоохранительных органов. Гр-ка Н. была убеждена, что выступает участником оперативно-разыскных мероприятий, направленных на изобличение и пресечение преступных действий работников банков, а денежные средства получала как участник оперативного эксперимента. Верила в правомерный характер своих действий. Узнав, что совершала преступление, выступив дропом¹⁴ похищенных денежных средств, в содеянном раскаялась, высказала готовность возместить причиненный ущерб потерпевшим. Подверженность преступному воздействию объяснила постоянными звонками неизвестной женщины, держащей ее общение с окружающими под контролем, оказанием психологического давления.

Для установления степени внушаемости и подчиненности гр-ки Н. была назначена комплексная амбулаторная психолого-психиатрическая судебная экспертиза. По результату проведения экспертизы вывод экспертов поставил под сомнение причастность гр-ки Н. к совершению расследуемого преступления. Ввиду того что эти сомнения были расценены следователем как неустранимые, им было принято решение о прекращении уголовного преследования в отношении гр-ки Н., о чем вынесено соответствующее постановление 24 мая 2024 г.

При этом следует отметить, что на разрешение экспертов одним из вопросов был поставлен следующий: «степень влияния эмоционального состояния лица на смысловое восприятие и оценку совершаемых действий, которое привело к формированию у нее заблуждения относительно существа или природы совершаемых действий». На указанный вопрос был получен ответ: «признаков повышенной внушаемости, подчиняемости у гр-ки Н. не выявлено». Помимо того, в заключении экспертов было отмечено, что вопрос о существенном влиянии эмоционального состояния лица на смысловое восприятие и оценку совершаемых действий, которое привело к формированию у гр-ки Н. заблуждения относительно существа или природы совершаемых действий, решается при производстве комплексной стационарной психолого-психиатрической судебной экспертизы. Данная экспертиза в ходе дальнейшего производства по уголовному делу не назначалась, указанный вопрос разрешен не был, как и не был установлен ряд иных обстоятельств, имеющих существенное значение для производства по уголовному делу.

Таким образом, при причинении ущерба на общую сумму около 2 млн рублей прекращение уголовного преследования в отношении лица, выступившего дропом, готового возместить причиненный ущерб, исключило одну из возможностей для потерпевшего на компенсацию ущерба при производстве по уголовному делу.

Для проверки и оценки выводов эксперта о состоянии внушаемости дропа, а также установления существенных обстоятельств преступного деяния важное значение имеет всестороннее получение информации по всем счетам, анализ выписок по ним, получение полных сведений об имущественном положении лица, производство обысков, в том числе в жилище такого участника, изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации с целью последующего направления запросов, в том числе по выявленным номерам карт и абонентским номерам. Также значение имеет своевременное и полное внесение информации в информационную подсистему «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД – Ф». Это позволит оперативно получить сведения об имеющихся совпадениях по реквизитному составу, о наличии раскрытых уголовных дел в иных регионах.

Такая работа следователя обеспечит проверку версии об осведомленности дропа о преступном характере совершаемых им действий.

В судебной практике имеются неоднократные случаи привлечения лица, выступившего дропом, к уголовной ответственности не только при наличии правдивых показаний подозреваемого. Совокупность проведенных следственных и иных процессуальных действий: показаний потерпевших и свидетелей, протоколов проверки показаний на месте, протоколов осмотров предметов и документов в виде выписок, информации о принадлежности абонентского номера, подключенного к банковской карте, на которую поступили денежные средства потерпевшего, и адресе такого абонента, информации о владельце банковских карт, на счет владельцев которых поступали денежные средства, осмотра изъятых электронных носителей информации – позволяет установить умышленность действия дропа.

К примеру, Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга вынес обвинительный приговор в отношении Б., вступившей в сговор с неустановленными лицами, направленный на хищение чужого имущества путем обмана. Б. выступила, согласно отведенной ей роли, курьером. Несмотря на то что Б. вину не признала, заявила, что в состав преступной группы не входила, действовала под влиянием и убеждением, потерпевших не уговаривала, думала, что действует по просьбе и поручению ФСБ России и Банка России, суд, учтя про-

¹⁴ Дропы – это физические лица, которых используют злоумышленники для реализации незаконных финансовых операций [Электронный ресурс] // Вестник Киберполиции России. – URL: https://t.me/cyberpolice_rus (дата обращения: 30.12.2024).

веденный на досудебном производстве комплекс мероприятий и принятых решений (аналогичных приведенным в предыдущем абзаце. – А.С., О.Ч.), признал достаточными собранные и представленные стороной обвинения доказательства для вынесения обвинительного приговора, назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев условно с испытательным сроком 3 года, а также взыскал в пользу потерпевшего в счет возмещения ущерба 4,9 млн рублей¹⁵.

Возмещение ущерба потерпевшему от преступлений в сфере ИТТ обеспечивается, как уже было отмечено, своевременным производством следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, позволяющих в том числе установить имущество, на которое может быть наложен арест.

Как точно отметила О.В. Химичева, ввиду «цифровизации» преступности и необходимости противодействия преступлениям, совершенным в информационной среде или с использованием информационных технологий, существует насущная потребность использования должностными лицами адекватного процессуального «оружия» [5, с. 171]. С августа 2025 г. перечень процессуального «оружия» пополнился. Введена новая обеспечительная мера – иная мера процессуального принуждения – приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ))¹⁶. Ее возникновение вызвано одной из проблем расследования преступлений, совершаемых с помощью IT-технологий, – длительным процессом получения информации от операторов. При анализе исполнения запросов органов предварительного расследования было установлено, что средний срок предоставления ответов составлял более одного месяца¹⁷.

¹⁵ Красносельский районный суд города Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: https://ksl-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=850036765&case_uid=9c9ea46b-2c14-4454-8c6f-779af0e6a18b&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁶ Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310009?index=1> (дата обращения: 02.08.2025).

¹⁷ Суринская Я. Следователи смогут блокировать счета фигурантов уголовных дел до решения суда [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – 9 декабря. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/09/1080109-sledovateli-smogut-blokirovat-scheta-figurantov-ugolovnih-del-do-resheniya-suda> (дата обращения: 20.12.2024).

Согласно положениям ст. 115.2 УПК РФ мера предусматривает возможность следователя с согласия руководителя и дознавателя, а также прокурора принять решение о приостановлении таких операций на срок не более 10 суток при наличии оснований полагать, что счета используются в преступной деятельности. Причем оператор по переводу денежных средств, оператор электронных денежных средств или оператор подвижной радиотелефонной связи исполняет постановление о приостановлении операций в течение 24 часов с момента его поступления, о чем уведомляет следователя или дознавателя в тот же срок. В дальнейшем операции должны быть возобновлены по истечении 10 суток, если органы предварительного расследования не обратятся в суд для их ареста.

На текущий момент идет выработка практики применения указанной меры процессуального принуждения. Вместе с тем существует и активно применяется близкая, по сути, указанной обеспечительной мере мера в виде замораживания (блокирования) денежных средств или иного имущества в отношении организации или физического лица, включенной (-ого) в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму (далее – Перечень). Причем последняя осуществляется в срочном порядке, по возможности незамедлительно, но не позднее одного рабочего дня со дня размещения в сети Интернет на официальном сайте уполномоченного органа информации о включении организации или физического лица в Перечень¹⁸.

Более того, согласно имеющимся в открытых источниках публикациям в отдельных регионах до внесения ст. 115.2 в УПК РФ сложилась практика использования так называемого информационного запрета. Указанный запрет заключался в направлении сотрудником правоохранительного органа обращения в банковскую организацию, Федеральную налоговую службу с информацией об уголовном деле и необходимости принятия ограничительных мер по распоряжению имуществом, денежными средствами. Следует отметить, что подобное обращение осуществлялось до наложения ареста на имущество (одновременно с инициированием данного решения), что позволяло оперативно блокировать возможность злоумышленника распоряжаться денежными средствами, имуществом. По мнению отдельных правозащитников, положения ст. 115.2

¹⁸ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17274> (дата обращения: 20.12.2024).

УПК РФ фактически узаконили и отрегулировали «сложившийся механизм»¹⁹.

Изменения уголовно-процессуального закона наделяют правоприменителя дополнительными полномочиями по приостановке операций с денежными средствами, в том числе электронными и авансовыми платежами, без судебного решения с использованием автоматизированного межведомственного взаимодействия с кредитными организациями, что, безусловно, позитивно отразится на осуществлении мер по сохранности имущества потерпевшего от преступлений в сфере ИТТ.

Следователи, действуя в установленных правовых пределах, при наложении ареста на имущество, в целях обеспечения возмещения (компенсации) причиненного в результате преступления вреда, должны руководствоваться требованиями закона, а также учитывать позиции Конституционного Суда Российской Федерации, складывающуюся судебную практику.

Интересный аспект указанной меры процессуального принуждения стал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Так, денежные средства, на которые был наложен арест, были переведены на другой банковский счет; новым судебным решением на них был наложен арест повторно, без их возвращения на прежний банковский счет. При продлении срока наложения ареста на имущество не учитывались обстоятельства, связанные с переводом денежных средств, незаконность которого установлена вступившим в законную силу решением суда вышестоящей инстанции. Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал, что «не исключается сохранение действия правового режима ареста на имущество для обеспечения – при эффективном судебном контроле – частныхправовых целей возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, если по делу будет заявлен гражданский иск и владелец арестованного имущества подлежит привлечению в качестве гражданского ответчика»²⁰. Пролонгация в данном случае наложения ареста на имущество должна осуществляться на основании ч. 1 ст. 115 УПК РФ с учетом соблюдения правил о сроках исковой

давности и привлечения владельца арестованного имущества в качестве гражданского ответчика.

Интересен пример инициированной представителем потерпевшего (адвокатом) меры, направленной на сохранность имущества потерпевшего. Так, параллельно с возбужденным уголовным делом, в ходе которого доверитель адвоката являлся потерпевшим, началось исполнительное производство по итогу рассмотрения иска в рамках гражданского судопроизводства, так как доверитель адвоката прекратил выплаты по кредитному договору, оформленному для передачи затребованной мошенниками денежной суммы. Представитель потерпевшего заявил ходатайство о наложении ареста на имущество потерпевшего, адресованное следователю. Последний удовлетворил его и обратился с аналогичным ходатайством в Московский районный суд города Санкт-Петербурга. Судья, сославшись на ст. 115 УПК РФ, удовлетворил ходатайство и наложил арест на имущество потерпевшего, аргументировав его необходимостью обеспечения исполнения приговора в части восстановления нарушенных прав потерпевшего. Данный пример указывает на понимаемую участниками уголовно-процессуальных отношений важность обеспечения сохранности имущества потерпевшего при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере ИТТ, а также на необходимость усовершенствования оснований наложения ареста на имущество и мер безопасности по сохранности имущества потерпевшего²¹.

Остро стоит проблема возмещения, компенсации причиненного материального ущерба при расследовании преступлений в сфере ИТТ в случаях неустранения подлежащего привлечению к уголовной ответственности лица.

В таких ситуациях потерпевшим необходимо разъяснять возможность защиты своих прав и возмещения причиненного ущерба с владельцев счетов, на которые осуществлены переводы денежных средств.

К настоящему времени сформировалась судебная практика по взысканию неосновательного обогащения с непосредственных владельцев счетов, на которые потерпевшие перечислили денежные средства.

Так, согласно ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество

¹⁹ «Негласный механизм»: зачем МВД добивается права блокировать счета без суда [Электронный ресурс]. – URL: <https://rtvi.com/news/neglasnyj-mehanizm-zachem-mvd-dobivaetsya-prava-blokirovat-scheta-bez-suda/> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 № 1439-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Русское общество страхования «Родина» на нарушение его конституционных прав статьями 61, 62 и 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации. – URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision616453.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

²¹ Приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга от 13.02.2017, дело № 1-59/17 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: https://msk-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525807852&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.12.2024).

за счет другого лица (потерпевшего в результате совершения преступления в сфере ИТТ), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). Это положение применяется независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. В соответствии с ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обязанность доказать наличие обстоятельств, в силу которых неосновательное обогащение не подлежит возврату, либо то, что денежные средства или иное имущество получены обоснованно и неосновательным обогащением не являются, возлагается на ответчика. В ходе судебного рассмотрения таких исков ответчики – номинальные владельцы счетов не могут представить доказательств наличия законных оснований для приобретения денежных средств, в связи с чем суды выносят решения в пользу потерпевших²².

Таким образом, разъяснение следователем вышеуказанной возможности обеспечивает дальнейшую деятельность по возмещению причиненного материального ущерба при расследовании преступлений в сфере ИТТ в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Следует затронуть еще один немаловажный аспект. Полагаем, мерой, обеспечивающей безопасность сохранности имущества, является не только временная блокировка счета и наложение ареста на имущество, но и разъяснение следователем потерпевшему рисков продолжения использования банковской карты, со счета которой были похищены денежные средства, отсутствия дополнительных паролей для входа в аккаунт или информационно-справочные порталы, неустановки антивирусных программ и т.п. в зависимости от способа совершения IT-преступления.

К сожалению, на сегодняшний день ни одна мера безопасности, предусмотренная Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных

участников уголовного судопроизводства»²³, не содержит способов, которые могли бы обеспечить безопасность имущества потерпевшего в цифровой среде. Указанное положение связано с тем, что законодатель с запозданием реагирует на видоизменение преступности, в том числе на новые способы совершения преступлений, обусловленные развитием информационных технологий [6, с. 36].

При подготовке статьи выявлен случай, когда злоумышленник на протяжении длительного времени постоянно взламывал разные аккаунты, в том числе личные кабинеты в мобильных приложениях банков, электронную почту, личный кабинет на портале «Госуслуги» жертвы, угрожал хищением денежных средств с имеющихся карт, оформлением микрозаймов и продажей имеющегося недвижимого имущества путем оформления сделки, подписанной электронной подписью. Обращение пострадавшего в службы безопасности банков, прокуратуру, территориальный отдел полиции положительного результата в виде исключения неправомерного доступа к имеющимся аккаунтам не дало. По сообщению гражданина, в органах внутренних дел было принято и зарегистрировано заявление, проведена проверка, по результатам которой принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Возможность отказа в возбуждении уголовного дела органом дознания под сомнение не ставится (было предметом отдельного исследования [7]), однако в данном случае вызывает вопрос факт отказа в возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления: неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), незаконного использования и (или) передачи, сбора и (или) хранения компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создания и (или) обеспечения функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения (ст. 272.1 УК РФ), нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), а также других преступлений.

Кроме того, в контексте темы статьи также вопросы вызывает непринятие мер, исключающих посягательства на имущество и (или) имущественные права в цифровой среде. С одной стороны, это обусловлено тем, что таковые меры в настоящий момент отсутствуют не только применительно к проверке сообщения о преступлении и предварительному расследованию, но в целом в законодательстве. С другой стороны, возбуждение уголовно-

²² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2025 № 88-17875/2025 (УИД 36RS0027-01-2024-001003-28) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2022 № 88-21351/2022 по делу № 2-419/2020 (УИД 47RS0013-01-2020-000492-24) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2025 по делу № 88-7718/2025 (УИД 56RS0018-01-2024-001867-32) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2025 № 88-20344/2025 (УИД 22RS0012-01-2025-000145-77) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» и др.

²³ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

го дела и последующее разбирательство по данному факту уже могли оказать требуемое воздействие и привести к пресечению действий злоумышленника, а также обеспечить кибербезопасность жертвы.

По итогу жертва указанных атак и угроз, в том числе имущественного характера, основанных на использовании ИТТ, удалила аккаунты всех социальных сетей, мессенджеров, мобильных приложений; денежные средства получает исключительно по паспорту в офисах банка; пользуется кнопочным телефоном без возможности выхода в сеть Интернет.

В современных реалиях, ввиду отсутствия возможности принятия соответствующих мер, подобного рода действия приводят к существенным ограничениям, в том числе связанным с реализацией конституционных прав и свобод (например, запись в государственные учреждения здравоохранения ко многим специалистам сегодня осуществляется исключительно через официальные сайты).

Такие примеры запугивания потерпевших не единичны, в связи с этим считаем целесообразной разработку мер цифровой защиты участников уголовного судопроизводства, позволяющих

им без ущерба прав оставаться в безопасности, как личной, так и имущественной. В то же время следует отметить, что затронутый аспект требует самостоятельного исследования в дальнейшем, как и ряд более глобальных аспектов мер кибербезопасности, в том числе касающихся выработки государственной научно-технической политики в сфере правоохранительной деятельности, создания специализированного государственного органа по кибербезопасности и др. [8, с. 27].

Подытожим. Рассмотренные меры по сохранности имущества потерпевшего при расследовании преступлений в сфере ИТТ, с учетом современной регламентации и складывающейся практики, позволили предложить ряд рекомендаций правоприменителям, которые способствуют, по нашему мнению, обеспечению повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по сохранности имущества потерпевшего от преступлений в сфере ИТТ, что в конечном итоге приведет к созданию системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, и снижению ущерба от их совершения.

Литература

1. **Максуров А.А.** Обеспечение информационной безопасности в сети Интернет: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 226 с.
2. **Судницын А.Б.** Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 176 с.
3. **Чабукяни О.А., Зайцева Е.В.** Деятельность следователя, дознавателя по обеспечению возмещения имущественного вреда потерпевшему // Полиция и следственная деятельность. – 2024. – № 4. – С. 41–54.
4. **Мичурина О.В.** От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций / Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 184–189.
5. **Химичева О.В.** Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 170–174.
6. **Иванцов С.В.** Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы предупреждения // Криминологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 35–39.
7. **Судницын А.Б., Карлов А.Л.** Орган дознания в системе органов внутренних дел как субъект принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10. № 1. – С. 89–95.
8. **Бессонов А.А.** Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе / Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертиза в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Москва, 2025. С. 23–31.

References

1. **Maksurov A.A.** Obespechenie informatsionnoi bezopasnosti v seti Internet: monografiya. – Moskva: INFRA-M, 2023. – 226 s.
2. **Sudnitsyn A.B.** Zadachi predvaritel'nogo rassledovaniya: pravovaya priroda, sistema, problemy realizatsii i puti sovershenstvovaniya: monografiya. – Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2019. – 176 s.
3. **Chabukiani O.A., Zaitseva E.V.** Deyatel'nost' sledovatelya, doznavatelya po obespecheniyu vozmeshcheniya imushchestvennogo vreda poterpevshemu // Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. – 2024. – № 4. – S. 41–54.
4. **Michurina O.V.** Ot bumazhnogo k elektronnomu dokumentooborotu: rossiiskii ugolovnyi protsess v rusle sovremennykh mirovykh tendentsii / Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2023. S. 184–189.

Теоретические и прикладные аспекты правоохранительной деятельности

5. **Khimicheva O.V.** Sledstvennye deistviya: o tsifrovoy transformatsii ikh proizvodstva // Kriminologicheskii zhurnal. – 2023. – № 2. – S. 170–174.
6. **Ivantsov S.V.** Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: voprosy preduprezhdeniya // Kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – № 2. – S. 35–39.
7. **Sudnitsyn A.B., Karlov A.L.** Organ doznaniya v sisteme organov vnutrennikh del kak sub'ekt prinyatiya resheniya ob otkaze v возбуждении уголовного дела // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – Т. 10. № 1. – S. 89–95.
8. **Bessonov A.A.** Novyi tekhnologicheskii uklad kak vyzov sovremennoi pravookhranitel'noi sisteme / Kriminalistika, ugolovnyi protsess i sudebnaya ekspertologiya v XXI veke: vektory razvitiya (k 70-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestuplenii Akademii upravleniya MVD Rossii): sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva, 2025. S. 23–31.

(статья сдана в редакцию 23.03.2026)

**Особенности тактики отдельных видов следственного
осмотра при расследовании преступлений в сфере
незаконного оборота наркотиков, совершенных
с использованием информационно-телекоммуникационных
технологий**

**Features of the tactics of certain types of investigative
inspections in the investigation of crimes in the sphere
of illegal drug trafficking committed using information
and telecommunication technologies**

УДК 343.98

В.И. Щукин,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Schukin56@yandex.ru

Vladimir I. Shchukin,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные особенности тактики отдельных видов следственного осмотра при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Обоснована необходимость актуализации имеющихся знаний в связи с активным развитием способов и средств сокрытия следов преступления, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Определены объекты обнаружения цифровых следов в ходе расследования и их зависимость от способа совершаемого преступления, использования определенного вида технических средств. Дана структурная характеристика противоправной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств бесконтактным способом, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Обоснована необходимость при осмотре компьютерной техники на предмет наличия цифровых следов обязательного участия квалифицированного специалиста, обладающего необходимыми навыками и знаниями, а также специализированным программным обеспечением, что значительно снижает риск утраты важной информации. В статье классифицированы объекты информационного пространства, исследуя которые следователь при осмотре компьютерной техники может получить криминалистически значимую информацию. Определена зависимость последовательности проведения, содержания отдельных действий в рамках рабочего этапа тактики осмотра объектов компьютерной техники от отдельных факторов, таких как место проведения осмотра, время, отведенное на его осуществление, участие в осмотре специалиста в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: тактика следственного действия; незаконный оборот наркотических средств; следственный осмотр; информационно-телекоммуникационные технологии; расследование преступлений; специальные знания

Для цитирования: Щукин В.И. Особенности тактики отдельных видов следственного осмотра при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 23–27.

Abstract: the article examines the current tactics of certain types of investigative inspections in the investigation of drug trafficking crimes committed using information and telecommunications technologies. It substantiates the need to update existing knowledge in light of the rapid development of methods and means for concealing traces of crimes committed using information and telecommunications technologies. The article identifies the objects of digital trace detection during an investigation and their dependence on the method of the crime committed and the use of a specific type of technical means. A structural description of illegal activity related to contactless drug trafficking using information and telecommunications technologies is provided. The article substantiates the need for a qualified

specialist with the necessary skills and knowledge, as well as specialized software, to be involved in inspecting computer equipment for digital traces, significantly reducing the risk of losing valuable information. The article classifies information space objects that, by examining them, an investigator can obtain forensically significant information during an inspection of computer equipment. The dependence of the sequence of implementation, the content of individual actions within the working stage of the tactics of inspection of computer equipment on individual factors, such as the location of the inspection, the time allotted for its implementation, the participation of a specialist in the field of information and telecommunications technologies in the inspection, has been determined.

Keywords: investigative tactics; illicit drug trafficking; investigative examination; information and telecommunication technologies; crime investigation; special knowledge

For citation: Shchukin V.I. Features of the tactics of certain types of investigative inspections in the investigation of crimes in the sphere of illegal drug trafficking committed using information and telecommunication technologies // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 23–27.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в последние годы имеют тенденцию к увеличению. Так, в 2025 году их число по отношению к предыдущему году возросло почти на четверть и составило 117 505 случаев¹.

Данная категория преступлений довольно специфична, если рассматривать механизм следообразования. В связи с чем имеет значение изучение тактики следственных действий, в частности отдельных видов следственного осмотра, направленных на обнаружение, изучение и исследование следов преступления данной категории.

С учетом особенности совершения рассматриваемых преступлений (с использованием информационно-телекоммуникационных технологий) стоит отметить, что значительное количество выявленных следов являются цифровыми. Они могут быть выражены в виде изменения документов посредством их редактирования в специальных программах, а также незаконного получения информации путем внедрения в информационное пространство. Это представляет определенные сложности в ходе расследования преступлений данной категории [1, с. 115].

Объекты обнаружения указанного вида следов будут зависеть от способа совершаемого преступления, использования определенного вида технических средств.

Если мы делаем акцент на таком виде преступления, как незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, то местом обнаружения цифровых следов может быть место проживания преступников, место сбыта и хранения наркотиков.

Анализ практики расследования преступлений данной категории свидетельствует, что оборот наркотических средств в основном осуществляется посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, как правило, является бесконтактным и анонимным способом [2, с. 95]. Если рассматривать этот процесс структурно, то его можно представить следующим образом:

1. Создание канала в телекоммуникационной сети Интернет.
2. Вербовка лиц для участия в незаконном обороте наркотических средств.
3. Приобретение наркотических средств и размещение объявлений об их продаже в телекоммуникационном пространстве [3, с. 81].
5. Размещение товара (наркотических средств) посредством оборудования тайников для дальнейшего бесконтактного сбыта.
6. Продвижение интернет-магазина с помощью рекламы, реализуемой различными способами [4, с. 275].
7. Продажа наркотических средств дистанционным способом.

При сбыте дистанционным путем наркотических средств следует учитывать ряд особенностей криминалистической характеристики этого способа [5, с. 76]. На первый взгляд реализация подобного способа сбыта довольно проста, однако вычислить признаки его осуществления, а также участников очень затруднительно. Поскольку при расследовании преступлений в данной сфере использование традиционных способов раскрытия преступной деятельности и разработки подозреваемых лиц представляется невозможным, так как отсутствует физический контакт между участниками преступной группы, а также между продавцом и покупателем наркотических средств.

Учитывая тот факт, что преступления совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, под которыми в широком смысле следует понимать область человеческой деятельности, связанную с изобретением

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 09.02.2026).

и изготовлением систем и устройств, позволяющих реализовывать процессы обработки информации [6, с. 66], следует отметить, что, помимо следов в материальном пространстве, важно также обнаружить следы в информационной среде.

К осматриваемым объектам информационного пространства следует отнести:

- электронные носители с информацией, полученные в результате совершения преступления;
- электронные носители, имеющие информацию, представляющую интерес для следствия, или ставшие предметом совершения преступления;
- места непосредственного использования цифровых устройств, с помощью которых было совершено преступление.

Важно также учитывать неотложность проведения осмотра в силу обстоятельств, которые могут повлечь уничтожение следов. В связи с чем в литературе ведутся дискуссии относительно целесообразности проведения повторных осмотров места происшествия [7, с. 155].

Тактика проведения осмотра места происшествия и других видов следственного осмотра способствует получению сведений, имеющих значение для выдвижения следственных версий, а также расследования преступления в целом.

При проведении осмотра места происшествия по факту расследования преступления, связанного с незаконным сбытом наркотических веществ, следует также уделять внимание осмотру цифровых устройств, расположенных на месте происшествия. В данном случае речь идет о сотовых телефонах, планшетах или ноутбуках, персональных компьютерах, обнаруженных и изъятых у лиц, застигнутых при совершении преступления. В них может содержаться не только следовая информация, но и сведения, представляющие интерес для оперативных сотрудников. Криминалистически значимая информация, обнаруженная на этих объектах, может быть распечатана и приобщена к протоколу следственного действия.

В случае, если место осмотра расположено вдали от каких-либо строений, например на местности, допускается определение местоположения при помощи средств системы глобального позиционирования с привязкой к столбам линий передач, километровым столбам, поскольку они имеют наименование и порядковые номера, позволяющие идентифицировать расположение участка местности. Наибольший интерес вызывает тактика проведения данного вида осмотра. Необходимо определить место непосредственной закладки наркотического средства, исходя из информации, полученной в результате осмотра мобильного устройства сотовой связи, границы места осмотра.

В качестве обоснования такой тактики может служить пример из следственной практики. Так,

Центральным районным судом г. Оренбурга было установлено, что гражданин Б., с целью приобретения наркотического средства, по сотовому телефону связался со сбытчиком. После проведения электронного платежа получил информацию о месте закладки (фотография с координатами), которое находилось за городом в лесном массиве. Гражданин Б. выехал к месту, нашел закладку, но на обратном пути был задержан сотрудниками полиции. При определении места сбыта и хранения наркотических средств значительную роль имела информация, полученная при осмотре мобильного устройства сотовой связи².

Наиболее распространенными техническими устройствами, используемыми в рассматриваемой нами сфере преступности, являются мобильные телефоны и персональные компьютеры.

В мобильном устройстве сотовой связи может быть отражена информация о лицах, у которых было приобретено наркотическое средство, переводах денежных средств для оплаты покупки, а также факты, свидетельствующие о ранее совершенных преступлениях, связанных с приобретением наркотических средств. Помимо этого, чаты, переписка, история просмотров в Интернете могут содержать важную для следствия информацию.

При проведении осмотра мобильного устройства сотовой связи необходимо понимать, что преступником могут быть предприняты все меры для сокрытия следов преступной деятельности (удаление переписок, очистка истории браузера, выход из аккаунтов социальных сетей). Поэтому следует исключить доступ мобильного устройства сотовой связи к сети Интернет посредством включения режима «полет». Значимая информация сохраняется даже в случае ее удаления. Например, в случае удаления переписки другим пользователем или дистанционного удаления аккаунта.

Немаловажным аспектом становится вопрос получения данных с мобильного телефона, когда тот защищен паролем. Если отсутствует возможность получить пароль от устройства у его владельца, то следует для этих целей привлечь специалиста.

В ходе осмотра мобильного устройства сотовой связи необходимо установить:

- время и способ приобретения наркотического вещества, его количество и вид;
- лицо, у которого было приобретено наркотическое вещество (зачастую его не удается установить, поскольку приобретается у ботов в мессенджерах);
- способ оплаты наркотического вещества;

² Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 12.02.2024 по делу № 1-108/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HhEPXASTjibY/> (дата обращения: 18.04.2025).

- фотографии и координаты расположения тайника с наркотическим средством;
- лиц, с которыми преступник собирался употребить наркотическое вещество;
- общие сведения о жизнедеятельности преступника (основываясь на фотографиях, переписке и т.д.).

При проведении данного вида осмотра важно учитывать способы сокрытия информации [8, с. 174]. В сотовом телефоне могут быть приложения, название которых вводит в заблуждение относительно их истинного назначения. Например, специальное приложение «Калькулятор» может быть предназначено для маскировки других, выбранных пользователем программ. Альтернативным способом сокрытия информации могут быть специальные разделы в приложениях для обмена сообщениями, такие как опция «скрытые чаты».

Определяя особенности тактики осмотра компьютеров, следует отметить наличие технических сложностей его осуществления. Выявление, сбор и фиксация цифровых следов требует наличия не только специальных знаний [9, с. 218], но и современного технико-криминалистического и программного обеспечения.

В настоящее время преступники используют различные достижения в области техники для сокрытия следов преступления, совершенного в сфере компьютерной информации. В связи с чем в процессе собирания доказательств, в случае необходимости осмотра компьютерной техники на предмет наличия цифровых следов, требуется обязательное участие специалиста, который обладает необходимыми навыками и знаниями, а также программным обеспечением, что значительно снижает вероятность утраты цифровых следов, являющихся доказательствами по уголовному делу.

Важно при осмотре компьютерной техники, содержащей цифровые следы, установить ключевые моменты:

1. Выявить, проводились ли какие-либо манипуляции с компьютерной техникой, если да, то какие. Помимо этого, также необходимо обеспечить наличие электросети на месте проведения осмотра для бесперебойной работы устройств в течение времени, когда проводится следственное действие.

2. Определить целесообразность изъятия исследуемого объекта.

В ряде случаев компьютерная техника может занимать довольно большой объем, что не позволяет передать ее в экспертно-криминалистический центр. Также не исключено, что в случае отключения техники от энергосети может быть утеряна важная информация, имеющая значение для расследования преступления.

Тактика осмотра компьютера предусматривает несколько этапов. В рамках подготовительного

этапа следователь осуществляет анализ криминалистически значимой информации, уже полученной в ходе расследования дела, включая данные, добытые посредством оперативно-разыскной деятельности. Помимо этого, он обеспечивает присутствие специалиста и формирует план проведения осмотра.

В рамках рабочего этапа при непосредственном осмотре компьютера важно учитывать то обстоятельство, что информация может храниться не только на твердых накопителях, расположенных в самом компьютере, но и в облачных хранилищах. По мнению ряда ученых, стадии рабочего этапа осмотра компьютера должны содержать следующие действия. Статическая стадия – установление точного месторасположения компьютера, выявление его индивидуальных признаков, обнаружение и изучение внешних устройств, подключенных к компьютеру. Динамическая стадия – применение криминалистических комплексов и средств для проведения осмотра; изучение аппаратного содержания персонального компьютера, которое включает в себя выявление мест хранения информации, представляющей интерес для следствия; определение установленной операционной системы; исследование данных браузера, электронной почты подозреваемого; применение специальных программных и технических средств для поиска скрытых и недавно удаленных файлов [10, с. 21].

Однако следует отметить, что последовательность проведения и содержание отдельных действий в рамках рабочего этапа осмотра могут зависеть от отдельных факторов, таких как место проведения осмотра, время, отведенное на его осуществление, участие в осмотре специалиста в области IT-технологий. Последний аспект в последнее время является достаточно актуальным. Привлечение специалиста в указанной области представляет большие трудности в связи с неукomплектованностью ими экспертно-криминалистических подразделений.

В рамках заключительного этапа осмотра компьютера в ходе процессуального оформления его результатов следует обратить внимание на правильное употребление технических терминов, четкое отражение носителей информации, в которых были обнаружены следы противоправной деятельности, детальное описание хода проведения осмотра и др.

Таким образом, современный механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств имеет некоторые отличия, связанные с использованием преступниками информационно-телекоммуникационных технологий для совершения преступления или сокрытия следов его совершения. В связи с чем возникает необходимость совершенствования имеющейся

тактики отдельных видов следственного осмотра. При этом следует отметить, что выявление, сбор и фиксация цифровых следов требуют наличия не только специальных знаний, но современного технического, программного обеспечения как части технико-криминалистического обеспечения такти-

ки следственного действия. Особенности тактики следственного осмотра обусловлены сложностью механизма осмотра компьютерной техники и мобильных устройств, а также спецификой процессов изготовления, сбыта и хранения наркотических средств.

Литература

1. *Тертычная И.В., Бадзгардзе Т.А., Проурзина О.Ю.* Особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, совершенных с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» // *Аграрное и земельное право*. – 2022. – № 9 (213). – С. 113–117.
2. *Хамидуллин Р.С.* Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2022. – № 1. – С. 93–98.
3. *Введенская О.Ю.* Особенности предварительной проверки первоначальной криминалистически значимой информации о незаконном сбыте наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2023. – № 1 (59). – С. 79–84.
4. *Бердникова О.П.* Особенности способов совершения сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. – 2020. – № 2 (10). – С. 274–278.
5. *Малик В.И.* Некоторые вопросы противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств через сеть Интернет // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. – 2021. – Т. 18. № 2. – С. 72–81.
6. *Минькович Т.В.* Информационные технологии: понятийно-терминологический аспект // *Образовательные технологии и общество*. – 2012. – № 3. – С. 64–68.
7. *Роганов С.А.* Специфика осмотра места происшествия по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // *Ленинградский юридический журнал*. – 2012. – № 3. – С. 154–159.
8. *Казанцев С.Я., Хайруллова Э.Т.* О современных способах сбыта наркотических, сильнодействующих и психотропных веществ, их аналогов // *Вестник экономической безопасности*. – 2020. – № 1. – С. 172–175.
9. *Павлов В.В., Золотов М.А., Калентьева Т.А.* Проблема получения и фиксации информации, содержащейся на электронных устройствах лиц, задержанных по делам о незаконном обороте наркотических средств с использованием ресурсов сети Интернет // *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. – 2019. – № 2. Т. 1. – С. 216–225.
10. *Земцова С.И., Суров О.А., Галушин П.В.* Организационно-тактические аспекты производства осмотра компьютера при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом «дизайнерских» наркотиков, совершаемых с использованием интернет-магазинов // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2016. – № 3 (24). – С. 19–24.

References

1. *Tertychnaya I.V., Badzgaradze T.A., Prouzina O.Yu.* Osobennosti vyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh veshchestv, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnoi seti "Internet" // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. – 2022. – № 9 (213). – S. 113–117.
2. *Khamidullin R.S.* Obespechenie natsional'noi bezopasnosti putem protivodeistviya prestupleniyam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2022. – № 1. – S. 93–98.
3. *Vvedenskaya O.Yu.* Osobennosti predvaritel'noi proverki pervonachal'noi kriminalisticheskoi znachimoi informatsii o nezakonnomy sbyte narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. – 2023. – № 1 (59). – S. 79–84.
4. *Berdnikova O.P.* Osobennosti sposobov soversheniya sbyta narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov s ispol'zovaniem sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii // *Uchenye zapisi Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2020. – № 2 (10). – S. 274–278.
5. *Malik V.I.* Nekotorye voprosy protivodeistviya prestupleniyam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv cherez set' Internet // *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. – 2021. – T. 18. № 2. – S. 72–81.
6. *Min'kovich T.V.* Informatsionnye tekhnologii: ponyatiino-terminologicheskii aspekt // *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. – 2012. – № 3. – S. 64–68.
7. *Roganov S.A.* Spetsifika osmotra mesta proisshestviya po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv // *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. – 2012. – № 3. – S. 154–159.
8. *Kazantsev S.Ya., Khairullova E.T.* O sovremennykh sposobakh sbyta narkoticheskikh, sil'nodeistvuyushchikh i psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov // *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. – 2020. – № 1. – S. 172–175.
9. *Pavlov V.V., Zolotov M.A., Kalent'eva T.A.* Problema polucheniya i fiksatsii informatsii, soderzhashcheysya na elektronnykh ustroystvakh lits, zaderzhannykh po delam o nezakonnomy oborote narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem resursov seti Internet // *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. – 2019. – № 2. Т. 1. – S. 216–225.
10. *Zemtsova S.I., Surov O.A., Galushin P.V.* Organizatsionno-takticheskie aspekty proizvodstva osmotra komp'yutera pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom "dizainerskikh" narkotikov, sovershaemykh s ispol'zovaniem internet-magazinov // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2016. – № 3 (24). – S. 19–24.

(статья сдана в редакцию 13.01.2026)

**Сталкинг как форма деликтного поведения:
к вопросу необходимости криминализации**

**Stalking as a form of delict behavior: towards
the need for criminalization**

УДК 343.2/.7

Т.А. Амелина,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Nedostupenko-12@yandex.ru

Tatyana A. Amelina,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: целью статьи является комплексный анализ сталкинга как социально опасного явления и обоснование необходимости его уголовно-правовой криминализации в Российской Федерации. В работе рассматривается трансформация общественных отношений под влиянием научно-технического прогресса и социальных процессов, а также уделяется внимание современным угрозам личной безопасности, связанным с психологическим насилием и вторжением в частную жизнь. Особый акцент автор делает на характеристике сталкинга как длительного, систематического и эскалирующего поведения, обладающего высокой степенью общественной опасности и нередко выступающего предшествующей стадией насильственных преступлений. В рамках исследования проанализированы материалы, представленные в средствах массовой информации, судебные решения, законодательные инициативы последних лет, а также зарубежный опыт правового регулирования сталкинга (США, Германия). По результатам исследования сделан вывод о том, что отсутствие самостоятельной уголовно-правовой нормы о сталкинге приводит к запоздалому реагированию со стороны правоохранительных органов и не обеспечивает эффективной превентивной защиты потерпевших. Автор приходит к заключению о необходимости криминализации навязчивого преследования с учетом его психологической, социальной и криминологической специфики, а также с опорой на международный опыт и научно обоснованный системный подход. Сделанные выводы направлены на совершенствование уголовного законодательства и повышение уровня защиты прав и свобод личности.

Ключевые слова: преследование; сталкинг; навязчивое внимание; уголовная ответственность

Для цитирования: Амелина Т.А. Сталкинг как форма деликтного поведения: к вопросу необходимости криминализации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 28–34.

Abstract: the purpose of this paper is to comprehensively analyze stalking as a socially dangerous phenomenon and to substantiate the need for its criminalization in the Russian Federation. The paper examines the transformation of social relations under the influence of scientific and technological progress and social processes, and also focuses on contemporary threats to personal security associated with psychological violence and invasion of privacy. The author places particular emphasis on the characterization of stalking as a long-term, systematic, and escalating behavior that poses a high degree of social danger and often serves as a precursor to violent crimes. The study analyzes materials presented in the media, court decisions, legislative initiatives of recent years, as well as international experience in the legal regulation of stalking (USA, Germany). The study concludes that the lack of a separate criminal law provision on stalking leads to a delayed response by law enforcement agencies and does not provide effective preventive protection for victims. The author concludes that persistent stalking needs to be criminalized, taking into account its psychological, social, and criminological specifics, as well as drawing on international experience and a scientifically based systems approach. These conclusions are aimed at improving criminal legislation and enhancing the protection of individual rights and freedoms.

Keywords: persecution; stalking; obsessive attention; criminal liability; psychological violence

For citation: Amelina T.A. Stalking as a form of delict behavior: towards the need for criminalization // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 28–34.

Общественные отношения, являясь динамической системой, находятся в постоянном процессе трансформации. Эти изменения обусловлены в том числе появлением новых юридических фактов – событий, действий или обстоятельств, влекущих за собой возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. Юридические факты могут быть как правомерными, так и противоправными, что требует соответствующей правовой оценки и в случае необходимости регулирования со стороны законодательства. Развитие научно-технического прогресса стало ключевым фактором, повлиявшим на возникновение новых форм общественных отношений. В условиях цифровизации возрастают угрозы, затрагивающие право на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных и психологическую безопасность граждан. Наиболее распространенными формами преследования в киберпространстве являются мониторинг онлайн-активности, несанкционированный доступ к аккаунтам, а также систематическое направление навязчивых сообщений. По статистике, со слежкой в Сети в 2025 г. столкнулся каждый четвертый россиянин. В 12% случаев дело доходило до угроз и прямого вмешательства в частную жизнь¹.

Указанные процессы свидетельствуют о формировании новых общественных отношений, связанных с необходимостью уголовно-правовой защиты личности от преследования, в том числе осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Уголовное законодательство Российской Федерации демонстрирует способность к адаптации и обновлению в соответствии с изменяющимися общественными реалиями. Однако эффективность правового регулирования требует не только своевременного реагирования на возникающие вызовы, но и комплексного анализа социальных процессов с целью предупреждения новых форм преступности. Развитие законодательства должно опираться на научные исследования, системный подход и приоритет прав и свобод личности.

Несмотря на положительные тенденции, связанные с развитием нормативно-правовой базы в Российской Федерации, сохраняется проблемная область, касающаяся правового регулирования действий, выражающихся в преследовании, навязчивом внимании, слежке и иных формах психологического давления. Совокупность подобных действий оказывает значительное морально-психологическое воздействие на лиц, становящихся их объектом.

Сталкинг как угроза для современного общества. Термин «сталкинг» заимствован из английского языка и происходит от глагола to stalk, который буквально означает «ходить осторожно (незаметно)» [1, с. 147]. Сущность преследования характеризуется признаками, которые поверхностно определяют насилие в целом и относятся к первоначальному значению термина – «неотступно следовать или гнаться за кем-нибудь, имея цель захвата или нанесения вреда» [2, с. 6].

Опасность данного явления заключается в том, что при отсутствии прямых угроз жизни и здоровью стalker посредством постоянного физического или коммуникативного присутствия, а также вторжения – пусть и формально законного – в личное пространство жертвы оказывает систематическое моральное давление. Данные действия по своей природе соотносятся с формами морального насилия [3, с. 29–30].

С точки зрения психологии сталкинг является проявлением психического расстройства. Преследователи склонны к зависимым отношениям и «слиянию» с другими людьми. Они не уважают личные границы объекта своей привязанности, пытаются подавить его волю и манипулировать. Сталкеры проявляют агрессию уже в начале общения. Столкнувшись с отказом, они в 100% случаев начинают злиться, угрожать и оскорблять, получая удовольствие от вызываемого ими чувства страха².

Актуальность обозначенной проблемы обусловлена отсутствием в уголовном законодательстве Российской Федерации норм, прямо предусматривающих ответственность за указанные формы поведения. Кроме того, нет эффективных правовых механизмов и процессуальных гарантий, обеспечивающих личную безопасность лиц, подвергающихся сталкингу.

На сегодняшний день отмечается значительное количество случаев преследовательского поведения, особенно в медийной и семейно-бытовой сферах. Нередко подобные действия эскалируют и завершаются физическим насилием по отношению к жертве, которая не имела возможности предпринять превентивные меры защиты в силу правовой неопределенности и ограниченности существующих механизмов реагирования.

Существующая судебная практика не может выступить ярким доказательством опасности представленных действий, так как судебные решения фактически не отражают факты длительного, порой многолетнего, преследования потерпевших, что негативно влияет на процесс признания

¹ Что такое киберсталкинг и как от него защититься? [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir24.tv/news/16651039/chtotakie-kiberstalking-i-kak-ot-nego-zashititsya> (дата обращения: 11.12.2025).

² Что такое киберсталкинг и как от него защититься? [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir24.tv/news/16651039/chtotakie-kiberstalking-i-kak-ot-nego-zashititsya> (дата обращения: 11.12.2025).

подобного поведения преступным. Однако, если проанализировать те случаи, что были оглашены в средствах массовой информации, то несложно определить высокий уровень таящейся общественной опасности.

Так, в январе 2025 г. в СМИ была освещена ситуация, при которой мужчину-преследователя привлекли к ответственности только после того, как он выстрелил в окно своей жертве и попал в нее. Предшествовало этим событиям полуторалетнее преследование. Как сообщается в СМИ, «женщина столкнулась с тем, что бывший молодой человек не давал ей прохода, морально ее подавлял, а также применял к ней физическую силу. В 2023 и 2024 гг. жительница г. Санкт-Петербурга неоднократно обращалась в полицию с заявлениями о поступающих угрозах»³.

В сентябре 2024 г. в средствах массовой информации были обнародованы подробности продолжительного преследования, когда бывший супруг на протяжении приблизительно восьми лет осуществлял систематическое давление на свою бывшую жену. Данные действия включали регулярное появление мужчины на ее рабочем месте, рассылку сообщений различного содержания коллегам и родственникам потерпевшей, неоднократные визиты по месту ее жительства, даже после того, как она сменила адрес, длительное нахождение у ее двери с попытками подслушивания, а также постоянные телефонные звонки.

Со слов потерпевшей, указанные действия в течение многих лет оказывали на нее выраженное психологическое давление. Потерпевшая пояснила относительно данной ситуации: «Сейчас я не могу нормально спать и боюсь выходить из дома, мне кажется, он следит за мной»⁴. Несмотря на неоднократные обращения в правоохранительные органы, нарушения законодательства Российской Федерации установлено не было, что обусловлено отсутствием соответствующего состава правонарушения в действующем уголовно-правовом поле.

Аналогичный случай, завершившийся трагическим исходом, имел место в апреле 2020 года. Мужчина, на протяжении длительного времени преследовавший свою бывшую жену, осуществлял постоянные звонки, появлялся по месту ее житель-

ства, в том числе после переезда. Впоследствии, после одной из таких встреч, он нанес женщине несколько ударов по голове, в результате чего она скончалась⁵.

Описанные инциденты наглядно иллюстрируют высокую степень социальной опасности, присущую преследователю поведению. В то же время обозначенная проблема обладает потенциалом для правового и институционального разрешения, при условии принятия системных законодательных мер, направленных на предупреждение и пресечение подобных форм морального насилия.

Первые шаги к правовому признанию stalking: от судебной практики к законодательным инициативам. Первые шаги к этому сделаны в августе 2017 года, когда Приволжским районным судом было вынесено решение от 4 августа 2017 г. № 2-4575/2017-2-4575/2017-М-4107/2017 М-4107/2017 по гражданскому делу № 2-4575/2017 о запрете на приближение на любое расстояние, прекращении преследования и взыскании компенсации.

Согласно материалам гражданского дела ответчик обвинялся в том, что «в течение последних трех лет преследует истца. Стороны в период с ноября 2013 г. по июль 2015 г. работали в АО «Барс групп». Но у истца и ответчика не было дружеских отношений, различается круг общения и интересов. Несмотря на то что истец отказывается от общения с ответчиком, последний пытается искать истца, навязывает общение через социальные сети, докучает телефонными звонками, СМС и ММС-сообщениями, сообщениями в сети Интернет. Смена телефонных номеров, места работы, оформление телефонных номеров на родственников и друзей результатов не приносит. Обращения в органы внутренних дел также не принесли должного результата»⁶. При вынесении решения суд руководствовался ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации о причинении морального вреда гражданину, однако, несмотря на то, что вынесен запрет на осуществление действий навязчивого характера, гражданское законодательство также не обладает способами защиты нарушенного права.

Поводом для активизации научной и законодательной дискуссии о противодействии навязчивому преследованию послужили резонансные инциденты, связанные с систематическим преследованием

³ Неизвестный выстрелом разбил окно квартиры на проспекте Солидарности в Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: <https://78.ru/news/2025-01-04/neizvestnij-vistrelom-razbil-okno-kvartiri-na-prospekte-solidarnosti-v-peterburge>; Отвергнутый россиянин преследовал бывшую девушку и выстрелил в ее окно [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/07/24781964.shtml> (дата обращения: 11.12.2025).

⁴ «У тебя такого больше никогда не будет». Петербурженку восемь лет преследует бывший, но наказать его невозможно [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/09/11/74077055/> (дата обращения: 11.12.2025).

⁵ Преследовал годами: экс-милиционер убил бывшую жену и избежал тюрьмы [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200430/1570816427.html> (дата обращения: 11.12.2025).

⁶ Решение от 04.08.2017 № 2-4575/2017-2-4575/2017-М-4107/2017 М-4107/2017 по делу № 2-4575/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RurIxcMhGMVp/> (дата обращения: 20.12.2025).

граждан и последующей эскалацией насильственных преступлений. В этой связи в октябре 2023 г. депутатами партии «Новые люди» был внесен на рассмотрение законопроект, направленный на ограничение действий, характерных для stalking⁷. Было предложено добавить в Гражданский кодекс Российской Федерации новую ст. 14.1 «Запрет приближаться и (или) запрет других контактов нарушителя с гражданином».

В декабре 2024 г. появилась информация о повторном рассмотрении проекта федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию»⁸, предусматривающего меры по защите граждан от преследований, которые сопровождаются психоэмоциональным напряжением и угрозами безопасности. Предложено закрепить и определение stalking через три формы проявления.

Так, согласно поправкам навязчивым преследованием считается: 1) систематическое умышленное слежение и (или) ожидание лица, подвергнутого навязчивому преследованию, в местах его повседневной жизни; 2) систематические умышленные попытки установить контакт с лицом, подвергнутым навязчивому преследованию, в том числе посредством телефонных звонков, СМС-сообщений, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, почтовой переписки, направления любого рода подарков, в том числе через третьих лиц, а также иные действия; 3) использование персональных данных лица, подвергнутого навязчивому преследованию, для заказа товаров, работ, услуг, оформления корреспонденции на его имя⁹.

Кроме того, предложено руководствоваться отдельными положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно ст. 315, которая предусматривает ответственность за злостное неисполнение вступившего в законную силу приговора суда.

В январе 2025 г. законопроект о stalking был возвращен инициаторам. По словам руководителя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарева, авторами законопроекта не представлено заключение Правительства Российской Федерации, при этом в случае его реализации

могут потребоваться расходы из федерального бюджета¹⁰.

Несмотря на обозначенную законодательную активность, анализ содержания законопроекта позволяет выявить ряд существенных уязвимостей и концептуальных недостатков. Прежде всего вызывает сомнение ориентация законодателя на преимущественно гражданско-правовые и административно-правовые механизмы реагирования. Подобный подход не в полной мере учитывает характер и степень общественной опасности stalking как специфической формы противоправного поведения.

Вместе с тем уже на стадии обсуждения прослеживаются устойчивые проблемные аспекты, связанные, в частности, с определением критерия «неоднократности» противоправных действий, временных рамок, в пределах которых фиксируется повторяемость, юридической квалификацией первого установленного факта преследования, а также вопросами его документирования и доказывания. Кроме того, нерешенным остается вопрос реализации положений законопроекта, требующих расходов, покрываемых за счет средств федерального бюджета.

Международный опыт. В пользу представленной позиции говорит и распространенный зарубежный опыт. В ряде стран stalking признан преступлением на законодательном уровне. Стоит остановиться на анализе опыта зарубежного законодательства по борьбе с преследованием, так как уголовная ответственность за stalking закреплена в таких странах, как Германия, Великобритания, Польша, Индия, Норвегия, и ряде других.

В 1994 г. Конгрессом США был принят Закон о насилии против женщин (VAWA), который впервые на федеральном уровне криминализировал домашнее насилие. В 2000 г. в него были внесены положения о наказании за stalking. В каждом штате США есть собственные законы о stalking, которые могут различаться между собой. При этом федеральный закон о stalking начинает действовать только в случае, если штатов, преследуя человека, пересек границу штатов. Важно, что это пересечение необязательно должно быть физическим: если поклонник навязчиво пишет человеку из другого конца в США по почте или посредством СМС-сообщений, то это тоже считается федеральным преступлением. Лицу, осужденному за преследование по федеральному закону, может грозить до пяти лет лишения свободы и штраф в размере 250 тыс. \$. Если противоправное поведение обвиняемого привело к смерти или нанесению телесных

⁷ В Госдуме решили запретить обидчику приближаться к жертве. Такой закон в России пытались принять годами [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/10/06/presledovanie/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁸ Законопроект о борьбе со stalkерами внесли в Госдуму [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/news/1773740/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁹ Проект федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1107423-8> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁰ В России предлагают принять законопроект для борьбы с навязчивыми преследованиями [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67d157769a79472a0a27b82d?from=copy> (дата обращения: 20.12.2025).

повреждений жертве, обвинительный приговор может привести его в тюрьму на 10, 20 лет или даже на всю жизнь¹¹.

Поправки, внесенные в 2014 г. в Закон Клери (данный Закон назван в честь Жанны Клери, которая была жестоко изнасилована и убита в помещении общежития в 1986 году), обязали информировать правоохранительные органы о преследовании, домашнем насилии и иных проявлениях stalking. Также в США в 2018 г. в Законе о PAWS было расширено определение преследования, которое включало в себя «поведение, которое заставляет человека испытывать разумный страх смерти или серьезных телесных повреждений его или его питомца» [4, с. 306].

Типичным примером опасной эскалации преследовательского поведения является случай преподавателя начальной школы Дженифер Полсон (Jennifer Paulson), которая в 2010 г. погибла от рук лица, осуществлявшего многолетнее навязчивое преследование. Мужчина неоднократно совершал назойливые телефонные звонки, следовал за жертвой, появлялся около ее дома и места работы, игнорировал судебные запретительные приказы. Несмотря на наложенный запрет контактировать с потерпевшей, преследователь в 2010 г., дождавшись жертву недалеко от места работы, смертельно ранил ее восемью выстрелами из огнестрельного оружия. Этот инцидент также поставил под угрозу жизни случайных свидетелей и учащихся школы. Вмешательство полиции завершилось ликвидацией нападавшего.

На основе описанного случая законодательное собрание штата Вашингтон разработало и приняло Jennifer Paulson Stalking Protection Order Act, расширивший рамки правовой защиты жертв преследования, в том числе предусматривая судебные мероприятия по профилактике физического и онлайн-stalking. Представленные события легли в основу разработанного законопроекта «Закон Дженифер Полсон», цель которого – совершенствование действующего законодательства, по которому предусмотрено приравнять онлайн-преследования к тем, что происходят в реальной жизни, публичное обнародование данных о лицах, совершающих указанные действия, через создание специальных баз со списками лиц, представляющих потенциальную опасность¹².

¹¹ Мировой опыт борьбы со stalkingом [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67d157769a79472a0a27b82d> (дата обращения: 20.12.2025).

¹² Документ о принятии Jennifer Paulson Stalking Protection Order Act, основанный на убийстве учителя Дженифер Полсон [Электронный ресурс]. – URL: <https://senatedemocrats.wa.gov/conway/2013/04/27/governor-signs-conway-anti-stalking-legislation-into-law/> (дата обращения: 20.12.2025).

Stalking в Германии – это уголовное преступление, под которое попадают разнообразные действия stalkера, не позволяющие объекту его преследования вести обычную жизнь. К ним относятся регулярные попытки со стороны агрессора принудить человека к физической близости, разнообразными способами связаться с человеком, а также незаконное использование персональных данных и угрозы жизни и здоровью. Впервые в Уголовный кодекс Германии понятие преследования вошло еще в 2007 г., однако в 2017 г. оно было расширено¹³.

В дополнение к этому правительство Германии решение данной проблемы видит в создании превентивных мер в виде судебного запрета в соответствии с законом о защите от насилия (GewSchG). Он возможен в виде запрета на контакт или (и) запрета на приближение. Ходатайство о подобном запрете всегда мотивированно, если вы подвергаетесь неоднократным притеснениям, угрозам или даже нападениям¹⁴.

Заключение. Учитывая масштабы и высокую скорость распространения деяний, связанных с навязчивым преследованием, а также тот факт, что stalking нередко выступает начальной стадией более тяжких преступных посягательств на жизнь, здоровье, неприкосновенность частной жизни либо жилища, считаем обоснованным и своевременным рассмотрение вопроса об установлении уголовной ответственности за указанное деяние. Криминализация stalkingа позволила бы существенно повысить уровень правовой защиты личности и иных охраняемых законом ценностей, а также обеспечить превентивное воздействие на потенциальных правонарушителей. К аналогичным выводам приходят и другие авторы [5, с. 156; 6, с. 422; 7, с. 91; 8, с. 55], указывающие на опасность таких действий и необходимость их криминализации.

Проведенные исследования социологов свидетельствуют о том, что общество давно готово к тому, чтобы признать подобного рода навязчивое поведение преступным ввиду его очевидной опасности. Оценивая характер общественной опасности рассматриваемого деяния, 5,90% от числа всех респондентов считают stalking опасным для общества деянием, 73% уверены, что государство должно защищать граждан от его проявлений, 67,1% указывают на необходимость законодательного преследования stalkingа, поддерживают криминализацию данного деяния [9, с. 397].

¹³ Мировой опыт борьбы со stalkingом [Электронный ресурс] – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67d157769a79472a0a27b82d> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁴ «Право имею» в Германии: преследование как форма насилия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mknews.de/social/2020/10/13/pravo-imeyu-v-germanii-presledovanie-kak-forma-nasiliya.html> (дата обращения: 20.12.2025).

В подобном опросе участвовали и сотрудники органов внутренних дел. Из 102 респондентов 73% подтвердили, что случаи навязчивого преследования, жестокости увеличились. 55,9% сталкивались с заявлениями о навязчивом преследовании, которое выражалось в психическом воздействии путем систематических оскорблений, шантажа, демонстрации агрессии или иных действий и причиняло потерпевшему нравственные страдания. 47,5% опрошенных работали с обращениями граждан о киберсталкинге [10, с. 141].

Отмечается, что отсутствие самостоятельной уголовно-правовой нормы приводит к фрагментарному реагированию со стороны правоохранительных органов и не обеспечивает эффективной защиты потерпевших.

В пользу необходимости криминализации stalking свидетельствует и международный опыт. В законодательстве ряда зарубежных государств навязчивое преследование признано самостоятельным преступлением, за совершение которого предусмотрены строгие меры уголовной ответственности, включая лишение свободы.

Stalking по своей природе представляет собой устойчивую модель маниакального поведения, длящегося на протяжении длительного времени – нередко месяцев и даже лет. Его отличительной особенностью является целенаправленное психологическое воздействие на жертву, формирование состояния постоянного страха и тревоги, а также высокая вероятность последующей эскалации в насильственные преступления. В криминологической практике неоднократно

фиксируются случаи, когда навязчивое преследование завершалось нападением на потерпевшего, в том числе с целью причинения тяжкого вреда здоровью либо убийства.

В целях устранения проблем толкования и правоприменения, которые прослеживаются в представленном законопроекте «О противодействии навязчивому преследованию», представляется возможным предложить ряд последовательных шагов, направленных на криминализацию stalking в Российской Федерации:

1. Необходимо закрепить в уголовном законе самостоятельный состав преступления, отражающий специфику навязчивого преследования как систематического и целенаправленного поведения.

2. Целесообразно заимствовать и адаптировать положительный зарубежный опыт, предусматривающий возможность установления судебного запрета на приближение к потерпевшему, создания единой информационной базы, предоставляющей сведения о лицах, допускающих факты преследования и навязчивого поведения.

3. Нарушение судебного запрета должно рассматриваться как квалифицирующий признак состава преступления, что будет способствовать усилению превентивного и охранительного потенциала уголовного закона.

4. Криминализация stalking позволит обеспечить раннее вмешательство государства в ситуацию конфликта и тем самым снизить риск эскалации противоправного поведения до насильственных преступлений.

Литература

1. **Симагина Н.А.** К вопросу о криминализации stalking в России // Ученые записки. – 2024. – № 4 (52). – С. 146–151.
2. **Алешина А.В.** Криминологическая характеристика преследования (stalking) как форма деструктивного поведения // Академическая мысль. – 2024. – № 1 (26). – С. 5–7.
3. **Куликов А.В., Егорычева Е.А.** Проблемы и перспективы криминализации stalking в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 29–35. – DOI 10.24412/2071-6184-2022-3-29-35.
4. **Алешина А.В.** Преследование (stalking) в России и за рубежом: ретроспектива и современное состояние // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 305–309.
5. **Симагин А.О., Михеева В.Н.** Проблема наказания за stalking в России / Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. С. 154–156.
6. **Атаманчук М.А.** Криминологическая характеристика stalking в России / III Байкальский юридический форум: материалы международных научно-практических конференций и конкурса молодых ученых, Иркутск, 4–6 октября 2023 г. – Иркутск: БГУ, 2023. С. 417–422.
7. **Мошарова А.С.** Stalking: нужна ответственность? // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 4 (51). – С. 86–91.
8. **Мясникова А.М., Цуканова Е.Г.** Криминализация stalking // Виктимология. – 2016. – № 3 (9). – С. 53–56.
9. **Шимбарева Н.Г., Хорошунцова О.А.** Актуальность криминализации stalking в Российской Федерации // Вектор научной мысли. – 2024. – № 12 (17). – С. 395–398.
10. **Шутова Ю.А.** Основания криминализации некоторых современных форм психического насилия (на материалах конкретного социологического исследования) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 138–142. – DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-138-142.

References

1. **Simagina N.A.** K voprosu o kriminalizatsii stalkinga v Rossii // Uchenye zapiski. – 2024. – № 4 (52). – S. 146–151.
2. **Aleshina A.V.** Kriminologicheskaya kharakteristika presledovaniya (stalkinga) kak forma destruktivnogo povedeniya // Akademicheskaya mysl'. – 2024. – № 1 (26). – S. 5–7.
3. **Kulikov A.V., Egorycheva E.A.** Problemy i perspektivy kriminalizatsii stalkinga v Rossii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2022. – № 3. – S. 29–35. – DOI 10.24412/2071-6184-2022-3-29-35.
4. **Aleshina A.V.** Presledovanie (stalking) v Rossii i za rubezhom: retrospektiva i sovremennoe sostoyanie // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 4. – S. 305–309.
5. **Simagin A.O., Mikheeva V.N.** Problema nakazaniya za stalking v Rossii / Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. – Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2023. S. 154–156.
6. **Atamanchuk M.A.** Kriminalisticheskaya kharakteristika stalkinga v Rossii / III Baikal'skii yuridicheskii forum: materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii i konkursa molodykh uchenykh, Irkutsk, 4–6 oktyabrya 2023 g. – Irkutsk: BGU, 2023. S. 417–422.
7. **Mosharova A.S.** Stalking: nuzhna otvetstvennost'? // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2023. – № 4 (51). – S. 86–91.
8. **Myasnikova A.M., Tsukanova E.G.** Kriminalizatsiya stalkinga // Viktimologiya. – 2016. – № 3 (9). – S. 53–56.
9. **Shimbareva N.G., Khoroshunova O.A.** Aktual'nost' kriminalizatsii stalkinga v Rossiiskoi Federatsii // Vektor nauchnoi mysli. – 2024. – № 12 (17). – S. 395–398.
10. **Shutova Yu.A.** Osnovaniya kriminalizatsii nekotorykh sovremennykh form psikhicheskogo nasiliya (na materialakh konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 3 (95). – S. 138–142. – DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-138-142.

(статья сдана в редакцию 13.01.2026)

**Применение мер физического принуждения частными
охранниками: размышления о концептуальном развитии
института**

**The use of physical coercion by private security guards:
reflections on the conceptual development of the institution**

УДК 342.9

Д.В. Гайдов

(Договорно-правовой департамент МВД России,
Россия, Москва)
dgaidov@mvd.ru

Dmitriy V. Gaidov

(Law Department of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопроса дефицита нормативно-правового регулирования применения частными охранниками физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, выявившегося на фоне принятия Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности». Предметом исследования выступают аспекты концептуального изменения подходов к государственному регулированию вопросов осуществления частной охранной деятельности, частичной приватизации государственных полномочий, причины широкого распространения и востребованности коммерческих охранных услуг в обществе, большего (по сравнению с государственными правоохранительными органами) присутствия частных охранных организаций в общественных местах, институциональная логика осуществления частной охранной деятельности, пробелы нормативно-правового регулирования применения частными охранниками мер физического принуждения и возможные последствия, приводящие к нарушению прав граждан. На основе осуществленного исследования констатируется, что, несмотря на частичную передачу государством частным охранным организациям возможности использования мер административного принуждения, их регламентация осуществлена только в той степени, в которой это необходимо для защиты интересов заказчиков охранных услуг. Результатом проведенной работы выступает формирование предложений по дальнейшему совершенствованию регламентации частной охранной деятельности, направленному на обеспечение подотчетности обществу и государству применения частными охранными организациями мер физического принуждения, а также предоставлению гражданам возможности осуществления правосудительных процедур во внесудебном порядке.

Ключевые слова: частные охранные организации; меры физического принуждения; приватизация государственных полномочий; превенция чрезмерности применяемых мер принуждения

Для цитирования: Гайдов Д.В. Применение мер физического принуждения частными охранниками: размышления о концептуальном развитии института // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 35–39.

Abstract: this article examines the lack of legal regulation of the use of physical force, special equipment, and firearms by private security guards, which emerged following the adoption of Federal Law 427-FZ, dated 30 November 2024, “On Private Security Activities”. The study examines the conceptual shift in approaches to state regulation of private security activities, the partial privatization of state powers, the reasons for the widespread use and demand for commercial security services in society, the greater presence of private security organizations in public places (compared to state law enforcement agencies), the institutional logic of private security activities, gaps in the legal regulation of the use of physical coercion by private security guards, and the potential consequences leading to the violation of citizens’ rights. Based on the conducted research, it is concluded that, despite the partial transfer of administrative coercion by the state to private security organizations, their regulation has been implemented only to the extent necessary to protect the interests of customers of security services. The result of the work carried out is the formation of proposals for further improvement of the regulation of private security activities, aimed at ensuring accountability to society and the state for the use of physical coercion by private security organizations, as well as providing citizens with the opportunity to carry out legal redress procedures outside of court.

Keywords: private security organizations; measures of physical coercion; privatization of state powers; prevention of excessive use of coercive measures

© Гайдов Д.В., 2026

For citation: Gaidov D.V. The use of physical coercion by private security guards: reflections on the conceptual development of the institution // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 35–39.

Концепция, сформулированная известным немецким социологом Максом Вебером в 1919 году о монополии государства на легитимное физическое насилие [1, с. 18], длительное время выступала в качестве основы формирования правовых систем множества государств.

Формальное выражение этой правовой парадигмы в законодательных актах представляет собой наделение органов государственной власти исключительными полномочиями на применение к гражданам мер принуждения как средства обеспечения функционирования существующей институции права. Возможность применения силы гражданами предполагается только в исключительных обстоятельствах, требующих немедленной защиты [2].

Указанные постулаты традиционно выступали в качестве краеугольного камня и отечественной юриспруденции, и законотворчества.

Приведенную правовую идеологию в значительной мере изменяет новый Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности»¹ (далее – Федеральный закон № 427-ФЗ), концептуально переустраивающий основы осуществления частной охранной деятельности и определяющий участие в защите общества и государства от противоправных посягательств одной из целей осуществления частной охранной деятельности. В качестве инструмента, посредством которого реализуется указанная цель, выступает наделение сотрудников частных охранных организаций полномочиями по применению мер административного принуждения: физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (мер физического принуждения) [3], ранее применяемых в рамках особых правоохранительных правоотношений только должностными лицами государственных органов [4].

Современные реалии таковы, что в повседневной жизни граждане чаще встречают частных охранников, чем сотрудников органов внутренних дел. Охранники сегодня есть на многих входах и въездах в частные здания, государственные и муниципальные учреждения, образовательные организации, присутствуют в пространствах объектов торговли, развлечений и массового пребывания людей. В Российской Федерации зарегистрировано более 17 тысяч частных охранных предприятий, в которых трудоустроено почти 700 тысяч охранников².

¹ Федеральный закон от 30.11.2024 № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 49 (ч. IV). – Ст. 7418.

² Численность охранников в России продолжит расти [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/04/15/chop-s-nimi.html?ysclid=mlaunvrklg828879818>

Пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации»³ с 1 января 2025 года предельная штатная численность сотрудников органов внутренних дел составляет 781 845 единиц. Присутствие в общественных местах функционально предполагается лишь для отдельных должностных лиц органов внутренних дел. При этом, по заявлению главы Общественного совета при МВД России Анатолия Кучерены, по состоянию на ноябрь 2025 года незамещенными остаются более 172 тысяч должностей⁴.

Таким образом, присутствие частных охранников в общественных местах кратно превышает присутствие сотрудников органов внутренних дел, что, с одной стороны, может рассматриваться как признак кризиса государственной правоохранительной системы, а с другой – как возможность повышения уровня защищенности прав граждан посредством использования негосударственных ресурсов.

В своей статье *The Private Police* Дэвид Склански [5] выделяет три возможных объяснения численного роста частных охранных структур. В качестве первого и, возможно, самого простого объяснения выступает идеологический сдвиг перехода ресурсов и ответственности от государств к частному сектору (приватизация государственных функций, осуществление экономической деятельности, ранее традиционно входящей в сферу ведения государств).

Второе объяснение сформулировано канадскими криминологами Клиффордом Ширингом и Филипом Стеннингом [6], обосновывающими это явление значительным увеличением объема «общественной» деятельности, осуществляемой на объектах «массовой частной собственности» – крупных частных объектах (торговые центры, офисные здания, жилые комплексы, производственные предприятия, места отдыха). Согласно их мнению современное развитие массовой частной собственности привело к тому, что значительная часть общественной жизни перемещается на объекты, находящиеся в частной собственности, что, в свою очередь, приводит к неуклонному возрастанию роли частной охраны в

³ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2022 № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кучерена сообщил, что дефицит сотрудников в органах МВД вырос вдвое [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/11/2025/6926b52c9a7947997258fda4?ysclid=mlauow1r3s486051893>

обеспечении общественного порядка, поскольку государственной полиции, чьи патрульные обязанности традиционно ограничивались государственной собственностью, как правило, не хватает как ресурсов, так и желания поддерживать порядок на объектах частной собственности, а также потому, что частные владельцы предпочли сохранить контроль над охраной своей собственности.

Третьим и, по мнению Дэвида Склански, наиболее актуальным представляется объяснение, согласно которому широкому распространению частных охранных организаций способствовало недовольство граждан качеством услуг, предоставляемых государственными правоохранительными органами, в то время как коммерческие охранные организации, построенные на принципах клиентоориентированности, быстрее и эффективнее реагируют на нарушение прав отдельных индивидов, охраняемых в силу договорных обязательств.

Полагаем, что каждое из приведенных объяснений в той или иной степени отражает реально существующие социальные процессы. В любом случае увеличение количества частных охранников – это объективный процесс, заметный гражданам, не включенным в проблемы осуществления правоохранительной деятельности.

Со вступлением в силу Федерального закона № 427-ФЗ описанный процесс станет куда более заметным, так как наделение частных охранников полномочиями по применению мер административного принуждения сделает их значимым социальным актором, функционально схожим с правоохранительными органами.

Сложно сказать, что является первопричиной изменений к подходам осуществления частной охранной деятельности, вводимых Федеральным законом № 427-ФЗ, необходимость изыскания дополнительных сил и средств защиты конституционно охраняемых ценностей или предоставление дополнительных ресурсов развития частным охранным организациям. В любом случае законодателем сформирован новый субъект социального контроля.

Указанный подход имеет свою логику. Множество проблем в организации правоохранительной деятельности способно устранить привлечение негосударственных субъектов, имеющих усеченную компетенцию по сравнению с представителями государственных правоохранительных органов, а также не требующих выделения государственного финансирования [7].

В качестве отрицательных факторов расширения вовлеченности частных охранных организаций в правоохранительную деятельность можно отметить, что в некоторых случаях недовольство граждан непрофессиональным или некорректным поведением сотрудников частных охранных ор-

ганизаций будет экстраполироваться на государственные правоохранительные органы [8].

Предоставление полномочий по применению мер административного принуждения лицам, не представляющим государственные органы, ведет к необходимости переосмысления отдельных правовых институтов, а также требует их дополнительного теоретического обоснования и нормативного регулирования.

Деятельность органов внутренних дел и частных охранных организаций направлена на поддержание правопорядка, защиту граждан и их законных интересов, но цели и логика, лежащие в основе государственной правоохранительной деятельности и частной коммерческой охраны, заметно различаются.

В то время как «клиентом» полиции является все общество, «клиентом» частных охранных структур выступает конкретный заказчик услуг, что ориентирует коммерческую охрану не на борьбу с преступностью в целом, а на защиту персональных прав отдельных индивидов.

С учетом того что частная охранная деятельность выступает в качестве инструмента осуществления личной защиты граждан, а также их законных интересов, передача возможности применения мер административного принуждения частным организациям провоцирует необходимость поиска нового баланса, предназначенного обеспечить равную защиту всем гражданам вне зависимости от их уровня достатка.

Рассматривая обозначенную проблематику, особо стоит отметить и то, что правовое регулирование применения частными охранниками мер физического принуждения, предлагаемое Федеральным законом № 427-ФЗ, в значительной мере уступает регулированию применения аналогичных мер сотрудниками государственных правоохранительных органов.

Полагаем, что такой подход приемлем в рамках идеологии правового регулирования Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁵, оценивающего применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия частными охранниками в соответствии с концепциями крайней необходимости и необходимой обороны [9].

Вместе с тем нормативное регулирование, устанавливаемое с 1 сентября 2026 года Федеральным законом № 427-ФЗ, сущностно преобразовывая меры физического принуждения, при-

⁵ Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-I (ред. от 21.04.2025) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 30 апреля.

меняемые частными охранниками, не предлагает качественного изменения их регламентации.

Относительно минимальное законодательное регулирование порядка применения сотрудниками частных охранных организаций мер физического принуждения особенно удивляет, учитывая пристальное внимание, уделяемое обществом, проблемам применения мер административного принуждения, которым объясняется глубокая регламентация соответствующих вопросов в деятельности государственных правоохранительных органов.

Вместе с тем широкую огласку получило преступление, совершенное 21 января 2026 г. охранниками ТЦ «Сити Молл», – неквалифицированное применение мер физического принуждения, повлекшее смерть одного из посетителей⁶.

При этом Федеральный закон № 427-ФЗ не содержит обязанности составления частным охранником документов по факту применения специальных средств или огнестрельного оружия (не повлекшим за собой причинение вреда здоровью граждан или их смерть, причинение ущерба чужому имуществу).

Соответствующая обязанность сотрудника полиции предусматривается ч. 8 ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁷ (далее – Закон «О полиции») и обусловливается тем, что применение специальных средств или огнестрельного оружия к гражданам в значительной мере затрагивает их конституционно охраняемые права и свободы. В рапорте сотрудником полиции должны быть указаны конкретные обстоятельства дела, свидетельствующие о наличии правовых оснований для применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия [10]. Составление рапорта выступает формой контроля, призванной повысить уровень законности и обоснованности применения мер физического принуждения сотрудниками полиции.

Также Законом «О полиции» предусмотрена обязанность сотрудников полиции по уведомлению близкого родственника (родственника) или близкого лица гражданина о причинении гражданину телесных повреждений в результате применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия (ч. 5 ст. 19). Приведенная норма призвана минимизировать последствия применения полицией мер физического принуждения, обеспечивая гу-

манное отношение к правонарушителям за пределами необходимости применения мер административного принуждения. Включение норм аналогичного характера в Федеральный закон № 427-ФЗ соответствовало бы декларируемой социальной направленности осуществления частной охранной деятельности.

Важным упущением представляется невозможность на сотрудников частных охранных организаций обязанности сохранения без изменения места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия, если в результате применения им физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия гражданину причинено ранение либо наступила его смерть. Для сотрудников полиции соответствующая обязанность предусмотрена ч. 7 ст. 19 Закона «О полиции». Предназначением указанной нормы выступает обеспечение объективной оценки правомерности применения сотрудником полиции мер физического принуждения.

Законом «О полиции» предусматривается прямой запрет нанесения человеку ударов палкой специальной по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам, в область проекции сердца (п. 1 ч. 2 ст. 22). Во исполнение ч. 4 ст. 22 Закона «О полиции» МВД России издан приказ, определяющий дополнительные ограничения, связанные с применением сотрудником полиции специальных средств. Отсутствие таких же запретов для сотрудников частных охранных организаций формирует предпосылки для излишнего ущемления прав граждан.

Кроме того, в основу применения полицией мер принуждения положен принцип их немедленного прекращения в случае достижения законной цели либо неспособности достижения цели посредством применения мер принуждения (ч. 2 ст. 5 Закона «О полиции»). Полагаем, что приведенный принцип актуален также и для осуществления частной охранной деятельности.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о дефиците правового регулирования применения мер физического принуждения сотрудниками частных охранных организаций.

При совершенствовании нормативно-правового регулирования деятельности частных охранных организаций следует также уделить внимание отсутствию регламентации осуществления восстановительных процедур. Так, Федеральный закон № 437-ФЗ содержит положения, согласно которым применение частным охранником физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия с превышением своих полномочий, крайней необходимости или необходимой обороны влечет за собой ответственность, установленную законом. Вместе с тем правовая система, в

⁶ Умер от удушья: дело о гибели посетителя «Сити Молла», которого придавил охранник, стало убийством группой лиц [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27753.5/5200231>/<https://www.spb.kp.ru/daily/27753.5/5200231/?ysclid=mlausw3oxq192847361>

⁷ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

которой подотчетность частной охраны обществу и государству обеспечивается посредством возмещения ущерба за неправомерные действия в судебном порядке (т.е. постфактумной подотчетности), представляется неоптимальной и попустительствующей превышению применения мер физического принуждения частными охранниками.

Указанным обстоятельствам следует противопоставить ведение отчетности применения мер физического принуждения частными охранниками, осуществление со стороны государственных правоохранительных органов специального контроля и участия в мероприятиях частных охранных организаций, в рамках которых формируется представление об условиях и пределах применения мер физического принуждения. Уместно также и обратное приглашение представителей частных охранных организаций на мероприятия, проводимые правоохранительными органами, в рамках которых обсуждаются обозначенные вопросы.

Актуальным выступило бы и включение в Федеральный закон № 437-ФЗ положений, преду-

сматривающих возможность осуществления правовосстановительных процедур во внесудебном порядке. Также уместным представляется закрепление обязанности частных охранников по прекращению применения мер физического принуждения в случае поступления соответствующего требования от должностных лиц органов внутренних дел, Росгвардии и прокуратуры.

Полагаем, что обсуждение обозначенных в статье вопросов и осуществление соответствующих правоподготовительных работ следовало бы начать до вступления в силу Федерального закона № 427-ФЗ, так как имеющиеся недостатки нормативно-правового регулирования деятельности частных охранных организаций могут оказать дестабилизирующий эффект на правоохранительную систему Российской Федерации. Конечно, в полном объеме огрехи нового правового регулирования частной охранной деятельности выявятся уже после 1 сентября 2026 года, вместе с тем открытий на кончике пера уже достаточно, чтобы задуматься о внесении изменений в Федеральный закон, еще не вступивший в силу.

Литература

1. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия. – Москва: РИПОЛ классик, 2019. – 220 с.
2. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.
3. **Гайдов Д.В.** Тенденции и перспективы развития правоохранительной составляющей частной охранной деятельности в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4 (108). – С. 37–43.
4. **Каплунов А.И.** Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – 260 с.
5. **Sklansky D.** The Private Police, 46 UCLA L. REV. 1165 (1998).
6. **Shearing C., Stenning Ph.** Private Security: Implications for Social Control // Social Problems. – 1983. – Vol. 30. № 5. – P. 493–506.
7. **Уваров М.А.** Частная детективная и охранный деятельность как элементы системы защиты собственности в Российской Федерации: монография. – Москва: Onebook.ru, 2024. – 104 с.
8. **Bolkvadze K., Sümeghy D.** Misconduct by private security officers and trust in the police: evidence from a natural experiment in Sweden // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. № 3. – P. 259–279.
9. **Киселев А.** Подозрителен – значит виноват [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей [и др.]. – Москва: Проспект, 2012. – 552 с.

References

1. **Veber M.** Politika kak prizvanie i professiya. – Moskva: RIPOL klassik, 2019. – 220 s.
2. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateyniy kommentarii k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / A.V. Asoskov, V.V. Baibak, R.S. Bevsenko [i dr.]; otv. red. A.G. Karapetov. – Moskva: M-Logos, 2020. – 1469 s.
3. **Gaidov D.V.** Tendentsii i perspektivy razvitiya pravookhranitel'noi sostavlyayushchei chastnoi okhrannoï deyatelnosti v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 4 (108). – S. 37–43.
4. **Kaplunov A.I.** Primenenie sotrudnikami politzii ognestrel'nogo oruzhiya: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. – 260 s.
5. **Sklansky D.** The Private Police, 46 UCLA L. REV. 1165 (1998).
6. **Shearing C., Stenning Ph.** Private Security: Implications for Social Control // Social Problems. – 1983. – Vol. 30. № 5. – P. 493–506.
7. **Uvarov M.A.** Chastnaya detektivnaya i okhrannaya deyatelnost' kak elementy sistemy zashchity sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii: monografiya. – Moskva: Onebook.ru, 2024. – 104 s.
8. **Bolkvadze K., Sümeghy D.** Misconduct by private security officers and trust in the police: evidence from a natural experiment in Sweden // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. № 3. – P. 259–279.
9. **Kiselev A.** Podozritelen – znachit vinovat [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS "Konsul'tantPlyus".
10. Kommentarii k Federal'nomu zakonu "O politsii" (postateyniy) / Yu.E. Avrutin, S.P. Bulavin, Yu.P. Solovei [i dr.]. – Moskva: Prospekt, 2012. – 552 s.

(статья сдана в редакцию 03.03.2026)

**Незаконный оборот этилового спирта, алкогольной
и спиртосодержащей продукции: система преступлений
в российском уголовном праве**

**Illegal trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-
containing products: a system of crimes in Russian Criminal Law**

УДК 343.5

А.Ю. Горожанкин
(Прокуратура Алтайского края,
Россия, Барнаул)
fest171@mail.ru

Aleksandr Yu. Gorozhankin
(Prosecutor's Office of the Altai Territory,
Barnaul, Russia)

Аннотация: формирование эффективного уголовного законодательства начинается с его теоретически обоснованной систематизации. Цель работы – обоснование авторского подхода к систематизации преступлений, связанных с незаконными производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, который может быть положен в основу теории пенализации данных преступлений, а также универсальных правил назначения наказания. Актуальность доктринального анализа системы преступлений обусловлена поиском и предложением оптимальных уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом алкогольной продукции. В статье автор аргументирует позицию о том, что этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция относятся к товарам, представляющим повышенную опасность для потребителя. Данный тезис лежит в основе определения уголовно-правовой модели ответственности за незаконный оборот такой продукции. Систематизация преступлений на основе общего признака – предмета преступления – позволила высказать и обосновать предложения о видах наказаний, устанавливаемых за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в зависимости от основного непосредственного объекта и наличия или отсутствия факультативных объектов. Предложенный подход к систематизации также позволяет сформулировать общие правила назначения наказания за рассматриваемые преступления, заключающиеся в необходимости суммирования наказаний без применения правил поглощения.

Ключевые слова: уголовная ответственность; алкоголь; алкогольная продукция; незаконный оборот; система преступлений; модель уголовно-правовой охраны

Для цитирования: Горожанкин А.Ю. Незаконный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: система преступлений в российском уголовном праве // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 40–45.

Abstract: the theoretically grounded systematization of the criminal law is the first stage in the formation of an effective criminal law. The purpose of this work is to substantiate the author's approach to the systematization of crimes related to the illegal production and (or) trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, which can be used as the basis for the theory of penalization of these crimes, as well as universal rules for sentencing. The relevance of the doctrinal analysis of the crime system is determined by the search and proposal of optimal criminal law measures to counter crimes related to alcohol trafficking. In the article, the author argues the position that ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products are among the goods that pose an increased danger to consumers. This thesis underlies the definition of the criminal law model of responsibility for the illegal trafficking of such products. The systematization of the crime on the basis of a common feature – the subject of the crime – made it possible to express and justify proposals on the types of penalties imposed for crimes related to the illicit trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, depending on the main immediate object and the presence or absence of optional objects. The proposed approach to systematization also makes it possible to formulate general rules for the imposition of punishment for the crimes under consideration, which imply the need to summarize punishments without applying the rules of absorption.

Keywords: criminal liability; alcohol; alcoholic products; illicit trafficking; crime system; model of criminal law protection

For citation: Gorozhankin A.Yu. Illegal trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products: a system of crimes in Russian Criminal Law // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 40–45.

Понятие и значение систематизации преступлений. В последнее десятилетие в доктрине уголовного права значительное внимание уделяется теоретическому осмыслению оснований и критериев для объединения многообразных форм и видов девиантного поведения в обособленные группы: выделяются эпидемические преступления [1, с. 563], военные преступления [2, с. 194], преступления, посягающие на конкурентные отношения [3, с. 281–282], преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [4, с. 120], и др. Подобное внимание к систематизации разнообразных видов преступлений, как представляется, детерминировано объективной потребностью в комплексном изменении российского уголовного закона, принятого в иных экономических, социальных и политических условиях и подвергающегося постоянным, зачастую «хаотичным» изменениям [5, с. 29].

Однако и сама категория «систематизация» при постоянном применении в различных обобщениях и классификациях несколько нивелируется и утрачивает свое первоначальное значение. В этой связи на первом этапе исследования определим понятие и методологическое значение термина «систематизация».

Систематизация в зависимости от области применения понимается как мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа, критерия [6, с. 11]; процесс сведения разрозненных знаний о предметах (явлениях) в единую систему, установление их единства [7, с. 108]; процесс упорядочивания данных, задач или информации с целью улучшения управления и упрощения выполнения действий [8, с. 71]. В правовом значении систематизацию понимают как вид профессиональной деятельности по приведению (расположению) разрозненных элементов (нормативных актов), некой их совокупности в определенный порядок [9, с. 8].

Краткий обзор определения категории «систематизация» позволяет выделить ее сущностные признаки: она представляет собой умозрительный процесс, в результате которого схожие по каким-либо характеристикам предметы, явления и т.д. объединяются в одну группу (некое единство), в результате чего формируется возможность их изучения, упорядочивания и т.д. Обратим внимание, что систематизируемые объекты базово имеют общие свойства, систематизация является лишь методологическим приемом, в результате которого проявляется (обеспечивается способность

к проявлению) общая сущность, что позволяет устранить из формируемой системы «лишние», не свойственные ей, чужеродные элементы.

Систематизацию следует отграничивать от схожих, однако не тождественных понятий. В первую очередь речь идет о классификации. Классификация направлена на структурирование имеющихся знаний путем разбивки на группы, классы на основании некоего признака. Систематизация, наоборот, предполагает объединение объектов на основании общих свойств в иерархизированное единство.

Систематизация не тождественна и каталогизации. Система – это не просто перечень (в данном случае преступлений). Она основывается на институциональном, содержательном единстве как систематизируемом явлении (процессе, объекте и т.д.), позволяет сформировать общую сущность, которая в дальнейшем может быть дифференцирована по различным основаниям.

Систематизацию преступных деяний, как представляется, следует признать первым этапом в модернизации уголовного законодательства. На основе теоретически обоснованной системы преступлений на последующих этапах должны быть сформированы унифицированные подходы к установлению криминообразующих признаков девиантного поведения, а также критерии и основания дифференциации ответственности, общая и частная теория пенализации. Систематизация действующих норм уголовного законодательства в правовой доктрине справедливо рассматривается как одно из приоритетных направлений современной уголовной политики [10, с. 64].

Эффективность систематизации отмечается практически во всех сферах правовой жизни [11, с. 155]:

- в доктринальном аспекте систематизация позволяет сформировать целостное представление о праве в его действии посредством эмпирического анализа правоприменения в совокупности с теоретическими суждениями;

- в практической плоскости систематизация способствует развитию существующих правовых предписаний, комплексному определению перспективы происходящих в них изменений;

- на законодательном уровне «системное» использование юридических средств организации общественной жизни в их взаимосвязи позволяет преодолевать односторонность в реализации правовых средств, например использовать их лишь в регулятивном или охранительном аспекте [12, с. 53].

Систематизация обеспечивает недопустимость расширительного толкования границ противо-

правного поведения, в том числе необоснованно-го смещения сфер юридического регулирования. Механизмы систематизации уголовно-правового поля не только концентрируются на санкциях, но и включают в себя описание преступных деяний, обособление их круга, позволяют выдержать единую терминологическую линию как внутри уголовного закона, так и в его соотношении с иными нормативными актами [13, с. 24].

Критерии систематизации преступлений в сфере незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Сформированные в доктрине уголовного права суждения о систематизации преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции допустимо объединить в две укрупненные группы на основе традиционного подхода с выделением широкого и узкого (ограничительного) понимания круга преступлений.

Сторонники расширительного понимания системы рассматриваемых преступлений предлагают включать в нее не только составы, непосредственно связанные с производством и реализацией алкогольной продукции, но и иные сопредельные преступные деяния, к числу которых относят, в частности, нарушение требований о маркировке, хранении, качестве соответствующих единиц продукции [14, с. 34]. Система преступлений, совершаемых на рынке алкогольной продукции, определяется также как группа уголовно наказуемых правонарушений, обладающих повышенной общественной опасностью в особой сфере экономических отношений и направленных на полный цикл движения товаров, изготавливаемых из алкоголя [15, с. 100].

По признакам объективной стороны в данную группу предложено включать и ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [16, с. 70]. На основе отраслевого критерия и сложившегося в уголовном законодательстве подхода к определению объективных признаков составов преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции предложены следующие варианты их объединения: деяния, которые непосредственно нарушают порядок производства и распространения данных товаров (ст. 171.3, ч. 5 ст. 171.1, ст. 171.4, 327.1 УК РФ); деяния, опосредованным образом способствующие незаконному обороту алкогольной продукции (ст. 238, 325, 327 УК РФ). На основании вышеизложенной типологии предлагаем сформулировать понятие преступлений в области незаконного оборота алкогольной продукции в качестве комплекса уголовно наказуемых деяний, направленных на нарушение порядка производства и распространения товаров, содержащих алкоголь, а также создающих условия для нелегального экономического движения данной продукции внутри страны и за ее пределами [17, с. 103].

В узком (ограничительном) значении данная система определяется на основе формально-юридических критериев, заложенных в нормах уголовного законодательства, и включает в себя следующие составы преступлений: ч. 5 ст. 171.1, ст. 171.3, ст. 171.4, чч. 3, 4, 5 ст. 327.1 УК РФ [18, с. 197].

Как представляется, систематизация преступлений в сфере незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции может строиться на основании следующего модельного алгоритма. Основным объединяющим критерием является предмет преступления – продукция, исходя из своих свойств, представляет повышенную опасность. Такая опасность детерминирует применение как усиленных административных процедур контроля, так и повышенной ответственности за нарушение данных административных правил.

Повышенная общественная опасность обусловлена возможностью причинения вреда жизни и здоровью при употреблении, а также отношениям по обеспечению духовно-нравственного благополучия населения [19, с. 132]. При этом повышенная угроза причинения вреда жизни и здоровью дифференцируется в зависимости от соблюдения требований безопасности, предъявляемых к алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Второй критерий систематизации фактически фокусируется на признаках объективной стороны преступления. В данном случае группируются не любые деяния, а лишь те, которые связаны с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В соответствии с диспозицией ст. 171.3 УК РФ из незаконного оборота исключается производство, которое является самостоятельной формой выполнения объективной стороны. Оборот представляет собой закупку, в том числе импорт, поставку, экспорт, хранение, перевозку и (или) розничную продажу. Данные действия фактически обозначают введение в гражданский оборот нелегально произведенной алкогольной и спиртосодержащей продукции. Таким образом, речь идет о предпринимательской деятельности по легализации незаконного алкоголя и получению прибыли от такой деятельности.

Данные критерии позволяют сформировать следующую модель систематизации преступлений в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции:

1. По критерию объекта (концепция объекта) преступления систематизируются по возрастанию значимости объекта уголовно-правовой охраны:

1.1. Преступления, посягающие исключительно на экономические отношения. Угроза иным правоотношениям (неэкономическим) носит ве-

роятностный характер, она обусловлена утратой контроля со стороны государства за оборотом алкогольной продукции, то есть в данном случае порядком осуществления предпринимательской деятельности. Сами экономические отношения, подвергаемые негативному воздействию, имеют дуальную природу: с одной стороны, это контрольно-учетные отношения, с другой – отношения по обеспечению поступления в бюджет специальных фискальных платежей, выплачиваемых в связи с оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции. В юридической литературе по этому поводу справедливо отмечено, введение повышенной правовой охраны оборота алкогольной продукции направлено в том числе на сокращение случаев уклонения от уплаты налогов [20, с. 76].

Экономическая сущность непосредственно-го объекта преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, предполагает и экономическую (имущественную) природу наказаний, устанавливаемых за его совершение. Как представляется, оптимальными видами наказания в данном случае могут являться штраф и принудительные работы, совмещающие в себе как имущественный, так и личный ограничительный элемент.

Объединение в одном непосредственном объекте фактически двух самостоятельных групп общественных отношений привело к формированию известного правила квалификации, отраженного в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»¹, в соответствии с которым действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. С учетом того что незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции относятся к специальным видам незаконного предпринимательства, данное разъяснение распространяется и на ст. 171.3 УК РФ. Однако подобный подход следует признать устаревшим. Принимая во внимание повышенную общественную опасность налоговых преступлений, широкий спектр общественных отношений, которые подвергаются негативному воздействию в результате их совершения (социальные, отношения по обеспечению безопасности и т.д.), следует отказаться от подобного квалификационного подхода, допустив

возможность квалификации незаконного предпринимательства (как общего, так и специальных составов преступлений) по совокупности с налоговыми преступлениями.

1.2. Преступления, посягающие на отношения по обеспечению духовно-нравственного развития и благополучия. Непосредственное воздействие осуществляется на духовную сферу, отношения по обеспечению нравственного благополучия населения, исключению алкоголизации. Вероятность наступления иных, помимо экономических, последствий в данном случае повышается. Духовно-нравственные отношения образуют факультативный объект незаконного производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции и должны учитываться как при формировании санкции, так и при выработке общих правил квалификации. На уровне санкции наличие факультативного объекта детерминирует включение в нее наказаний, направленных на ограничение личных неимущественных прав виновного, – принудительных работ и лишения свободы.

1.3. Третий элемент системы – это преступления, посягающие на здоровье и здоровье в режиме реальной угрозы. К таким преступлениям относится деяние, ответственность за которое в настоящее время установлена в ст. 238 УК РФ. Безусловно, предмет данного преступления не ограничивается этиловым спиртом, алкогольной и спиртосодержащей продукцией, а включает в себя любые товары и продукцию, не отвечающие требованиям безопасности, а также аналогичные услуги и работы. Однако алкогольная продукция является товаром повышенного риска, незаконное и некачественное ее производство может приносить огромную прибыль, потому именно небезопасный алкоголь становится причиной значительного числа преступлений. Здесь следует учитывать, что в данном случае в первую очередь негативному воздействию подвергаются не экономические отношения, а отношения по обеспечению безопасности населения, отношения по сохранности здоровья. Санкция данной нормы (или аналогичной) должна в обязательном порядке содержать наказание, связанное с максимальными личными ограничениями, а именно лишение свободы. В науке уголовного права справедливо отмечается, что и экономические отношения могут быть подвергнуты негативному воздействию при совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ [21, с. 71]. Однако данный объект следует отнести к дополнительным, что предполагает установление имущественного наказания факультативно, с указанием «со штрафом или без такового».

2. Второе основание систематизации преступлений, связанных с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

продукции, – по предмету преступления. Систематизация осуществляется в рамках традиционной для российского уголовного права концепции, в соответствии с которой предмет преступления – это часть объекта преступления. По предмету преступления деяния, связанные с незаконными производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, дифференцируются следующим образом:

2.1. Предмет отвечает требованиям безопасности. Преступления находятся в экономической плоскости, и к ним применимы правила пенализации, заключающиеся в использовании имущественных наказаний и наказаний, содержащих имущественный элемент (принудительные работы).

2.2. Предмет не отвечает требованиям безопасности. Последствия в данном случае находятся не в экономической плоскости, что детерминирует соответствующую систему наказаний.

Таким образом, сформированная система преступлений, связанных с незаконными производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, как может быть положена в основу пенализации деяний, так и быть базой для формирования модели назначения наказания за рассматриваемые преступления (как единичные, так и совершаемые по совокупности).

Общая модель ответственности за совершение рассматриваемых преступлений следующая:

– при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, посягающих на экономические отношения, предполагается, что предмет преступления соответствует требованиям безопасности. С учетом наличия дополнительного

объекта допустимо установление двух видов наказаний – исключительно имущественных (штраф) и смешанных, содержащих имущественный элемент и личные неимущественные ограничения (принудительные работы). На основе дуальной природы основного непосредственного объекта следует сформировать правило квалификации, в соответствии с которым допустима квалификация по совокупности незаконного предпринимательства (в данном случае речь идет о специальном составе незаконного предпринимательства) и уклонения от уплаты налогов;

– при совершении аналогичных преступлений, связанных с производством и оборотом продукции, не отвечающей требованиям безопасности, санкция должна предусматривать наказание, направленное на ограничение личных прав, – лишение свободы.

При назначении наказания необходимо учитывать, что в случаях незаконного производства и оборота рассматриваемой продукции имеется несколько самостоятельных объектов преступлений. При этом оценка экономических последствий должна служить основанием для назначения штрафа или принудительных работ без штрафа. В то же время, если деяние посягает на отношения, связанные с обеспечением здоровья населения, наказание должно быть более строгое – принудительные работы или лишение свободы (в зависимости от наступивших последствий или конкретных обстоятельств уголовного дела). Вместе с тем не следует применять правило поглощения наказаний, а необходимо складывать их, учитывая все совершенные преступления и последствия.

Литература

1. **Безверхов А.Г., Норватян Ю.С.** «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. № 3. – С. 562–568.
2. **Мироненко С.Ю.** Военные преступления: необходимость криминализации и систематизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2025. – № 3. – С. 193–199.
3. **Досова З.К.** Проблемы систематизации преступлений, посягающих на конкуренцию в сфере экономической деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 5. – С. 280–283.
4. **Нескородова И.С., Кислицын Н.А.** Проблемы систематизации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-2. – С. 120–122.
5. **Лопащенко Н.А.** Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 27–35.
6. **Рогозов Ю.И.** Проблемы системного представления объекта // Информатизация и связь. – 2015. – № 3. – С. 10–14.
7. **Мильнер Б.** Понятие, разновидности и источники знаний // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 2. – С. 106–119.
8. Модели и методы оптимизации сбора и обработки информации / Н.А. Распопин, М.В. Карасев, П.В. Зеленком [и др.] // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2012. – № 2. – С. 69–72.
9. **Можженко И.И.** Систематизация законодательства и ее признаки // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 12. – С. 6–9.
10. **Максимов С.В., Валуйсков Г.В.** Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 2. – С. 63–69.
11. **Черных Е.Е.** К вопросу о систематизации преступлений в сфере инновационной медицины // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 4. – С. 153–161.
12. **Палазян А.С.** Принципы систематизации функций права // Юридический мир. – 2009. – № 2. – С. 51–55.

13. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова [и др.]. – Москва: Центр стратегических разработок, 2017. – 73 с.
14. **Черненко И.С.** Незаконное производство и оборот подакцизной алкогольной продукции (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 199 с.
15. **Алборов Р.Д.** К вопросу криминализации незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в России // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2018. – № 56. – С. 97–103.
16. **Резвых Р.С.** Реализация алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья граждан: правовые и правоприменительные аспекты // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 5 (8). – С. 67–73.
17. **Куликов Р.С., Ефимов М.А.** Понятие и система преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. № 4. – С. 100–105.
18. **Потапов Д.Ю.** О некоторых актуальных способах совершения преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2017. – № 3. – С. 195–199.
19. **Коренная А.А.** Система объектов уголовно-правовой охраны экономической деятельности в уголовном законе России: общее, особенное, единичное / Общие и специальные нормы уголовного права Российской Федерации, квалификация преступлений и назначение наказания: сборник научных статей. – Барнаул: АГУ, 2020. С. 130–140.
20. **Разогреева А.М., Чулкина Э.Ю.** Противодействие преступлениям в сфере нелегального оборота алкогольной продукции: уголовный закон и (или) ЕГАИС // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 74–79.
21. **Нечаева А.В.** Особенности объекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров, продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – № 1. – С. 70–73.

References

1. **Bezverkhov A.G., Norvatyan Yu.S.** "Epidemicheskie" prestupleniya: voprosy kriminalizatsii i sistematizatsii // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2017. – Т. 11. № 3. – С. 562–568.
2. **Mironenko S.Yu.** Voennye prestupleniya: neobkhodimost' kriminalizatsii i sistematizatsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2025. – № 3. – С. 193–199.
3. **Dosova Z.K.** Problemy sistematizatsii prestuplenii, posyagayushchikh na konkurentsiyu v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. – 2020. – № 5. – С. 280–283.
4. **Neskorodova I.S., Kisilitsyn N.A.** Problemy sistematizatsii prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnoi seti "Internet" // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2020. – № 12-2. – С. 120–122.
5. **Lopashenko N.A.** Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: o ruinakh ugovol'nogo zakona // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2018. – № 2. – С. 27–35.
6. **Rogozov Yu.I.** Problemy sistemnogo predstavleniya ob"ekta // Informatsiya i svyaz'. – 2015. – № 3. – С. 10–14.
7. **Mil'ner B.** Ponyatie, raznovidnosti i istochniki znaniy // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2008. – № 2. – С. 106–119.
8. Modeli i metody optimizatsii sbora i obrabotki informatsii / N.A. Raspopin, M.V. Karasev, P.V. Zelenkom [i dr.] // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva. – 2012. – № 2. – С. 69–72.
9. **Mozhenko I.I.** Sistematizatsiya zakonodatel'stva i ee priznaki // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2010. – № 12. – С. 6–9.
10. **Maksimov S.V., Valuisov G.V.** Asistemnaya ugovol'naya politika // Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata. – 2018. – № 2. – С. 63–69.
11. **Chernykh E.E.** K voprosu o sistematizatsii prestuplenii v sfere innovatsionnoi meditsiny // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2023. – № 4. – С. 153–161.
12. **Palazyan A.S.** Printsipy sistematizatsii funktsii prava // Yuridicheskii mir. – 2009. – № 2. – С. 51–55.
13. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова [и др.]. – Москва: Центр стратегических разработок, 2017. – 73 с.
14. **Chernenko I.S.** Nezakonnye proizvodstvo i oborot podaktsiznoi alkogol'noi produktsii (ugolovno-pravovye aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk. – Ростов-на-Дону, 2005. – 199 с.
15. **Alborov R.D.** K voprosu kriminalizatsii nezakonno oborota alkogol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii v Rossii // Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya. – 2018. – № 56. – С. 97–103.
16. **Rezvykh R.S.** Realizatsiya alkogol'noi produktsii, ne otvechayushchei trebovaniyam bezopasnosti dlya zhizni i zdorov'ya grazhdan: pravovye i pravoprimenitel'nye aspekty // Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 5 (8). – С. 67–73.
17. **Kulikov R.S., Efimov M.A.** Ponyatie i sistema prestuplenii v sfere nezakonno oborota alkogol'noi produktsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – Т. 13. № 4. – С. 100–105.
18. **Potapov D.Yu.** O nekotorykh aktual'nykh sposobakh soversheniya prestuplenii v sfere nezakonno oborota alkogol'noi produktsii // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. – 2017. – № 3. – С. 195–199.
19. **Korenennaya A.A.** Sistema ob"ektov ugovolno-pravovoi okhrany ekonomicheskoi deyatel'nosti v ugovolnom zakone Rossii: obshchee, osobennoe, edinichnoe / Obshchie i spetsial'nye normy ugovol'nogo prava Rossiiskoi Federatsii, kvalifikatsiya prestuplenii i naznachenie nakazaniya: sbornik nauchnykh statei. – Barnaul: AGU, 2020. С. 130–140.
20. **Razogreeva A.M., Chuklina E.Yu.** Protivodeistvie prestupleniyam v sfere nelegal'nogo oborota alkogol'noi produktsii: ugovolnyi zakon i (ili) EGAIS // Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2019. – № 1. – С. 74–79.
21. **Nechaeva A.V.** Osobennosti ob"ekta prestupleniya, predusmotrennogo st. 238 UK RF "Proizvodstvo, khranenie, perevozka libo sbyt tovarov, produktsii, vypolnenie rabot ili okazanie uslug, ne otvechayushchikh trebovaniyam bezopasnosti" // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2011. – № 1. – С. 70–73.

(статья сдана в редакцию 24.10.2025)

**Особенности личности преступника, незаконно
использующего средства индивидуализации товаров
(работ, услуг)**

**Personal characteristics of a criminal who illegally uses means
of individualization of goods (works, services)**

УДК 343.9

Е.Н. Желтова

(Прокуратура г. Санкт-Петербурга,
Россия, Санкт-Петербург)
strukova9852@gmail.com

Ekaterina N. Zheltova

(Saint Petersburg Prosecutor's Office,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности личности преступника, незаконно использующего средства индивидуализации товаров (работ, услуг). Отмечается ежегодный рост количества поданных в Федеральную службу по интеллектуальной собственности заявок на регистрацию средств индивидуализации. На сегодняшний день средство индивидуализации – это не только возможность отличить один товар от другого, интеллектуальные права на них приносят правообладателям значительные доходы, в том числе возможность кредитования под залог средств индивидуализации. Целью работы является определение демографических, социальных и нравственно-психологических характеристик преступника, незаконно использующего указанные объекты интеллектуальной собственности. Проведен анализ индивидуальной мотивации. Дана оценка влиянию внешних факторов на формирование преступного умысла. Отмечаются следующие характеристики типового портрета личности: высокий уровень образованности, преобладание мужчин и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность; обосновывается положение о вовлеченности преступника в общественную жизнь, наличии устойчивых семейных связей, отсутствии девиантных проявлений. Превалирующей мотивацией производства контрафактной продукции определена корысть. Статья базируется на теоретических положениях, материалах судебно-следственной практики и результатах опроса экспертной группы. Полученные результаты способствуют совершенствованию предупреждения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), вносят вклад в теорию личности преступника отдельной категории.

Ключевые слова: личность преступника; механизм преступного поведения; мотивация; нравственно-психологические характеристики; демографические характеристики

Для цитирования: Желтова Е.Н. Особенности личности преступника, незаконно использующего средства индивидуализации товаров (работ, услуг) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 46–52.

Abstract: the article examines the personality traits of criminals who illegally use means of individualization of goods (works, services). An annual increase in the number of applications for registration of means of individualization filed with the Federal Service for Intellectual Property is noted. Today, means of individualization are not only a means of distinguishing one product from another; intellectual property rights to them generate significant income for their owners, including the possibility of obtaining loans secured by means of individualization. The aim of the study is to determine the demographic, social, moral, and psychological characteristics of criminals who illegally use these intellectual property objects. An analysis of individual motivation is conducted. The influence of external factors on the formation of criminal intent is assessed. The following characteristics of a typical personality profile are noted: a high level of education, a predominance of men and individuals engaged in entrepreneurial activity. The position on the involvement of the criminal in public life, the presence of stable family ties, and the absence of deviant behavior is substantiated. Self-interest is determined to be the prevailing motivation for the production of counterfeit goods. The article is based on theoretical principles, forensic evidence, and the results of an expert group survey. The findings contribute to improved prevention of the illegal use of identification marks for goods (works, services) and contribute to a theory of the personality of a specific category of criminal.

Keywords: identity of the criminal; mechanism of criminal behavior; motivation; moral and psychological characteristics; demographic characteristics

For citation: Zheltova E.N. Personal characteristics of a criminal who illegally uses means of individualization of goods (works, services) // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 46–52.

Контрафакт – явление, давно известное человечеству. Сегодня рынок поддельных товаров и услуг – один из процветающих секторов теневой экономики. Как на физических торговых площадках, так и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не составляет труда обнаружить аналог известного бренда. В частности, аналитиками сервиса Gorodissky IP Security установлено, что количество подделок на российском онлайн-рынке вдвое превышает объем представленных оригинальных товаров¹.

Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по промышленности и торговле В.В. Гутенев также заявил о росте объемов контрафакта².

Продажа подделок становится полноценным видом предпринимательской деятельности. Так, например, по версии следствия, «стилист предлагала клиентам приобретение брендовых товаров по заниженным ценам. В течение полутора лет потерпевшие покупали через нее изделия Christian Dior, Prada и Hermes, которые впоследствии оказались подделками с рынка Садовод»³.

Несмотря на трудности в определении реальных объемов поддельной продукции на российских рынках, в проведенном А.В. Сальниковой исследовании отмечается, что «практически любой товарный рынок в России сегодня изобилует контрафактными экземплярами» [1, с. 71].

Между тем общественная опасность незаконного использования средств индивидуализации состоит в причинении имущественного ущерба правообладателю, нанесении репутационного вреда последнему, нарушении принципа добросовестной конкуренции, предоставлении потребителю недостоверной информации о товарах (работах, услугах), недополучении бюджетом Российской Федерации доходов от обязательных платежей, снижении инвестиционной привлекательности российского экономического пространства.

¹ Чем больше рынок, тем больше подделок: как контрафакт процветает в Интернете [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: электронное периодическое издание. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8138773> (дата обращения: 12.12.2025).

² В Госдуме сообщили о росте контрафакта на маркетплейсах [Электронный ресурс] // Парламентская газета: электронное периодическое издание. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-gosdume-soobshhili-o-roste-kontrafakta-na-marketpleysakh.html>. (дата обращения: 12.12.2025).

³ Стилист Эльвира Янковская предлагала клиентам контрафактные брендовые товары [Электронный ресурс] // Вестник интеллектуального права: электронное периодическое издание. – URL: <https://vestnikip.ru/news/10453/> (дата обращения: 12.12.2025).

В исследовании Л.И. Александровой приводятся данные, свидетельствующие о высоком уровне экономического ущерба, причиняемого нарушениями исключительных прав на средства индивидуализации [2].

Определение основных черт личности преступника является ключевым элементом изучения любого вида преступности и формирования стратегии противодействия ей. Кроме того, характеристики личности имеют важное значение для достижения цели индивидуализации наказания за совершенное преступление [3].

В основе проведенного исследования лежат результаты анализа как теоретических исследований, так и материалов судебной и следственной практики. Кроме того, с учетом латентности преступности в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) исследование личности преступника будет опираться не только на официальные статистические данные, но и на результаты опроса экспертной группы сотрудников правоохранительных органов Луганской Народной Республики, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Запорожской, Ивановской, Калужской, Курской, Липецкой, Московской, Мурманской, Новгородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской областей, г. Москвы и г. Санкт-Петербурга.

Проанализируем характеристики личности преступников, совершающих указанные преступления. Чаще всего это мужчины (в 2021 г. – 70%, в 2022 г. – 76%, в 2023 г. – 60%, в 2024 г. – 73%)⁴.

Опрошенная экспертная группа также подтверждает гендерную тенденцию незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) в виде преимущественно мужской преступности. Так ответили 92,6% респондентов.

И.А. Кравцов и Н.В. Филиппова отмечают, что указанная тенденция основана на исторически сложившемся распределении трудовых функций между гендерными типами [4].

Анализ судебно-следственной практики показал, что зачастую анализируемые преступления совершаются лицами, имеющими семью, в том числе детей. Так, например, супруга лица, реализовывавшего контрафактную спиртосодержа-

⁴ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cddep.ru/> (дата обращения: 22.12.2025).

щую продукцию, характеризует его как «хорошего мужа, заботливого отца»⁵.

В постановлении о прекращении уголовного дела по факту реализации поддельного кофе также отмечается, что обвиняемый «положительно характеризуется, имеет малолетнего ребенка, беременную супругу»⁶. В 87% изученных материалов судебно-следственной практики лица, совершившие незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), имели семью или детей.

Характеристики семейного положения лиц, совершивших незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), определены экспертами следующим образом: 35,3% опрошенных отмечают, что в основном незаконное использование средств индивидуализации совершают одинокие лица; 29,4% – лица, состоящие в отношениях сожительств; 23,5% – состоящие в браке; наличие у преступников детей выделяют 11,8% респондентов.

А.В. Жайворонок также указывает на благоприятные семейные отношения лиц, совершивших незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Кроме того, отмечается одобрение преступной деятельности со стороны близких [5].

В возрастной структуре лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), преобладает возраст 30–49 лет (в 2021 г. – 59%, в 2022 г. – 56%, в 2023 г. – 57%, в 2024 г. – 56%)⁷.

Указанную тенденцию подтверждают данные опроса профессионального сообщества. Так, 59,3% экспертов отметили, что изучаемые нами преступления чаще совершают лица в возрасте 30–49 лет.

Большее число осужденных – граждане Российской Федерации, постоянные жители местности, где совершено преступление⁸.

Установлен устойчивый значительный прирост доли преступлений, совершенных лицами, имеющими высшее профессиональное образование

(в 2021 г. – 27%, в 2022 г. – 34%, в 2023 г. – 42%, в 2024 г. – 47%). Кроме того, высокой остается доля преступлений, совершенных лицами, имеющими среднее профессиональное (в 2021 г. – 26%, в 2022 г. – 29%, в 2023 г. – 25%, в 2024 г. – 27%) и среднее общее образование (в 2021 г. – 38%, в 2022 г. – 31%, в 2023 г. – 29%, в 2024 г. – 25%)⁹.

Опрошенные эксперты также отмечают образованность преступника, незаконно использующего средства индивидуализации. Так, 37% респондентов указали на наличие высшего профессионального образования у лиц, незаконно использующих чужие средства индивидуализации. Лиц со средним профессиональным образованием выделили 37% представителей профессионального сообщества. Наличие среднего общего образования как определяющей черты личности преступника определили только 18,5% анкетированных. Основное общее, начальное образование или его отсутствие – 7,4%.

Указанная тенденция характерна не только для незаконного использования средств индивидуализации, но и для экономической преступности в целом [6].

Зачастую незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) совершается лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в ней (в 2021 г. – 71%, в 2022 г. – 75%, в 2023 г. – 66%, в 2024 г. – 63%). Одновременно наблюдается динамика снижения доли таких преступников¹⁰.

Экспертное сообщество выделяет следующие сферы профессиональной деятельности: лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, в том числе индивидуальные предприниматели, – 63%; трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 25,9%, рабочие – 7,4%, учащиеся и студенты – 3,7%.

Таким образом, одним из факторов, способствующих незаконному использованию средств индивидуализации, является наличие у преступников опыта осуществления предпринимательской деятельности. Так, например, соучастники группы лиц, по предварительному сговору незаконно использовавшей средства индивидуализации на обувные товары, обладали следующими личностными характеристиками: одно лицо ранее привлекалось к административной ответственности по ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, другое, являясь индивидуальным предпринимателем, осуществляло розничную торговлю товарами народного потребления, третье – индивидуальный предприниматель, имевший ра-

⁵ Дзержинский районный суд г. Оренбурга Оренбургской области: приговор от 20.03.2025 № 1-19/2025 1-438/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MzkgPWYodhLp/> (дата обращения: 12.11.2025).

⁶ Хорошевский районный суд г. Москвы: постановление от 03.06.2025 по делу № 1-304/2025 [Электронный ресурс] // Судебные решения Российской Федерации. – URL: <https://судебныерешения.рф/90509059/extended> (дата обращения: 17.12.2025).

⁷ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 22.12.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

нее заключенные договоры аренды торговых и складских помещений¹¹.

Т.Ю. Левченкова также отмечает, что осуществляемая профессиональная деятельность способствует формированию особых черт личности преступника, благодаря которым совершается преступление [7].

Отметим, что совершение ранее преступлений не является значимым криминогенным фактором личности преступника, незаконно использовавшего средства индивидуализации товаров (работ, услуг)¹². Однако встречаются факты совершения указанных преступлений лицами, уже подвергнутыми административному наказанию за аналогичные деяния¹³.

Зачастую тип исследуемого преступника представлен лицом, имеющим довольно высокое социальное положение в обществе. Например, осужденные за совершение преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1, ч. 3 ст. 180 УК РФ, до их совершения занимали высокопоставленные должности в организациях¹⁴.

Преобладающим мотивом незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) является корыстный. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) зачастую играет для личности роль преступного промысла. Так, например, лицо, осуществляющее приобретение и продажу контрафактных презервативов, пояснило, что противоправные действия совершены им в силу необходимости повышения заработка по причине планирования ребенка и кредитных обязательств¹⁵. Также лицо, осуществлявшее сбыт контрафактной спиртосодержащей продукции, со-

гласно материалам уголовного дела, «работает на Петровском рынке, торгует овощами, жена работает, двое детей 15 и 18 лет, старший сын студент. Среднемесячный доход 50 000 рублей, имеет ипотечный кредит, который оплачивает в размере 20 000 рублей в месяц, ежемесячный кредит по карте – 13 000 рублей, оплачивает квартплату в размере 5000–6000 рублей, оказывает помощь отцу-пенсионеру в Азербайджане»¹⁶. В приведенном примере расходы преступника (кредитные обязательства, оплата жилья, помощь родственникам) превышают получаемый им доход. Одновременно лица осуществляли сбыт товаров бытовой химии, «желая незаконно улучшить свое материальное положение путем систематической и постоянной реализации покупателям контрафактных средств бытовой химии»¹⁷.

А.А. Соловьев отмечает, что корыстная мотивация преступников в сфере экономической деятельности является устойчивой, что способствует повторности совершаемых деяний [8].

Кроме того, анкетирование производителей контрафакта из Народной Республики Бангладеш свидетельствует о следующей мотивации к незаконному использованию средств индивидуализации товаров (работ, услуг): отсутствие доверия потребителя к продукции без нанесения зарекомендовавших себя средств индивидуализации, необходимость несения маркетинговых расходов, трудности конкуренции, экономические барьеры, сложности создания собственного бренда, возможность получения дополнительного дохода [9].

От законопослушных граждан преступника в сфере незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) отличает безразличие к законности выбираемых способов ведения предпринимательской деятельности. Таким образом, одним из катализаторов незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) выступает низкий уровень достатка, не позволяющий обеспечить семье индивида достойный уровень жизни.

Проведенный при изучении материалов уголовных дел анализ постпреступного поведения показывает, что большинство преступников соглашались с предъявленным обвинением, раскаиваются, добровольно возмещают причиненный ущерб.

¹¹ Центральный районный суд г. Новосибирска: приговор от 11.10.2023 № 1-117/2022 1-35/2023 1-393/2021 по делу № 1-117/2022 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/za6xk81Hb6bC/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdpep.ru/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹³ Центральный районный суд г. Новосибирска: приговор от 11.10.2023 № 1-117/2022 1-35/2023 1-393/2021 по делу № 1-117/2022 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/za6xk81Hb6bC/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹⁴ Петропавловск-Камчатский городской суд Камчатского края: приговор от 26.01.2024 № 1-285/2023 1-8/2024 по делу № 1-285/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XgAluuM6faNv/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹⁵ Мещанский районный суд г. Москвы: приговор от 09.12.2024 № 1-952/2024 по делу № 1-952/2024 [Электронный ресурс] // Судебные решения Российской Федерации. – URL: <https://ruscourt.ru/85739510/extended> (дата обращения: 22.12.2025).

¹⁶ Дзержинский районный суд г. Оренбурга Оренбургской области: приговор от 20.03.2025 № 1-19/2025 1-438/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MzkgPWYodhLp/> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁷ Промышленный районный суд г. Смоленска: постановление от 16.02.2025 № 1-107/2025 по делу № 1-107/2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7nCFZxj8NObt/> (дата обращения: 03.12.2025).

Так, например, лица, осуществлявшие сбыт поддельных товаров бытовой химии, примирились с правообладателем, добровольно устранили причиненный вред, что позволило прекратить уголовное дело в связи с примирением с потерпевшим¹⁸.

Согласно полученным в ходе авторского исследования результатам в структуре преступности в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) преобладают групповые деяния. Так, в 2024 году удельный вес преступлений, связанных с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), совершенных в группе, составил 79%¹⁹.

Следует также отметить, что личные качества преступника, незаконно использующего чужие средства индивидуализации товаров (работ, услуг), могут разниться в зависимости от выполняемой им роли. Так, организатор зачастую обладает определенными знаниями в области торговли, предприимчив, коммуникабелен, способен налаживать эффективное руководство процессом реализации (в том числе производства) подделок.

Непосредственный производитель продукции характеризуется знаниями технологии изготовления определенных товаров, специальными умениями, зачастую указанные лица остаются неизвестными правоохранительным органам.

Лицо, реализующее закупленную у непосредственного производителя продукцию, отличается коммуникабельностью, выявлены случаи, когда подобные реализаторы не задумываются об оригинальности приобретаемого.

Кроме того, следует выделить отдельную категорию преступников – реализаторов (продавцов). Это могут быть как наемные работники, так и лица, осуществляющие такую деятельность в связи с наличием устойчивых личных взаимоотношений с организатором или оптовым реализатором продукции (в том числе семейных). Указанные лица могут не иметь высокого уровня образования, не придавать значения тому, что нарушают закон, продавая такие товары.

С.Ю. Барсукова подразделяет производителей контрафакта на лиц, реализующих подделки, тех, кто осуществляет ввоз товаров посредством «серого импорта», и «имитаторов», отмечая различ-

ную степень криминальной направленности личности преступников указанных категорий [10].

Говоря о формировании личности преступника, следует упомянуть о неразрывности индивидуальных нравственно-психологических характеристик лица и влияния социума на формирование портрета личности.

Зачастую лицо, незаконно использующее средства индивидуализации товаров (работ, услуг), занимает высокое социальное положение, является активным участником гражданского общества.

Так, один из участников группы лиц, по предварительному сговору сбывавшей контрафактные товары бытовой химии, характеризуется по месту проживания положительно, является директором компании, «участвует в благотворительной деятельности, что подтверждено благодарственными письмами АНО «Центр поддержки и развития социальных проектов «За наших!» и Генеральной прокуратурой Донецкой Народной Республики»²⁰.

Можно говорить и о том, что преступник в изучаемой нами сфере по своей природе ленив, не стремится к созданию собственного бренда, завоеванию любви потребителя, основанной на качестве реализуемых товаров (работ, услуг). Он пользуется репутацией правообладателя средства индивидуализации, заработанной за счет качества производимого товара и проведения грамотной маркетинговой кампании.

С.М. Казакевич, анализируя личность преступника экономической направленности, отмечает, что для указанной категории правонарушителей характерно не только преобладание корыстных интересов, но и «забота о личном, обман, выживание любой ценой в условиях конкуренции» [11].

Кроме того, преступники анализируемой категории могут оправдывать свою деятельность якобы благами целями. Так, например, в исследовании деятельности производителей контрафакта в Турции отмечается, что контрафакторы оправдывают себя тем, что вносят вклад в экономику страны, создавая рабочие места и обеспечивая приток иностранной валюты [12].

Лиц, незаконно использующих средства индивидуализации товаров (работ, услуг), в большинстве своем можно определить как преступников, характеризующихся наличием обдуманной цели и мотива, пониманием действующих законодательных и социальных норм, навыками социальной и профессиональной адаптации, высоким уровнем интеллекта, холодным эмоциональным состоянием, сильной волей. Они планируют ведение

¹⁸ Промышленный районный суд г. Смоленска: постановление от 16.02.2025 № 1-107/2025 по делу № 1-107/2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7nCFZxj8NObt/> (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 22.12.2025).

²⁰ Промышленный районный суд г. Смоленска: постановление от 16.02.2025 № 1-107/2025 по делу № 1-107/2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7nCFZxj8NObt/> (дата обращения: 03.12.2025).

преступного бизнеса, ставят перед собой цели, связанные с извлечением определенного уровня дохода от использования чужих объектов интеллектуальной собственности. Вместе с тем многие лица, совершившие незаконное использование чужих средств индивидуализации, отмечают, что не понимали, что совершают преступление. Преступники характеризуются высоким уровнем социальной коммуникации, что играет ключевую роль в формировании рынка сбыта поддельных товаров (работ, услуг).

Следует рассматривать возможность перенаправления предпринимательской активности лиц, незаконно использующих средства индивидуализации, в правовое поле (производство изделий под собственным брендом). Нередко выпускаемые ими изделия не уступают качеству товаров

именитых производителей. Дополнительная поддержка начинающих предпринимателей снизит долю теневого сектора экономики в виде торговли контрафактными изделиями.

Таким образом, типовой портрет личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 180 УК РФ, представлен мужчинами, лицами в возрасте 30–49 лет, гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими в местности, в которой совершено преступление, имеющими высшее образование, состоящими в семейных отношениях, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в ней, совершающими незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) по корыстным мотивам.

Литература

1. **Сальникова А.В.** Современный российский рынок контрафактной продукции: ведущие факторы и тенденции // Век качества. – 2024. – № 3. – С. 69–88.
2. **Александрова Л.И.** Контрафакт как криминальное явление: средства противодействия // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – № 3. – С. 59–65.
3. **Айнутдинова К.А.** Роль личности виновного лица: к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 98–104.
4. **Кравцов И.А., Филиппова Н.В.** Факторы, способствующие незаконному использованию средств индивидуализации товаров (работ, услуг) в России, и характеристика личности преступника // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2023. – № 9-1. – С. 44–49.
5. **Жайворонок А.В.** Личностные аспекты незаконного использования товарного знака // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 1 (52). – С. 59–62.
6. **Вакуленко Н.А.** Репрезентативные криминологические параметры экономического преступника в современной России // Юрист-Правовед. – 2024. – № 3 (110). – С. 125–131.
7. **Левченко Т.Ю.** Проблемы установления субъективных признаков состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Юридические исследования. – 2025. – № 2. – С. 26–42.
8. **Соловьев А.А.** Социально-психологический портрет лиц, осужденных за преступления в сфере экономики // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2016. – № 1 (5). – С. 41–43.
9. **Khan T.R.** Family Businesses that Produce Counterfeits: What is Stopping them from Creating their Own Brand? // Procedia Economics and Finance. – 2012. – Vol. 4. – P. 304–311.
10. **Барсукова С.Ю.** Три составных части контрафакта: подделки, серый импорт и имитаторы // Экономическая социология. – 2008. – № 4. – С. 14–29.
11. **Казакевич С.М.** Криминологический портрет лица, совершающего экономические преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 93–97.
12. **Bural D., Lloyd A., Antonopoulos G.A., Kotzé J.** "Fake it to make it": exploring product counterfeiting in Türkiye // Journal of Financial Crime. – 2024 – Vol. 31. – Is. 6. – P. 1451–1466.

References

1. **Sal'nikova A.V.** Sovremenniy rossiiskii rynek kontradfaktnoi produktsii: vedushchie faktory i tendentsii // Vek kachestva. – 2024. – № 3. – S. 69–88.
2. **Aleksandrova L.I.** Kontradfakt kak kriminal'noe yavlenie: sredstva protivodeistviya // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. – 2021. – № 3. – S. 59–65.
3. **Ainutdinova K.A.** Rol' lichnosti vinovnogo litsa: k voprosu ob individualizatsii nakazaniya v ugovnom zakonodatel'stve RF // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 3 (29). – S. 98–104.
4. **Kravtsov I.A., Filippova N.V.** Faktory, sposobstvuyushchie nezakonnomu ispol'zovaniyu sredstv individualizatsii tovarov (rabot, uslug) v Rossii, i kharakteristika lichnosti prestupnika // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2023. – № 9-1. – S. 44–49.
5. **Zhaivoronok A.V.** Lichnostnye aspekty nezakonnogo ispol'zovaniya tovarnogo znaka // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2013. – № 1 (52). – S. 59–62.
6. **Vakulenko N.A.** Reprezentativnye kriminologicheskie parametry ekonomicheskogo prestupnika v sovremennoi Rossii // Yurist"-Pravoved". – 2024. – № 3 (110). – S. 125–131.

7. **Levchenkova T.Yu.** Problemy ustanovleniya sub"ektivnykh priznakov sostava prestupleniya, predusmatrivayushchego otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie sredstv individualizatsii tovarov (rabot, uslug) // Yuridicheskie issledovaniya. – 2025. – № 2. – S. 26–42.
8. **Solov'ev A.A.** Sotsial'no-psikhologicheskii portret lits, osuzhdennykh za prestupleniya v sfere ekonomiki // Aktual'nye problemy penitentsiarnoi nauki i praktiki. – 2016. – № 1 (5). – S. 41–43.
9. **Khan T.R.** Family Businesses that Produce Counterfeits: What is Stopping them from Creating their Own Brand? // Procedia Economics and Finance. – 2012. – Vol. 4. – P. 304–311.
10. **Barsukova S.Yu.** Tri sostavnykh chasti kontrafakta: poddelki, seryi import i imitatory // Ekonomicheskaya sotsiologiya. – 2008. – № 4. – S. 14–29.
11. **Kazakevich S.M.** Kriminologicheskii portret litsa, sovershayushchego ekonomicheskie prestupleniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 2 (40). – S. 93–97.
12. **Bural D., Lloyd A., Antonopoulos G.A., Kotzé J.** "Fake it to make it": exploring product counterfeiting in Türkiye // Journal of Financial Crime. – 2024 – Vol. 31. – Is. 6. – P. 1451–1466.

(статья сдана в редакцию 01.01.2026)

**Правовые и организационные аспекты пропаганды
нетрадиционных сексуальных отношений
и (или) предпочтений смены пола**

**Legal and organizational aspects of the promotion
of non-traditional sexual relations and/or gender reassignment
preferences**

УДК 342.9

В.А. Ковалева

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
victoria.kovaleva2000@mail.ru

Victoria A. Kovaleva

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в контексте реализации положений статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и смены пола. Автором прослеживается эволюция законодательного регулирования данного института – от первоначального запрета пропаганды среди несовершеннолетних (2013 г.) до существенного расширения диспозиции нормы в 2022–2023 годах, включения категории «предпочтение» и квалифицирующих признаков. В работе детально анализируются процессуальные полномочия различных служб полиции: патрульно-постовой службы, подразделений по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных – на стадиях выявления, фиксации и документирования указанного деликта. Рассматриваются нормы ведомственных приказов (МВД России № 205, 495, 845), регламентирующих деятельность этих подразделений. Особое внимание уделяется проблемам квалификации деяния как пропаганды ввиду отсутствия легальной дефиниции данного понятия в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Автором предлагаются критерии отграничения пропаганды от информирования, обосновывается необходимость назначения комплексных экспертиз для доказывания субъективной стороны правонарушения. Отдельный раздел посвящен анализу проблемных аспектов правоприменения: субъективизму при оценке контента, дефициту специальных знаний у сотрудников, сложностям фиксации цифровых доказательств. На основе выявленных проблем формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики, включая разработку методических рекомендаций и внедрение специализированных программ повышения квалификации. В заключение обосновывается тезис о трансформации роли полиции в направлении комплексной административно-юрисдикционной деятельности, требующей синтеза юридических и экспертных знаний для защиты информационно-нравственной безопасности.

Ключевые слова: административная ответственность; органы внутренних дел; полиция; пропаганда; нетрадиционные сексуальные отношения; смена пола; квалификация правонарушений; правоприменительная практика; информационная безопасность

Для цитирования: Ковалева В.А. Правовые и организационные аспекты пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений смены пола // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 53–57.

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the administrative and jurisdictional activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of the implementation of the provisions of Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, which establishes liability for the propaganda of non-traditional sexual relations and gender reassignment. The author traces the evolution of the legislative regulation of this institution – from the initial ban on propaganda among minors (2013) to a significant expansion of the disposition of the norm in 2022–2023, including the category of “preference” and qualifying features. The work provides a detailed analysis of the procedural powers of various police services: patrol and post service, units for minors and district police officers – at the stages of identifying, recording and documenting this offense. The provisions of departmental

orders (Ministry of Interior of Russia № 205, № 495, № 845) regulating the activities of these units are considered. Particular attention is given to the challenges of classifying acts as propaganda due to the lack of a legal definition of this concept in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The author proposes criteria for distinguishing propaganda from information dissemination and substantiates the need for comprehensive expert examinations to prove the subjective nature of an offense. A separate section is devoted to an analysis of problematic aspects of law enforcement: subjectivity in content assessment, a lack of specialized knowledge among officers, and difficulties in capturing digital evidence. Based on the identified problems, proposals are formulated for improving law enforcement practices, including the development of methodological recommendations and the implementation of specialized professional development programs. In conclusion, the author argues for the transformation of the role of the police toward integrated administrative and jurisdictional activities, requiring a synthesis of legal and expert knowledge to protect information and moral security.

Keywords: administrative liability; internal affairs agencies; police; propaganda; non-traditional sexual relations; gender reassignment; offense classification; law enforcement practice; information security

For citation: Kovaleva V.A. Legal and organizational aspects of the promotion of non-traditional sexual relations and/or gender reassignment preferences // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 53–57.

Актуализация вопросов государственного суверенитета требует адекватного правового регулирования защиты традиционных ценностей и нравственного здоровья общества [1]. Данное обстоятельство обусловило динамичное развитие и актуализацию административного законодательства. Дополнение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и последующие изменения ст. 6.21 КоАП РФ поставили перед правоприменителем, в первую очередь перед полицией, комплекс сложных задач [2]. Это связано с закреплением в административно-деликтном законодательстве принципиально нового объекта правовой охраны – информационно-психологического благополучия граждан и духовно-нравственного устоя государства [3]. В этой связи определение функциональной роли правоприменителей в механизме применения данной нормы приобретает высокую теоретическую и практическую значимость. Работа полиции выходит за рамки простого реагирования, формируя практику толкования таких оценочных категорий, как пропаганда и общественная нравственность.

Динамика административно-правового регулирования административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола позволяет выделить несколько этапов развития. Изначально фокус законодателя был сосредоточен на запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних, что нашло отражение в первоначальной редакции ст. 6.21 КоАП РФ (2013 г.). Последующие законодательные изменения (2022–2023 гг.) существенно расширили диспозицию нормы, распространив запрет на пропаганду среди всех возрастных групп, включив в объективную сторону «предпочтения» и «смену пола», а также введя квалифицирующие признаки.

Данное развитие напрямую повлияло на содержание деятельности полиции по противодействию рассматриваемому деликту. Если изначально приоритет отдавался профилактической работе в подростковой среде в рамках компетенции подразделений по делам несовершеннолетних, то сегодня требуется комплексное задействование сил и средств полиции, осуществляющей защиту прав несовершеннолетних. Полиция выступает в роли «первичного фильтра» в административном процессе: именно ее сотрудники проводят первичный сбор информации, оценку обстоятельств и принимают решение о наличии или об отсутствии состава правонарушения.

Административно-юрисдикционная деятельность полиции в рамках ст. 6.21 КоАП РФ представляет собой многоуровневый процесс, начинающийся с выявления противоправного деяния. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ предоставляет сотрудникам широкие полномочия по обнаружению и пресечению фактов потенциальной пропаганды [4].

Деятельность патрульно-постовой службы полиции осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России»². Сотрудник патрульно-постовой службы, находясь на маршруте патрулирования, может:

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

1. Выявить факт публичной демонстрации запрещенных материалов (например, расклейку листовок, плакатов, публичные акции).

2. При обнаружении признаков правонарушения по ст. 6.21 КоАП РФ составить рапорт, изъять материалы (если есть основания), установить личность нарушителя и передать материалы для дальнейшей процессуальной работы.

Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних регламентируется приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»³. В контексте ст. 6.21 КоАП РФ подразделения по делам несовершеннолетних обладают специфическими полномочиями, поскольку данное правонарушение напрямую затрагивает интересы несовершеннолетних (их нравственное и психическое здоровье). В соответствии с Инструкцией подразделения по делам несовершеннолетних обязаны:

1. Выявлять факты распространения информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних, включая пропаганду нетрадиционных отношений.

2. Проводить индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, в отношении которых есть информация о вовлечении их в подобную пропаганду (как в роли распространителей, так и в роли аудитории) [5].

3. Взаимодействовать с образовательными организациями, органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних для выявления таких фактов в школах, кружках, интернатах.

Деятельность участковых уполномоченных полиции регламентируется комплексом нормативных актов, центральное место среди которых занимает приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»⁴. В рамках ст. 6.21 КоАП РФ участковые уполномоченные полиции обладают широкими полномочиями, поскольку именно они являются основным звеном профилактики и первичного реагирования на административном участке.

В отличие от патрульно-постовой службы полиции, обеспечивающей правопорядок в публичных

местах, и подразделений по делам несовершеннолетних, осуществляющих защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, участковый уполномоченный полиции работает комплексно на закрепленной территории. Его полномочия по ст. 6.21 КоАП РФ включают:

1. Проведение профилактического обхода административного участка, выявление фактов размещения запрещенной информации (листовки, плакаты, граффити) в подъездах, на стенах домов, остановках, в местах массового пребывания граждан.

2. Взаимодействие с гражданами и организациями (принимать сообщения от жителей, председателей товариществ собственников жилья, руководителей учреждений о фактах распространения пропаганды).

3. Осуществление контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете (если лицо ранее привлекалось за аналогичные правонарушения, участковый проводит с ним индивидуальную работу).

Участковые уполномоченные включены в перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы по ст. 6.21 КоАП РФ (ст. 28.3 КоАП РФ). Это означает, что участковый уполномоченный полиции может самостоятельно квалифицировать деяние (в пределах первичной оценки), составлять протоколы об административном правонарушении, направлять материалы в мировой суд для рассмотрения по существу. Если требуется экспертиза (лингвистическая, психологическая) для определения, является ли информация именно пропагандой, участковый уполномоченный полиции выносит определение о назначении экспертизы.

При обнаружении признаков правонарушения сотрудник полиции обязан осуществить комплекс мер по пресечению производства по делу [6]. К ним в соответствии со ст. 27.1 КоАП РФ относятся доставление (ст. 27.2), административное задержание (ст. 27.3), личный досмотр и досмотр вещей (ст. 27.7), изъятие вещей и документов (ст. 27.10). В контексте ст. 6.21 КоАП РФ ключевое значение имеет изъятие электронных устройств (смартфонов, ноутбуков, носителей информации), являющихся орудием совершения правонарушения, с обязательным составлением подробного протокола и привлечением понятых.

Наиболее сложным аспектом правоприменения является юридическая квалификация деяния как пропаганды. Отсутствие легального определения в КоАП РФ восполняется доктринальными подходами и складывающейся судебной практикой. Пропаганда в рассматриваемом контексте интерпретируется как умышленная, активная и систематическая деятельность, направленная

³ Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2018) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на формирование у неопределенного круга лиц положительного отношения к нетрадиционным сексуальным отношениям или смене пола, их популяризацию, романтизацию или преуменьшение связанных с ними рисков [7].

Для отграничения пропаганды от информирования или выражения личного мнения полиции необходимо обеспечить сбор доказательств, подтверждающих:

1. Наличие позитивной оценочности. Контент должен не просто констатировать факт, а представлять соответствующие модели поведения как желательные, социально одобряемые или лишены негативных последствий.

2. Целеполагание и побудительность. Материалы могут содержать прямые или косвенные призывы, рекомендации к принятию определенного образа жизни или идентичности.

3. Ориентацию на широкую аудиторию. Распространение информации в публичном доступе, включая социальные сети без ограничений по возрасту, форумы, блоги.

Для формирования доказательственной базы сотрудник полиции все чаще прибегает к специальным познаниям. Назначение комплексных лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз стало неотъемлемой частью расследования. Эксперт-лингвист анализирует текст на предмет наличия манипулятивных техник, оценочных суждений, средств речевого воздействия. Психолог может дать заключение о потенциальном влиянии материала на целевую аудиторию, особенно несовершеннолетних [8].

Эффективность работы полиции в данной сфере напрямую зависит от качества взаимодействия с другими субъектами:

1. Роскомнадзор осуществляет мониторинг средств массовой информации и интернет-ресурсов, вынося предписания о блокировке запрещенного контента. Передача материалов в органы внутренних дел для установления и привлечения виновных лиц – важнейшее направление кооперации.

2. Следственный комитет Российской Федерации и прокуратура подключаются в случаях, когда действия нарушителей могут содержать признаки уголовно наказуемых деяний (например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства») или когда возникла необходимость санкционирования процессуальных действий.

3. Экспертные и научные организации предоставляют специальные знания, без которых корректная квалификация часто невозможна.

Особой сложностью отличается фиксация цифровых доказательств. Для обеспечения их допустимости в суде полиции необходимо стро-

го соблюдать процедуру, описанную в приказах МВД России [9].

Несмотря на формирующуюся практику, существует ряд проблем, решение которых позволит повысить уровень профессиональной компетенции сотрудников полиции, усовершенствовать методики выявления противоправного контента и адаптировать правоохранительную систему к современным цифровым вызовам:

1. Субъективизм при оценке контента. Риск вольной или предвзятой интерпретации оценочных понятий «нравственность» и «пропаганда» отдельными сотрудниками [10].

2. Дефицит специальной подготовки. Не все сотрудники обладают достаточными знаниями в области лингвистики, психологии и социологии для первичного анализа контента.

3. Высокая динамика и адаптивность нарушителей. Использование скрытых методов продвижения (нейросети, криптографические средства, закрытые чаты).

Минимизации указанных рисков могут способствовать следующие меры:

1. Разработка и внедрение детальных методических рекомендаций для сотрудников полиции с примерами квалификации, утвержденных на уровне МВД России.

2. Включение в программы повышения квалификации специальных курсов по основам информационно-психологического анализа и цифровой криминалистики.

3. Создание межведомственных рабочих групп с участием лингвистов, психологов и культурологов для консультативной поддержки по наиболее сложным случаям.

Таким образом, роль полиции в механизме применения административной ответственности за пропаганду нетрадиционных отношений и смены пола носит центральный и многомерный характер. Она трансформировалась от узкопрофильной профилактической функции к комплексной административно-юрисдикционной деятельности, требующей синтеза юридических, оперативных и экспертных знаний. Полиция выступает не пассивным исполнителем, а сознательным сборщиком, создателем доказательственной базы и интерпретатором сложных социально-правовых категорий. Дальнейшая эффективность этой работы будет зависеть от способности правоохранительной системы к организационному и кадровому совершенствованию, глубокой межведомственной интеграции и выработке единых, научно обоснованных подходов к квалификации деяний в цифровую эпоху. Это позволит обеспечить баланс между защитой традиционных ценностей и неукоснительным соблюдением принципов законности и прав личности.

Теоретические и прикладные аспекты правоохранительной деятельности

Литература

1. **Дизер О.А.** Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 8–14.
2. **Попов Л.Л.** Административное право России. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2024. – 672 с.
3. **Дизер О.А.** Административно-правовая защита общественной нравственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2019. – 50 с.
4. Федеральный закон «О полиции»: научно-практическое пособие: в 3 т. / А.Н. Гугунский, А.В. Семенистый, П.А. Солошенко [и др.]. – Москва, 2013. Т. 3. – 332 с.
5. **Макаров Л.В.** Роль полиции в защите прав несовершеннолетних от деструктивной информации // Российский следователь. – 2024. – № 3. – С. 44–48.
6. **Епифанова А.С.** Административная деятельность органов внутренних дел: современные вызовы и перспективы развития. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 415 с.
7. **Костенников М.В., Куракин А.В.** Актуальные проблемы административного права: учебник. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 384 с.
8. **Лапина М.А.** Судебная экспертиза в административном судопроизводстве. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстиция, 2023. – 256 с.
9. **Морозов П.Е.** Цифровые доказательства в административном процессе: проблемы фиксации и оценки // Информационное право. – 2023. – № 4. – С. 12–17.
10. **Головко А.А.** Противодействие распространению деструктивной информации в сети Интернет: административно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 112–118.

References

1. **Dizer O.A.** Obshchestvennaya npravstvennost' v strukture obshchestvennogo poryadka i rol' pravovykh sredstv v ee okhrane // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – S. 8–14.
2. **Popov L.L.** Administrativnoe pravo Rossii. – 6-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, 2024. – 672 s.
3. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya zashchita obshchestvennoi npravstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Omsk, 2019. – 50 s.
4. Federal'nyi zakon "O politzii": nauchno-prakticheskoe posobie: v 3 t. / A.N. Gugunskii, A.V. Semenistyi, P.A. Soloshenkov [i dr.]. – Moskva, 2013. T. 3. – 332 s.
5. **Makarov L.V.** Rol' politzii v zashchite prav nesovershennoletnikh ot destruktivnoi informatsii // Rossiiskii sledovatel'. – 2024. – № 3. – S. 44–48.
6. **Epifanova A.S.** Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del: sovremennye vyzovy i perspektivy razvitiya. – Moskva: YUNITI-DANA, 2024. – 415 s.
7. **Kostennikov M.V., Kurakin A.V.** Aktual'nye problemy administrativnogo prava: uchebnik. – Moskva: YUNITI-DANA, 2023. – 384 s.
8. **Lapina M.A.** Sudebnaya ekspertiza v administrativnom sudoproizvodstve. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yustitsiya, 2023. – 256 s.
9. **Morozov P.E.** Tsifrovye dokazatel'stva v administrativnom protsesse: problemy fiksatsii i otsenki // Informatsionnoe pravo. – 2023. – № 4. – S. 12–17.
10. **Golovko A.A.** Protivodeistvie rasprostraneniya destruktivnoi informatsii v seti Internet: administrativno-pravovoi aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 2. – S. 112–118.

(статья сдана в редакцию 06.03.2026)

Уголовно-правовое регулирование дистанционных хищений в России

Criminal law regulation of remote stealing in Russia

УДК 343.721:343.727

Л.В. Пивнева

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
iPVmila@yandex.ru

Ludmila V. Pivneva

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в условиях цифровизации экономики и распространения дистанционных финансовых сервисов существенно возрастает доля хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что актуализирует проблему их уголовно-правовой регламентации и разграничения смежных составов преступлений. Исследование основано на формально-юридическом, сравнительно-правовом и системном анализе норм уголовного законодательства России, регулирующих ответственность за дистанционные хищения, а также на изучении материалов правоприменительной практики по делам о посягательствах, совершенных с использованием электронных средств платежа и компьютерной информации. Отмечено, что статьи 158, 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации в совокупности формируют разветвленную, но внутренне противоречивую систему уголовно-правовых запретов дистанционных хищений, характеризующуюся пересечением сфер действия и недостаточной определенностью критериев разграничения кражи, мошенничества с использованием электронных средств платежа и мошенничества в сфере компьютерной информации. Обосновывается необходимость уточнения диспозиций указанных норм, в том числе путем более четкого отражения дистанционного способа совершения посягательства, конкретизации признаков, выделяющих мошенничество с использованием электронных средств платежа и мошенничество в сфере компьютерной информации, а также потребность в систематизации специальных составов с учетом международных тенденций регулирования киберпреступности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; дистанционные хищения; кража с банковского счета; мошенничество; электронные средства платежа; компьютерная информация; квалификация преступлений; правоприменительная практика; конкуренция уголовно-правовых норм; цифровая преступность

Для цитирования: Пивнева Л.В. Уголовно-правовое регулирование дистанционных хищений в России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 58–63.

Abstract: in the context of the digitalization of the economy and the spread of remote financial services, the share of stealings committed using information and telecommunication technologies is significantly increasing, which highlights the need for criminal law regulation and differentiation of related crimes. The study is based on a formal legal, comparative legal, and systemic analysis of the norms of Russian criminal law governing liability for remote thefts, as well as on the examination of legal practice materials on cases involving offenses committed using electronic means of payment and computer information. It has been noted that Articles 158, 159.3, and 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation together form an extensive but internally contradictory system of criminal prohibitions against remote thefts, characterized by overlapping areas of application and insufficient clarity in distinguishing between theft, fraud using electronic means of payment, and computer information fraud. The paper substantiates the need to clarify the dispositions of these norms, including by more clearly reflecting the remote method of committing an offense, specifying the features that distinguish fraud using electronic means of payment and computer information fraud, as well as the need to systematize special compositions taking into account international trends in regulating cybercrime.

Keywords: criminal liability; remote stealing; bank account theft; fraud; electronic payment instruments; computer information; crime qualification; law enforcement practice; competition of criminal law norms; cybercrime

For citation: Pivneva L.V. Criminal law regulation of remote stealing in Russia // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 58–63.

Цифровизация финансового оборота, повсеместное распространение дистанционного банковского обслуживания, мобильных приложений, маркетплейсов и иных электронных сервисов обусловили качественное изменение способов посягательств на имущество. Хищение все чаще совершается без непосредственного контакта виновного с потерпевшим и без физического изъятия вещи: преступный результат достигается посредством использования реквизитов банковских карт, учетных данных, одноразовых кодов подтверждения, удаленного доступа к личным кабинетам и иных цифровых инструментов. В результате для правоприменителя существенное значение приобретает не только факт незаконного завладения чужими денежными средствами, но и точное установление способа посягательства, поскольку именно он определяет границы между кражей, различными видами мошенничества и преступлениями в сфере компьютерной информации [1; 2].

Актуальность темы обусловлена тем, что действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ не содержит единого состава преступления «дистанционное хищение». Противодействие таким посягательствам строится через сочетание нескольких норм, прежде всего п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3 и 159.6 УК РФ. При этом решающим является корректное определение непосредственного способа совершения деяния: тайного списания денежных средств, обмана или злоупотребления доверием с использованием электронного средства платежа либо неправомерного воздействия на компьютерную информацию. Именно на этом уровне и возникает основная масса квалификационных трудностей.

Целью статьи автор определяет выявление и научное обоснование критериев разграничения указанных составов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить место норм о дистанционных хищениях в системе преступлений против собственности; показать пределы применения ст. 159.6 УК РФ и ее соотношение с нормами гл. 28 УК РФ; раскрыть значение разъяснений Верховного Суда Российской Федерации для квалификации хищений безналичных денежных средств; сформулировать предложения по уточнению действующего уголовного закона. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Эмпирическую базу образуют положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48², Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021)³, а также конкретные кассационные судебные акты, в которых разрешались вопросы разграничения кражи с банковского счета, мошенничества с использованием электронных средств платежа и мошенничества в сфере компьютерной информации.

Научная новизна статьи состоит в том, что дистанционные хищения рассматриваются не как условно единая криминальная категория, а как совокупность деяний, требующих разграничения по непосредственному способу причинения имущественного ущерба: тайному изъятию безналичных денежных средств, обманному использованию электронных средств платежа либо неправомерному воздействию на компьютерную информацию. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении места соответствующих составов в системе преступлений против собственности и в определении пределов обращения к нормам гл. 28 УК РФ. Практическая значимость исследования выражается в возможности использования предложенных критериев при квалификации дистанционных посягательств на стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного рассмотрения, когда ошибка в определении способа совершения деяния способна повлечь неправильное вменение уголовно-правовой нормы [3; 4].

Прежде всего следует отметить, что дистанционные хищения регулируются в российском уголовном праве главным образом нормами гл. 21 УК РФ, посвященной преступлениям против собственности. Именно в ее рамках законодатель описывает основные формы изъятия чужого имущества и приобретения права на него. Нормы гл. 28 УК РФ не образуют самостоятельного общего массива регулирования дистанционных хищений, а выполняют иную функцию: они обеспечивают уголовно-правовую охрану компьютерной информации и порядка функционирования информационных систем. Поэтому обращение к ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ возможно не автоматически при любом цифровом способе посягательства, а только тогда, когда содеянное содержит самостоятельные признаки соответствующих преступлений в сфере компьютерной информа-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20.02.2026 № 38-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 09.04.2026).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-3-2021/> (дата обращения: 09.04.2026).

ции. Такой вывод непосредственно вытекает из п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48, в котором разъяснено, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации либо посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ.

Пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ закрепляет ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, при отсутствии признаков преступления по ст. 159.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Как и всякая разновидность мошенничества, данный состав предполагает обязательное наличие обмана или злоупотребления доверием как непосредственного способа хищения. Использование электронного средства платежа выступает здесь не самостоятельной заменой обмана, а дополнительным конструктивным признаком специального состава. Иначе говоря, для применения ст. 159.3 УК РФ недостаточно установить, что преступник действовал через мобильное приложение, интернет-банк или банковскую карту, необходимо доказать, что именно посредством обмана либо злоупотребления доверием он добился перечисления денежных средств либо получил возможность ими распорядиться [5; 6]. Отсюда вытекает важное практическое следствие: если денежные средства списываются тайно, без волеизъявления потерпевшего и без такого обманного воздействия, квалификация должна смещаться в сторону п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, даже если виновный использовал цифровую платежную инфраструктуру.

Статья 159.6 УК РФ образует специальный состав мошенничества в сфере компьютерной информации. В ее диспозиции законодатель сосредоточился не на использовании электронного средства платежа как такового, а на способе воздействия на компьютерную информацию: вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо ином вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Следовательно, ключевым разграничительным признаком ст. 159.6 УК РФ выступает не цифровая среда в целом, а именно незаконное воздействие на информационные процессы, обусловившее имущественный результат. Если же деяние дополнительно связано с неправомерным доступом к компьютерной информации или использованием вредоносного программного обеспечения,

квалификация по ст. 159.6 УК РФ не исключает, а предполагает совокупность со статьями гл. 28 УК РФ [7].

Важное значение для выработки единообразных подходов к квалификации дистанционных хищений имеет судебная практика. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) приведена правовая позиция, согласно которой использование чужой банковской карты без согласия владельца и без введения потерпевшего в заблуждение образует не мошенничество, а кражу с банковского счета. Тем самым Верховный Суд Российской Федерации фактически исходит из того, что само по себе обращение к электронному средству платежа еще не предопределяет квалификацию по ст. 159.3 УК РФ, решающее значение сохраняет непосредственный способ изъятия имущества.

Показательным является кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2023 г. № 77-2863/2023, в котором В.А. Ильин был признан осужденным за кражу с банковского счета при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Приведенный судебный акт подтверждает практическую значимость критерия тайного списания денежных средств помимо действительной воли потерпевшего: при такой модели посягательства квалификация по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ представляется приоритетной⁴.

Иной подход демонстрируют дела, в которых преступный результат достигается посредством психического воздействия на потерпевшего и использования электронного средства платежа как инструмента реализации обмана. Так, в кассационном определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2023 г. № 77-5323/2023 суд рассматривал обвинение по ст. 159.3 УК РФ как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Этот пример показывает, что для квалификации по ст. 159.3 УК РФ существенным является не технический канал распоряжения денежными средствами, а наличие обмана либо злоупотребления доверием как непосредственного способа их изъятия⁵.

Наконец, специфику ст. 159.6 УК РФ иллюстрирует кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 сентября 2024 г. № 77-3046/2024, где предметом проверки выступало осуждение по ч. 4 ст. 159.6 УК РФ

⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.06.2023 № 77-2863/2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://internet.garant.ru/services/arbitr/link/334867101.0> (дата обращения: 09.04.2026).

⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 № 77-5323/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 09.04.2026).

по эпизоду хищения денежных средств в сумме 4 001 000 руб. Значение данного судебного акта состоит в том, что суд рассматривал хищение именно сквозь призму неправомерного воздействия на компьютерную информацию и функционирование информационных систем, а не только через факт последующего списания денежных средств. Следовательно, граница между ст. 158, 159.3 и 159.6 УК РФ должна проводиться по непосредственному механизму достижения имущественного результата⁶.

Системное сопоставление названных составов позволяет сформулировать три базовых критерия их разграничения. Во-первых, если виновный тайно изымает денежные средства с банковского счета либо обращает в свою пользу электронные денежные средства без непосредственного обмана как способа хищения, содеянное образует кражу по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Во-вторых, если преступный результат достигается посредством обмана или злоупотребления доверием с использованием электронного средства платежа, применяется ст. 159.3 УК РФ. В-третьих, если изъятие имущества становится возможным благодаря вводу, удалению, блокированию, модификации компьютерной информации либо иному вмешательству в работу информационной системы, приоритет получает ст. 159.6 УК РФ, а при наличии самостоятельных признаков посяательства на компьютерную информацию – также нормы гл. 28 УК РФ. Такая логика является наиболее соответствующей принципу законности и требованию правовой определенности [3; 4].

В целях обеспечения единообразия правоприменительной практики представляется возможным предложить следующий алгоритм квалификации дистанционных хищений. На первоначальном этапе необходимо установить, имело ли место непосредственное взаимодействие виновного с потерпевшим и оказывалось ли на последнего психическое воздействие в форме обмана или злоупотребления доверием. При наличии таких признаков приоритет имеет квалификация по нормам о мошенничестве. При их отсутствии следует определить, происходило ли неправомерное воздействие на компьютерную информацию либо функционирование информационной системы. В случае установления такого воздействия применяется ст. 159.6 УК РФ с возможной дополнительной квалификацией по нормам гл. 28 УК РФ. Если же изъятие денежных средств осуществлено тайно, без участия потер-

певшего и без вмешательства в информационные процессы, содеянное квалифицируется как кража с банковского счета [4].

В правоприменительной деятельности особую сложность представляют пограничные ситуации, при которых элементы различных способов хищения сочетаются в рамках одного деяния. К их числу относятся случаи получения доступа к мобильному банковскому приложению посредством социальной инженерии с последующим самостоятельным переводом денежных средств виновным. В подобных ситуациях возникает вопрос о том, следует ли рассматривать обман как способ хищения либо лишь как способ получения доступа к техническому инструменту. Представляется, что решающее значение должно придаваться тому, направлено ли введение в заблуждение непосредственно на передачу имущества либо оно лишь создает условия для последующего тайного изъятия денежных средств. В первом случае более обоснованной является квалификация правонарушения как мошенничества, во втором – как кражи с банковского счета [4; 5; 6].

Существенное значение для правильной квалификации имеет и разграничение не только по объективным признакам деяния, но и по характеру участия потерпевшего в механизме списания денежных средств. Если воля потерпевшего формируется под воздействием ложных сведений, сообщенных виновным, либо вследствие созданной им обстановки доверия, правовая оценка должна строиться через признаки мошенничества. Напротив, когда потерпевший не совершает осознанных действий по передаче имущества, а денежные средства списываются помимо его действительной воли, более обоснованной является квалификация как кражи с банковского счета. В случаях же, когда имущественный результат становится следствием вмешательства в процессы обработки, передачи или хранения компьютерной информации, решающим становится уже не психологическое воздействие на потерпевшего, а информационно-технический способ совершения деяния, что приоритетными делает признаки ст. 159.6 УК РФ [4; 7; 8].

В научной литературе справедливо указывается на то, что основная проблема современного регулирования заключается не столько в отсутствии уголовно-правовых запретов, сколько в недостаточной ясности критериев выбора между ними. При внешней близости фактических обстоятельств хищение с использованием чужой банковской карты, получение доступа к мобильному банку по известному преступнику коду и вмешательство в автоматизированную систему

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2024 № 77-3046/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 09.04.2026).

банка нередко оцениваются следствием и судами по-разному, что влияет не только на юридическую квалификацию, но и на объем обвинения, пределы доказывания, санкцию и вопрос о совокупности преступлений [5; 6; 9; 10]. В этом смысле дистанционные хищения являются показательным примером того, как быстрые технологические изменения опережают традиционные правовые конструкции [4; 7; 8].

Сравнительно-правовой материал подтверждает, что более устойчивой оказывается та модель регулирования, в которой граница между обманом человека и манипулированием данными проведена последовательно. Так, британский Fraud Act 2006 строится вокруг общего состава fraud и его разновидностей, включая fraud by false representation⁷. В германском уголовном праве наряду с общим составом мошенничества (§ 263 StGB) действует специальный состав компьютерного мошенничества (§ 263a StGB), ориентированный именно на неправомерное воздействие на процесс обработки данных⁸. Для российского права данный опыт важен не как образец прямого заимствования, а как подтверждение необходимости более четкого нормативного разграничения обманных и информационно-технических способов хищения.

Отдельно следует отметить, что единообразие квалификации дистанционных хищений имеет значение не только для правильного применения уголовного закона, но и для обеспечения правовой определенности в более широком смысле. Различное толкование сходных по фактическим обстоятельствам деяний затрудняет формирование устойчивой судебной практики, осложняет прогнозируемость правовых последствий и снижает превентивный потенциал уголовного закона. В условиях постоянного обновления цифровых способов совершения имущественных посягательств особую роль приобретает не механическое расширение числа специальных составов, а выработка устойчивых критериев, позволяющих соотносить новые преступные схемы с уже существующими уголовно-правовыми конструкциями. Именно такой подход в наибольшей степени отвечает требованиям законности, справедливости и единообразия правоприменения [1; 2; 4].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в действующей системе уголов-

но-правовых запретов дистанционные хищения охватываются преимущественно статьями гл. 21 УК РФ, тогда как нормы гл. 28 УК РФ играют вспомогательную, но не второстепенную роль, обеспечивая дополнительную квалификацию при наличии самостоятельного посягательства на компьютерную информацию. Судебная практика подтверждает, что наибольшие трудности возникают при оценке смешанных способов посягательства, в которых обман, использование электронного средства платежа и техническое вмешательство в информационные процессы последовательно образуют единый преступный механизм. С учетом этого целесообразно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Во-первых, в разъяснениях по применению п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ следует прямо закрепить, что эта норма охватывает тайное дистанционное списание денежных средств при отсутствии непосредственного обмана как способа изъятия. Во-вторых, по ст. 159.3 УК РФ требуется уточнить, что уголовно-правовое значение использование электронного средства платежа имеет лишь при наличии классических признаков мошенничества – обмана или злоупотребления доверием. В-третьих, для ст. 159.6 УК РФ следует более определенно обозначить, что ее специфика связана именно с неправомерным воздействием на компьютерную информацию или работу информационной системы, а при сочетании такого воздействия с неправомерным доступом либо вредоносным программным обеспечением необходима дополнительная квалификация по нормам гл. 28 УК РФ. В-четвертых, на современном этапе более оправданным представляется не введение нового рамочного состава «киберхищение», а уточнение существующих специальных норм и алгоритма их разграничения. Реализация указанных мер будет способствовать единообразию судебной практики и повышению уровня правовой определенности в сфере противодействия дистанционным хищениям.

Таким образом, совершенствование уголовно-правового регулирования дистанционных хищений должно осуществляться не только посредством уточнения диспозиций отдельных норм, но и через развитие разъяснений высшей судебной инстанции, направленных на формирование единообразной практики. В условиях цифровизации преступности особое значение приобретает доктринальная разработка критериев квалификации, способных адаптироваться к новым способам совершения преступлений без необходимости постоянного изменения уголовного закона.

⁷ Fraud Act 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents> (дата обращения: 08.04.2026).

⁸ Strafgesetzbuch (StGB). §§ 263, 263a. Gazette in Internet [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_263.html; https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_263a.html (дата обращения: 08.04.2026).

Литература

1. **Кабанов П.А.** Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. – 2023. – Т. 10. № 1. – С. 17–28.
2. **Старостенко О.А.** Виктимологическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 267–269.
3. **Кулешова Н.Н., Христофорова Е.И.** Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 14 (26). – С. 41–46.
4. **Филатова М.А.** Разграничение посягательств на безличные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. – 2020. – № 1. – С. 85–92.
5. **Шарафиева Г.И.** Вопросы квалификации хищений с использованием электронных средств платежа в свете изменений, внесенных постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации 29 июня 2021 года // Вестник казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. № 2. – С. 87–91.
6. **Меньшикова А.Г., Кочкурова Е.А.** К вопросу о характеристике предмета мошенничества с использованием электронных средств платежа // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). – С. 73–80.
7. **Коломинов В.В.** Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации / Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: материалы V Международной научно-практической конференции. – Москва, 2014. С. 301–305.
8. **Макаров Р.А.** Хищения с банковских карт, совершенные дистанционно с использованием IP-телефонии (SIP-телефонии) / Преемственность и новации в юридической науке: материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Вып. 17. – Омск, 2021. С. 105–106.
9. **Абитов А.З.** Особенности квалификации краж и мошенничеств, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 42–48.
10. **Тюнин В.И., Чабукяни О.А.** Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения) // Криминалист. – 2023. – № 4 (45). – С. 92–98.

References

1. **Kabanov P.A.** Zhertvy kibermoshennichestva kak odin iz ob'ektov sovremennoi kiberviktimologii: kratkii statisticheskii analiz pokazatelei kriminal'noi viktimmnosti 2021–2022 gg. // Viktimologiya. – 2023. – T. 10. № 1. – S. 17–28.
2. **Starostenko O.A.** Viktimologicheskaya kharakteristika moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2020. – № 5. – S. 267–269.
3. **Kuleshova N.N., Khristoforova E.I.** Osobennosti kvalifikatsii moshennichestva v sfere komp'yuterno informatsii // Voprosy nauki i obrazovaniya. – 2018. – № 14 (26). – S. 41–46.
4. **Filatova M.A.** Razgranichenie posyagatel'stv na beznalichnye denezhnye sredstva po formam khishcheniya // Uголовное право. – 2020. – № 1. – S. 85–92.
5. **Sharafieva G.I.** Voprosy kvalifikatsii khishchenii s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platizha v svete izmenenii, vnesennykh postanovleniem Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 29 iyunya 2021 goda // Vestnik kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – T. 13. № 2. – S. 87–91.
6. **Men'shikova A.G., Kochkurova E.A.** K voprosu o kharakteristike predmeta moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platizha // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2023. – № 2 (37). – S. 73–80.
7. **Kolominov V.V.** Ustanovlenie mesta soversheniya prestupleniya v protsesse rassledovaniya moshennichestva v sfere komp'yuterno informatsii / Problemy i perspektivy sovremennykh humanitarnykh, ekonomicheskikh i pravovykh issledovani: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva, 2014. S. 301–305.
8. **Makarov R.A.** Khishcheniya s bankovskikh kart, sovershennye distantsionno s ispol'zovaniem IP-telefonii (SIP-telefonii) / Preemstvennost' i novatsii v yuridicheskoi nauke: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii ad'yunktov, aspirantov i soiskatelei. Vyp. 17. – Omsk, 2021. S. 105–106.
9. **Abitov A.Z.** Osobennosti kvalifikatsii krazh i moshennichestv, sovershaemykh v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 1. – S. 42–48.
10. **Tyunin V.I., Chabukiani O.A.** Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platizha (voprosy pravoprimeneniya) // Kriminalist". – 2023. – № 4 (45). – S. 92–98.

(статья сдана в редакцию 04.03.2026)

**Концептуально-правовые основы интегративной формы
воспитания в России**

**The conceptual and legal foundations of the integrative
form of education in Russia**

УДК 342.7

К.В. Билык,

аспирант

(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Россия, Белгород)
1890686@bsuedu.ru

Kirill V. Bilyk,

Postgraduate

(Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia)

Аннотация: актуальность тематики обусловлена усилением роли воспитания как стратегического приоритета государственной политики в Российской Федерации, закрепленного в таких документах, как Стратегия развития воспитания в России до 2025 года и национальные проекты в сфере образования. Несмотря на декларативное признание воспитания неотъемлемой частью образовательного процесса, в юридической науке и практике сохраняется неопределенность в понимании его правовой природы, механизмов институционализации и взаимосвязи с обучением. Особую значимость приобретает анализ воспитания в его интегративной форме, когда оно не противопоставляется обучению, а выступает с ним как единый целенаправленный процесс, формализованный на конституционно-правовом уровне. С учетом сказанного целью статьи является выявление и систематизация концептуально-правовых оснований интегративной формы воспитания в российском правовом пространстве. В результате установлено, что интегративная форма воспитания имеет прочную конституционно-правовую базу, однако требует дальнейшего правового оформления в виде специализированного законодательства и разработки механизмов реализации на всех уровнях образовательной системы. Сделанные автором выводы вносят вклад в конституционную теорию прав личности, аргументируя необходимость перехода от разобщенного понимания воспитания и обучения к их системной юридической интеграции.

Ключевые слова: воспитание; обучение; интегративная форма; образовательный процесс; ценности; государственная политика; концепция

Для цитирования: Билык К.В. Концептуально-правовые основы интегративной формы воспитания в России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 64–72.

Abstract: the relevance of the topic is due to the strengthening of the role of education as a strategic priority of state policy in the Russian Federation, enshrined in such documents as the Strategy for the Development of Education in Russia until 2025 and national projects in the field of education. Despite the declarative recognition of education as an integral part of the educational process, legal science and practice remain uncertain in understanding its legal nature, mechanisms of institutionalization and relationship with learning. Of particular importance is the analysis of education in its integrative form, when it is not opposed to learning, but acts with it as a single purposeful process formalized at the constitutional and legal level. With that said, the purpose of the article is to identify and systematize the conceptual and legal foundations of the integrative form of education in the Russian legal space. As a result, it has been established that the integrative form of education has a solid constitutional and legal basis, but requires further legal formalization in the form of specialized legislation and the development of implementation mechanisms at all levels of the educational system. The author's conclusions contribute to the constitutional theory of individual rights, arguing for the need to move from a disjointed understanding of upbringing and education to their systemic legal integration.

Keywords: education; training; integrative form; educational process; values; public policy; concept

For citation: Bilyk K.V. The conceptual and legal foundations of the integrative form of education in Russia // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 64–72.

В современном обществе и государстве воспитание – разноаспектная категория и многоэтапный непрерывный процесс, в совокупности форм проявления претендующий на признание его институциональной (социально-правовой) природы, конституционно опосредованной и обусловленной включенностью воспитательной составляющей в широкий спектр общественных отношений как связующего социального элемента, в ряд комплексных правовых институтов как содержательного аспекта правовых норм. Комплексный характер и конкретно юридическое значение воспитания как института явственно прослеживается в нормативных правовых и доктринальных источниках. Однако следует констатировать отсутствие системности в правовой регламентации, сопутствующем организационно-правовом обеспечении воспитания личности и, как следствие, недостижение стратегических конституционно детерминированных и производных от них целей и задач, плановых результатов реализации воспитательного процесса.

С целью предметного исследования воспитания личности и выработки практических предложений по его институционализации, как и правовому обеспечению в аспекте системной реализации, в качестве конструктивной основы определены именно конституционно детерминированные формы воспитания. Одной из них, наиболее емкой по содержанию и приоритетной по значению, выступает интегративная форма. Фактически она опосредует иные формы, так как аккумулируется в сфере образования, где преимущественно происходит становление личности, причем в сопряжении с различными общественными отношениями, прямо или косвенно соотносимыми с образовательными.

Базовыми нормативными основаниями для выделения интегративной формы воспитания выступают положения ст. 26, п. «е» ст. 71, п. «е» ч. 1 ст. 72 и др. Конституции Российской Федерации, согласно которым воспитание коррелирует с образованием (в том числе обучением)¹. Более развернуто и конкретно заявленный тезис подтверждается нормами ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», включая предметное содержание официальных определений указанных понятий: «...1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных

объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов; 2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде...»². Непосредственная взаимосвязь воспитания и обучения, интегрированных друг в друга и аккумулированных преимущественно в системе образования, также постулируется в перечне основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования в части единства «обучения и воспитания, образовательного пространства на территории Российской Федерации...»³ (ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Причем указанные положения закона не только нормативно подтверждают неразрывность воспитания и обучения, но и акцентируют внимание на аксиологической основе их процесса, в том числе традиционных российских ценностях. В этом юридическом звучании интегративная форма воспитания воспринимается российской правовой системой как устойчивая конструкция, что выражается в ее использовании во множестве иных нормативных правовых актов⁴, регулирующих как

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; 2025. – № 31. – Ст. 4695.

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; 2025. – № 31. – Ст. 4695.

⁴ См., например: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16; 2024. – № 48. – Ст. 7212; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; 2025. – № 31. – Ст. 4656; Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 01.04.2022) //

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; 2020. – 4 июля.

образовательные отношения, так и иные, прямо или косвенно с ними взаимосвязанные.

Приоритетный характер и значимость интегративной формы воспитания находит свое подтверждение и в источниках научной литературы, как современной, так и более ранней, в том числе изданной до принятия действующего Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Так, представляется все еще актуальной позиция В.Е. Егорова, согласно которой «становлению правового государства, преодолению кризисных процессов в развитии России, ее возрождению на основе традиций отечественной духовности, нравственности, государственности... способствует правильно организованное гражданское образование, которое включает в себя обучение и воспитание в их неразрывном единстве и представляет собой процесс овладения правилами и нормами общепринятых отношений между индивидом и обществом» [1]. При этом под гражданским образованием автор понимает образовательную, воспитательную, управленческую и иные виды деятельности, «направленные на формирование гражданина, способного, умеющего и желающего жить в гражданском обществе и правовом государстве» [1]. Из совокупного толкования данной позиции можно заключить, что воспитание выступает не только составным элементом образования в интегративной форме, но и приобретает самостоятельное значение как вид деятельности (в системе с иными, включая образовательную), необходимый для достижения тех целей и задач, которые прямо следуют из основ конституционного строя России и производных конституционных установок, в том числе построения правового государства.

В свою очередь, Г.А. Лашевич, характеризуя образование, понимает его как систему воспитания и обучения личности, «процесс формирования ума, характера и физических способностей человека» [2]. Также подчеркивается, что образование и как система, и как процесс урегулировано правовыми нормами, причем источники их закрепления представлены на всех уровнях – от федерального до локального (образовательной организации). Соответственно, исходя из констатируемого паритетного положения в системе образования и обучения, и воспитания, полагаем, вопросы последнего должны регулироваться полноценно и равновесно с первым.

При этом в правовой доктрине обнаруживается и более узкий подход к интерпретации воспитания

(в его интегративной форме). А.А. Кирилловых отмечает, что «...признание законодателем образования как процесса, объединяющего две его самостоятельные, но достаточно тесно переплетаемые стороны – воспитание и обучение, является одним из важных «завоеваний» отечественного образовательного права, сконцентрированного на уровне нормативной категории» [3]. В свою очередь, современные авторы даже выделяют и признают авангардную роль воспитания в образовании. Так, О.Н. Петюкова пишет: «Именно воспитательная составляющая является сердцевинкой всего образовательного процесса, ведь в ходе воспитания формируются мировоззренческий фундамент, ценностная основа личности» [4, с. 159].

Рассуждая о соотношении норм права и морали в аспекте регулирования образовательных отношений, А.Н. Козырин и Т.Н. Трошкина контекстно (но обоснованно) констатируют, что «...само образование представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения. В процессе воспитания, направленного на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения, нормы морали оказываются максимально востребованными. Без применения норм морали невозможно также реализация в полной мере одного из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования...» [5]. При этом авторы подчеркивают: «Граница между правовыми нормами и иными социальными нормами очень подвижна. Нормы морали, обычаи, корпоративные правила, получающие поддержку и одобрение государства (санкционируемые государством), становятся правовыми нормами» [5]. Отсюда в том числе следует, что регулирование процесса воспитания как неотъемлемого элемента системы образования нуждается в последовательности и алгоритмичности наряду с обучением.

Примечательно, что еще в период разработки и принятия действующего Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» С.В. Нарутто аргументированно указывала: «...Эффективное правовое регулирование сферы образования признается одним из важных факторов обеспечения поступательного развития Российского государства. ...Образование, будучи одним из основных социальных институтов, удовлетворяет потребности общества в сохранении и передаче от поколения к поколению системы научных знаний и социальных норм, в создании необходимых условий для социализации личности: ее обучения, воспитания и развития. В силу этого образование находится в сфере первоочередных

Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2965; 2022. – № 14. – Ст. 2202; Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 14. – Ст. 1650; 2024. – № 53 (ч. I). – Ст. 8495 и др.

государственных интересов. ...Образование через культурно-воспитательную функцию влияет на духовную жизнь общества» [6]. При этом автор констатировала отсутствие у актуального на тот момент законодательства об образовании системности, несогласованность федерального законодательства и предметных нормативных правовых актов субъектов России, наличие внутренних противоречий и пробелов. Примечательна и характеристика образовательных норм как ретроспективных, отражающих «отношения, уже возникшие и действующие... Подзаконные нормативные акты принимаются преимущественно не для будущих отношений, а под конкретную уже возникшую ситуацию и поэтому изначально обречены на коллизии, несогласованность в рамках системы образовательных нормативных актов» [6]. Представляется, что большинство из рассмотренных негативных проявлений не устранено до настоящего времени. На это указывает и трудно поддающееся учету количество подзаконных актов в сфере образования, и чрезмерная увлеченность профильных министерств и ведомств методическими рекомендациями (вместо системной работы по разработке и совершенствованию конкретно регулятивных нормативных правовых актов, позволивших бы единообразно толковать их положения и оптимально унифицировать практику реализации). Соответственно, как представляется, не утратила актуальности и ориентирующая субъектов правотворчества позиция С.В. Нарутто: «Законодательство в сфере образования должно развиваться в направлении логической законченности, непротиворечивости и целостности, в нем следует отражать оптимальные условия для стабильности и формализованности, четкости и ясности, иерархичности и внутренней согласованности» [6]. Поддерживая данный тезис, считаем обоснованным далее акцентировать внимание на контекстно приоритетном направлении регулирования отношений в сфере воспитания – их системной формализации.

Подводя предварительные итоги рассмотрения концептуально-правовых основ интегративной формы воспитания, можно сделать ряд переходных констатирующих выводов. Так, специфика указанной формы проявляется в том, что в нормативных правовых актах и юридической литературе, как правило, воспитание не рассматривается категорией, равноценной обучению: вопросы воспитания преимущественно трактуются в контексте, вторично. И если с позиции принципа единства процесса обучения и воспитания эта неравноценность несколько сглаживается, то в части нормативного правового регулирования, не уделяющего воспитанию должного внимания как относительно самостоятельному институту, реализация консти-

туционно опосредованных ценностных установок воспитания видится практически недостижимой. Подтверждает заявленный тезис, в частности, отсутствие единого (и доктринального, и нормативного) подхода к интерпретации воспитания как элемента системы образования или значительно шире, как относительно самостоятельной системы; только как процесса или как комплексного правового института, включающего и материальную, и процессуальную составляющую. Негативно влияет на решение данных вопросов и практически отсутствие в юридической литературе результатов исследований, предметом которых выступает именно воспитание (без ассоциирования с обучением, отдельными направлениями воспитательной деятельности и пр.). Деструктивной видится и сложившаяся ситуация в области нормативной правовой регламентации воспитания и обучения. В частности, анализ положений базового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» демонстрирует, что вопросам обучения посвящено несоизмеримо больше правовых норм, нежели вопросам воспитания, причем проявляется это уже в определениях ряда основных «образовательных» понятий. К примеру, в структурно-композиционном определении образовательной программы, учитывающем в том числе последние конституционные изменения, воспитательный компонент представлен в явном меньшинстве; в основу конструкции определения видов образования положены признаки именно обучения (пп. 9, 11–14 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») и др. Данные выводы находят контекстное подтверждение и в современной научной литературе, где в том числе констатируется «...бессистемный характер правового регулирования воспитания... отсутствие четкого правового механизма реализации разрозненных норм права и несформированность единой образной практики их применения» [4, с. 160].

Таким образом, изложенные аргументы позволяют говорить о необходимости выработки новой системно-концептуальной основы воспитания личности с опорой на интеграционную форму последнего (как приоритетную) и формализационный подход, призванный не только выступить альтернативой уже используемому на практике, но и унифицировать праворегулятивный сегмент воспитания (в допустимых пределах и с усилением организационно-контрольной роли государства в лице уполномоченных и (или) функционально обеспечивающих субъектов). В этой связи, не поддерживая, но учитывая сложившуюся ситуацию с юридической формализацией воспитательной деятельности, предлагаем начать правовое институирование воспитания с концептуальной структуры его системы в сфере образования.

Основу заявленной системы, исходя из предельных конституционных установлений, закономерно должны составлять традиционные ценности – «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁵, в настоящее время прямо закрепленные (перечнем) в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»⁶. В ориентирующем и предметно аккумулирующем аспекте данные ценности могут выступать как единично, так и во взаимосвязанной группе. При этом при решении данного вопроса (о группировке или комплексном подходе при последующей организационно-правовой регламентации) представляется оптимальным учитывать конституционно закрепленные и производные от них национальные цели и приоритеты. Однако указанные конституционные ориентиры все же должны сохранять по отношению к традиционным ценностям субсидиарный характер. В частности, если обратить внимание на актуальный (официальный) перечень заявленных целей, то можно заметить использование узкого подхода к интерпретации направленности воспитания, закрепленной непосредственно: «...воспитание патриотичной и социально ответственной личности»⁷. Попытка нивели-

ровать буквальное толкование данного положения предпринято в рамках национального проекта «Молодежь и дети», где выделен федеральный проект «Мы вместе (воспитание гармонично развитой личности)»⁸. Но прямое посвящение проблеме воспитания личности только одного проекта видится явно недостаточным, особенно учитывая отсутствие официального толкования задействованной в наименовании последней категории. Соответственно, системное правовое обеспечение разностороннего воспитания требует все же акцентуации на ценностных, а не целевых основах.

Между тем в качестве основного функционального воспитательного конструкта предлагается использовать отдельные мероприятия и проекты (комплекс мероприятий), которые должны быть непосредственно реализованы ответственными субъектами воспитания, задействованными в сфере воспитания: образовательными организациями (приоритетно профильными структурными подразделениями и должностными лицами администрации, субсидиарно педагогическими работниками, воспитателями, обучающимися), родителями или законными представителями обучающихся, профильными общественными объединениями (при нормативном закреплении за ними такой функции). При этом каждое воспитательное мероприятие или проект должны быть конкретно направлены на формирование системного восприятия, закрепление и (или) упрочение одной или нескольких взаимосвязанных традиционных ценностей, а также выработку к ним уважительного отношения. Причем от архаичного выделения, как и нормативного закрепления общих направлений воспитательной деятельности (видов воспитания) с целью группировки производных установок, предлагается отказаться, так как выраженной эффективности от их использования и в планировании, и в реализации воспитательного процесса не выявлено: официального определения или унифицированного содержательного наполнения данных категорий, как и дифференцированных качественных показателей оценивания их сформированности в части достижения результата, фактически не обнаружено.

Разработка, планирование, организация и реализация мероприятий и проектов (воспитательного продукта) должны быть дифференцированы приоритетно по уровням образования (в дополнение в перспективе – по его видам), причем для каждого последующего уровня следует обеспечить преемственность в восприятии и упрочении каждой традиционной ценности. Последняя зада-

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

⁸ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством Российской Федерации) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

ча может быть решена посредством разработки и утверждения паспорта воспитательной деятельности с учетом потенциальной вариативности освоения каждым человеком тех или иных уровней (в перспективе и видов) образования, их сочетания, контекстной (воспитательной) замещаемости и взаимодополняемости. Если образование и, соответственно, воспитание осуществляются вне типичных образовательных форм (например, в случаях семейного образования, в том числе домашнего обучения, получения образования в режимных учреждениях и др.), то паспорт будет выступать общеметодической основой с ориентиром на типичный период (этап) становления и развития личности, соотносимый с получением образования в ординарных условиях. В указанном паспорте должны быть содержательно отражены цели, задачи, уровневые аспекты (отдельные составляющие) и пр. для каждой ценности, на которых следует акцентировать внимание на соответствующем этапе воспитательного процесса (обобщенный программно-плановый результат последнего). Такой документ позволит разработчикам конкретного воспитательного продукта не выходить за рамки соответствующего уровня (и вида) образования, то есть рационально соотносить целевые установки с периодом становления (взросления) и развития личности, в том числе ставить реальные производные цели и задачи, использовать соотносимый воспитательный контент и инструментарий.

В свою очередь, для каждого уровня образования (периода жизнедеятельности, формирования и развития личности) воспитательный продукт должен также носить дифференцированный характер: мероприятия (проекты) подразделяются на основные и дополнительные с последующей градацией на ценностно-целевые, комплексные, специальные (адаптированные). Ценностно-целевые продукты ориентируют на воспитание личности в духе отдельной или нескольких взаимосвязанных традиционных ценностей. Комплексные – на воспитание личности в разрезе аккумулятивного ценностного конструкта, производного от основополагающих конституционных установок и сопряженных ценностей, уже сложившегося в восприятии и устоявшегося в позитивно-ценностном ключе в обществе и государстве в целом. Как правило, такой конструкт является предметом или составляющей отдельного направления государственной политики (например, культурное воспитание, правовое воспитание, экологическое воспитание и др.). Под специальными (адаптированными) воспитательными продуктами здесь понимаются мероприятия (проекты), производные от ценностно-целевых и комплексных их категорий и альтернативные им, адресованные обучающимся и иным категориям лиц со специальным статусом, для которых использование унифи-

цированного подхода к планированию, организации и реализации воспитательного продукта нецелесообразно или не представляется возможным (например, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, лица с инвалидностью, получающие семейное образование, лица, содержащиеся в местах лишения свободы, и др.).

Каждый воспитательный продукт должен предвzаряться и уже на стадии планирования отражать в своем содержании воспитательный концепт: цель, ориентирующую на традиционную ценность или их совокупность; задачи реализации, в том числе уточняющие и дополняющие предметный аспект ценности (ценностей); содержательную характеристику; адресатов (их категория, при наличии – особенности); алгоритм реализации; описание конкретного результата (взаимосвязанных результатов), возможно поэтапное; показатели и критерии оценивания результативности реализации продукта, приоритетно качественные, а не количественные; инструменты оценивания (предпочтительно в формате обратной связи от адресата, в том числе, к примеру, тестирование, анкетирование, опрос, собеседование и пр.); ответственных субъектов дифференцированно за разработку, планирование, организацию, реализацию, оценку, текущий и (или) резольютивный государственный контроль. Представляется, что для категории основных продуктов такая детализация является оправданной и должна быть обязательной. Для дополнительных концепт может быть упрощен в зависимости от трудоемкости и характера мероприятий (проектов), в том числе для разовых и (или) инициативных (внеплановых) мероприятий. Следует уточнить, что в качестве адресатов, ответственных за разработку, планирование и организационно-правовое обеспечение воспитательных продуктов категории «основные», предполагаются профильные министерства; категории «дополнительные» – образовательные организации (режимные учреждения), общественные объединения, субсидиарно семья (родители или законные представители). Функция государственного контроля за фактической реализацией и (или) результативностью воспитательной деятельности системно и (или) в рамках отдельных воспитательных продуктов должна быть адресована органам публичной власти (предметно в том числе подведомственным учреждениям) и их должностным лицам. Учитывая современную ситуацию с эффективностью воспитательного процесса, которую объективно можно оценить достаточно критично, рациональная централизация воспитательного процесса, с обязательным включением государственно-контрольного компонента, видится обоснованной и даже необходимой. В свою очередь, итоговый перечень мероприятий (проектов) дол-

жен быть не только комплексным, но и предметно дифференцированным, чтобы можно было разрабатывать и количественные, и качественные показатели, а также критерии оценки (контроля) результативности процесса воспитания на разных этапах формирования и развития личности, в частности того формата, который предусматривают стратегические и программно-плановые документы.

Следует дополнить, что при разработке перечня основных и дополнительных мероприятий необходимо учитывать их трудоемкость и времязатратность, в том числе период фактической реализации, особенно в части непосредственного участия адресатов. Причем данный показатель должен учитываться и при планировании работы ответственных организаторов (исполнителей), и, что особенно важно, при планировании образовательного процесса в отношении обучающихся (воспитанников), чтобы не создавать деструктивной конкуренции между обучением и воспитанием. К примеру, как показывает практика, чрезмерная увлеченность руководства образовательных организаций количественным показателем воспитательных мероприятий не только негативно влияет на их качество, но и в части эффективности приводит к обратным результатам. Нередко у обучающихся превентивно формируется отторжение к такого рода мероприятиям, даже без оценки их содержания (ввиду выраженной чрезмерности, массовости). К сожалению, данная негативная тенденция производна от устоявшихся нормативных и юридико-технических основ, отраженных в планово-программных документах. В частности, в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. в отношении ранее обозначенного федерального проекта однозначно и четко интерпретируется только количественный показатель, в то время как качественный сформулирован обобщенно и на перспективу: «...создание условий для участия детей и молодежи в патриотических проектах и программах через реализацию всероссийских патриотических проектов и акций, вовлечение детей и молодежи в деятельность «Движения Первых» и программы общественно-полезного туризма. Подробнее факторы и инструменты достижения перечислены в пункте 2.3 «Увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75 процентов...»⁹. Соответственно, итого-

вый план воспитательной работы должен учитывать и периоды получения образования, и ресурсоемкость присущих ему процессов, рационально их сочетая и взаимодополняя: допускается, что, к примеру, в месяц будет реализован один воспитательный продукт, но содержательно наполненный и сбалансированный, алгоритмичный и результативный, вызывающий позитивное восприятие и отклик, ожидание пролонгации у адресата.

В свою очередь, наиболее перспективной юридической формой для закрепления предлагаемых концептуальных основ системы воспитания (в сфере образования [7]) видится профильная государственная программа Российской Федерации по направлению «II. Возможности для самореализации и развития талантов»¹⁰, в содержании которой должны найти отражение в том числе воспитательные продукты из категории основных, а также общий порядок (алгоритм) планирования и реализации дополнительных мероприятий (проектов). В частности, как показывает практика, именно такой формат организационно-правового обеспечения достижения национальных целей, реализации ключевых направлений государственной политики позволяет не только должным образом, детализированно структурировать соответствующий процесс¹¹, но и в текущем и резольютивном аспекте реально оценивать его результативность (эффективность), а при необходимости – корректировать отдельные сегменты (в том числе поэтапно) [8].

В подтверждение заявленной позиции следует отметить, что федеральный законодатель под государственной программой Российской Федерации понимает «документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной без-

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.11.2010 № 1950-р «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» (ред. от 14.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 47. – Ст. 6166; 2025. – № 29. – Ст. 4325.

¹¹ См., напр.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (ред. от 24.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (ч. II). – Ст. 375; 2025. – № 30 (ч. III). – Ст. 4597.

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством Российской Федерации) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

опасности Российской Федерации»¹². Целевая установка, как и заявленный инструментарий в данном определении, как представляется, в большей степени коррелируют с изложенной выше концепцией. Последняя в своей основе также имеет конституционно опосредованные национальные цели и приоритеты, но при этом воспитание требует планомерной и системной работы, не предполагающей скорого «визуального эффекта» (что не соотносится, к примеру, с официальным определением «национального проекта»¹³). В свою очередь, к актам, в которых фиксируются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе на федеральном уровне, относятся «...сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Российской Федерации и доклады о реализации планов

деятельности федеральных органов исполнительной власти»¹⁴. Правительством Российской Федерации уже утверждены и реализуются государственные программы, направленность которых прямо соотносится с выделенными в рамках статьи формами воспитания¹⁵. Соответственно, предлагаемый вариант формализации системно-концептуальных основ последнего в их динамическом (процессном) ключе позволит плавно интегрировать рассматриваемый институт в правовую действительность. С учетом изложенного предполагается, что заявленная концепция позволит обеспечить на практике организованность, целенаправленность и системность процесса воспитания.

¹² Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378; 2024. – № 29 (ч. III). – Ст. 4106.

¹³ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378; 2024. – № 29 (ч. III). – Ст. 4106.

¹⁴ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378; 2024. – № 29 (ч. III). – Ст. 4106.

¹⁵ См., например: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2163; 2025. – № 1. – Ст. 15; Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (ред. от 14.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (ч. III). – Ст. 2171; 2025. – № 28. – Ст. 3994 и др.

Литература

1. **Егоров В.Е.** К вопросу о задачах гражданско-правового образования в построении правового государства // Юридический мир. – 2007. – № 4. – С. 54–58.
2. **Лашевич Г.А.** Государственная политика и правовое регулирование целевого обучения // Конкурентное право. – 2024. – № 2. – С. 30–33.
3. **Кирилловых А.А.** Отдельные проблемы юридической техники и содержательной стороны норм Закона «Об образовании в Российской Федерации» // Законодательство и экономика. – 2013. – № 7. – С. 23–28.
4. **Петюкова О.Н.** Форсайт университетского юридического образования и правовой потенциал воспитания молодежи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 12. – С. 154–161.
5. **Козырин А.Н., Трошкина Т.Н.** Нормы образовательного права // Публично-правовые исследования. – 2016. – № 4. – С. 19–57.
6. **Нарутто С.В.** О некоторых проблемах законодательства об образовании и его систематизации // Юридическое образование и наука. – 2012. – № 2. – С. 22–26.
7. **Радаева С.В., Агафонова Н.Ю.** Актуальные проблемы реализации конституционного права на высшее образование // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 54–58.
8. **Денисова А.А.** Перспективы развития государственного финансового контроля // Финансовое право. – 2025. – № 2. – С. 34–37.
9. **Билык К.В., Нифанов А.Н.** Семейное воспитание: аргументы публично-правовой регламентации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11. № 3. – С. 556–562.
10. **Билык К.В.** Воспитание как элемент публично-правового обязательства в России // Nomothetika. – 2025. – Т. 50. № 4. – С. 845–857.

References

1. **Egorov V.E.** K voprosu o zadachakh grazhdansko-pravovogo obrazovaniya v postroenii pravovogo gosudarstva // Yuridicheskii mir. – 2007. – № 4. – S. 54–58.
2. **Lashevich G.A.** Gosudarstvennaya politika i pravovoe regulirovanie tselevogo obucheniya // Konkurentnoe pravo. – 2024. – № 2. – S. 30–33.
3. **Kirillovykh A.A.** Otdel'nye problemy yuridicheskoi tekhniki i soderzhatel'noi storony norm Zakona "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" // Zakonodatel'stvo i ekonomika. – 2013. – № 7. – S. 23–28.

Теоретические и прикладные аспекты правоохранительной деятельности

4. **Petyukova O.N.** Forsait universitetskogo yuridicheskogo obrazovaniya i pravovoi potentsial vospitaniya molodezhi // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2024. – № 12. – S. 154–161.
 5. **Kozyrin A.N., Troshkina T.N.** Normy obrazovatel'nogo prava // Publichno-pravovye issledovaniya. – 2016. – № 4. – S. 19–57.
 6. **Narutto S.V.** O nekotorykh problemakh zakonodatel'stva ob obrazovanii i ego sistematizatsii // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. – 2012. – № 2. – S. 22–26.
 7. **Radaeva S.V., Agafonova N.Yu.** Aktual'nye problemy realizatsii konstitutsionnogo prava na vysshee obrazovanie // Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 6. – S. 54–58.
 8. **Denisova A.A.** Perspektivy razvitiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya // Finansovoe pravo. – 2025. – № 2. – S. 34–37.
 9. **Bilyk K.V., Nifanov A.N.** Semeinoe vospitanie: argumenty publichno-pravovoi reglamentatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11. № 3. – S. 556–562.
 10. **Bilyk K.V.** Vospitanie kak element publichno-pravovogo obyazatel'stva v Rossii // Nomothetika. – 2025. – T. 50. № 4. – S. 845–857.
-
-

(статья сдана в редакцию 10.10.2025)

**Правовые основы российского законодательства о режиме
военного положения: становление и современное состояние**

**Legal basis of Russian legislation on martial law:
formation and current state**

УДК 342.77

А.В. Жильников,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
avzhil1@yandex.ru

Aleksandr V. Zhilnikov,

Postgraduate

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: правовое регулирование режима военного положения приобретает особую значимость для России в современных условиях сложной международной обстановки. Данный правовой режим служит важным фактором в процессе обеспечения национальной безопасности страны, цель которого заключается в непосредственном создании условий для отражения или предотвращения агрессии, защиты населения и территориальной целостности государства. В статье автор проводит ретроспективный анализ эволюции российского законодательства, регламентирующего режим военного положения. Основной целью данного исследования является выявление специфических характеристик указанного правового института на различных этапах исторического развития Российской Федерации. Эти характеристики оказали существенное влияние на формирование и становление института военного положения в рамках современной правовой системы России. Автор пришел к выводу о том, что российское законодательство является правопреемником норм о режиме военного положения, зародившихся в дореволюционном законодательстве и получивших свое развитие в Советском государстве. В настоящее время институт военного положения в Российской Федерации обеспечивает необходимый уровень внешней безопасности государства. Однако в условиях возникновения новых вызовов и угроз военно-политического характера требуется совершенствование данного правового режима в рамках российского законодательства.

Ключевые слова: особый правовой режим; военное положение; российское законодательство; агрессия; военные угрозы безопасности; уровни реагирования и готовности

Для цитирования: Жильников А.В. Правовые основы российского законодательства о режиме военного положения: становление и современное состояние // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 73–78.

Abstract: the legal regulation of martial law is of particular importance for Russia in the current complex international environment. This legal regime serves as a key factor in ensuring the country's national security, the purpose of which is to directly create conditions for repelling or preventing aggression, protecting the population, and preserving the territorial integrity of the state. In this article, the author conducts a retrospective analysis of the evolution of Russian legislation regulating martial law. The primary objective of this study is to identify the specific characteristics of this legal institution at various stages of the Russian Federation's historical development. These characteristics have significantly influenced the formation and development of martial law within the modern Russian legal system. The author concludes that Russian legislation is the successor to the norms regulating martial law that originated in pre-revolutionary legislation and were further developed in the Soviet state. Currently, martial law in the Russian Federation ensures the necessary level of external security for the state. However, the emergence of new military-political challenges and threats requires the improvement of this legal regime within Russian legislation.

Keywords: special legal regime; military law; Russian legislation; aggression; military threats to security; levels of response and readiness

For citation: Zhilnikov A.V. Legal basis of Russian legislation on martial law: formation and current state // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 73–78.

В настоящее время мировая военно-политическая обстановка остается крайне нестабильной и отличается высоким уровнем противостояния. Вооруженные конфликты как внутри стран, так и между государствами продолжают быть актуальными, а некоторые из них перерастают в полномасштабные военные действия. В частности, наблюдается усиление тенденции к реализации внешнеполитических стратегий, направленных на эскалацию напряженности в отношениях с Российской Федерацией со стороны западных государств. Данные аспекты актуализируют задачи по обеспечению безопасности общества и государства.

Для обеспечения и поддержания условий, отвечающих требованиям комфорта и безопасности общества и государства, устанавливается особый правовой режим – военное положение.

Целью исследования является проведение ретроспективного анализа российского законодательства о режиме военного положения для выявления особенностей данного правового режима в разные исторические периоды развития Российского государства, оказавших существенное влияние на формирование института военного положения в современной правовой системе Российской Федерации.

Институт военного положения в Российском государстве берет свое начало в дореволюционной Российской империи, получил развитие в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике и сохранил свое значение в современной правовой системе Российской Федерации. Как отмечает заслуженный юрист Российской Федерации С.В. Пчелинцев, «в дореволюционной России существовало три различные меры исключительного характера, в соответствии с Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. местности могли быть объявлены состоящими на «исключительном» положении в формах «усиленной» или «чрезвычайной» охраны либо на военном положении» [1, с. 16].

До 1917 г. в законодательстве давалось следующее определение военного положения: «совокупность исключительных мер, применяемых в какой-либо части государства при чрезвычайных условиях внешней или внутренней опасности, как-то: нашествия неприятеля или народных волнений, когда обычные полномочия органов управления оказываются недостаточными для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия» [2, с. 492]. Следовательно, в XIX в. военное положение означало передачу всей власти в зоне его действия военному командованию, что существенно изменяло административный и правовой статус региона. Вместе с тем правовой статус граждан ограничивался, и устанавливались

более строгие меры ответственности за совершение противоправных действий [3, с. 849].

В 1892 г. в качестве приложения к ст. 23 Свода губернских учреждений были приняты Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении¹. Данный документ предусматривал возможность введения военного положения в местностях, «входящих в район театра военных действий и имеющих особо важное значение для интересов государственных или специально военных», с точным указанием места, в котором вводилась такая мера. Но события, произошедшие в Российском государстве в 1905–1906 гг., подтолкнули к пересмотру оснований введения военного положения. В частности, произошло смещение акцента с обеспечения внешней безопасности государства на внутреннюю безопасность, предотвращение и подавление революционной деятельности, представляющей угрозу существующему государственному строю. Так, 23 апреля 1906 г. была обнародована обновленная редакция Свода основных государственных законов Российской империи, что ознаменовало собой значимое институциональное изменение в системе государственного управления. Законодательный акт существенно расширил компетенцию монарха в области обеспечения государственной безопасности, предоставив ему право вводить военное положение на определенных территориях, а также издавать указы и распоряжения, направленные на мобилизацию и приведение вооруженных сил в состояние боевой готовности². Таким образом император получил дополнительные полномочия, позволяющие ему оперативно реагировать на угрозы национальной безопасности и эффективно управлять кризисными ситуациями.

Стоит отметить, что отличительной особенностью института военного положения в законодательстве дореволюционной России являлось введение данного правового режима не только при осуществлении военных действий, в условиях, связанных с угрозами внешнего характера, но и при угрозах основам конституционного строя и безопасности общества. По мнению С.В. Пчелинцева, «строгого разграничения институтов чрезвычайного и военного положения не существовало, что давало основания для активного применения института особых правовых режимов в целях подавления революционных выступлений,

¹ Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении 1892 г. // Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1913. Т. 2. С. 823–831.

² Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении 1892 г. // Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1913. Т. 2. С. 823–831.

что было связано с фактически неограниченными ущемлениями прав граждан» [1, с. 19].

Дальнейшее развитие режим военного положения получил в советском законодательстве. После перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и образования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) в 1918 г. вводился так называемый режим военного лагеря, который устанавливал передачу властных полномочий высшему коллегиальному органу управления и политического руководства Вооруженными силами Советской России в период Гражданской войны (1917–1922) – Революционному военному совету³.

В советское время законодательством было предусмотрено введение военного положения при внутренних общественных беспорядках. Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» данный орган, образованный для борьбы с контрреволюцией и саботажем, наделялся правом «непосредственной расправы в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения»⁴. Позже документ был уточнен декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»⁵, устанавливающим перечень преступлений, за которые предусматривалось применение расстрела.

Советский законодатель обосновывал введение военного положения в отдельных местностях необходимостью противодействия угрозам, представляющим опасность для завоеваний революции, что включало в себя борьбу с чрезвычайными народными волнениями, квалифицируемыми как контрреволюционные выступления, а также применение специальных мер для обеспечения защиты государства от внешней контрреволюционной агрессии⁶. Органами, обладающими правом вве-

дения военного положения в отдельной местности, выступали Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР (далее – ВЦИК РСФСР), Совет народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР), Совет обороны РСФСР. В случаях, не терпящих отлагательств, Народный комиссариат внутренних дел РСФСР в отдельных местностях и губернские исполнительные комитеты в губерниях могли вводить военное положение на соответствующих территориях с последующим уведомлением СНК РСФСР.

Для обеспечения порядка в обществе предусматривалась возможность введения двух правовых режимов – исключительного положения и военного положения. Согласно п. 2 Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка 1925 г. основаниями для введения исключительного правового режима являлись: «а) контрреволюционные посяательства или выступления против рабоче-крестьянской власти; б) массовые посяательства на личность и имущество граждан; в) случаи, когда нормальная жизнь нарушена чрезвычайными стихийными бедствиями; г) переходный период к нормальному порядку в местностях, бывших на военном положении»⁷. Введение военного положения предусматривалось в тех же случаях, «когда меры исключительного положения оказываются недостаточными для охраны или восстановления революционного порядка; когда данная местность становится театром военных действий или получает для военных целей особо важное значение»⁸.

Режим исключительного положения вводился постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР (далее – ЦИК СССР), с передачей всей высшей власти военно-революционным комитетам, образованным центральными исполнительными комитетами союзных республик. Режим военного положения вводился постановлением СНК СССР одновременно с объявлением мобилизации на территории всей страны.

Впервые режим военного положения был закреплен на конституционном уровне в 1936 г. с принятием Конституции СССР. Правом его вводить был наделен Президиум Верховного Совета СССР. Режим мог вводиться как на всей территории страны, так и на отдельных местностях «в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности»⁹ (п. «т»

³ Постановление ВЦИК от 02.09.1918 «Об объявлении Советской Республики военным лагерем» // Правда. – 1918. – 4 сентября.

⁴ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР от 17.02.1919 «О Всероссийской Чрезвычайной комиссии» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1919. – № 12. – Ст. 130.

⁵ Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР от 20.06.1919 «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1919. – № 27. – Ст. 301.

⁶ Положение ВЦИК от 01.07.1920 «О местностях, объявленных на военном положении» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – Москва, 1943. С. 664–667.

⁷ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 03.04.1925 «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1925. – № 25. – Ст. 167.

⁸ Там же.

⁹ Конституция (Основной Закон) СССР (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (прекратила действие) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

ст. 49 Конституции СССР 1936 г.). Данная норма сохранила преемственность в Конституции СССР, принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. (п. 15 ст. 121)¹⁰. Однако, как справедливо отмечает профессор О.В. Брежнев, «специальное законодательное регулирование этого режима в СССР отсутствовало» [4, с. 14].

В начале Великой Отечественной войны на территории Советского Союза было введено военное положение, Президиум Верховного Совета СССР, руководствуясь необходимостью оперативного реагирования на возникшую угрозу государственной безопасности, издал Указ от 22 июня 1941 г. № 8/160 «О военном положении»¹¹. Данный законодательный акт регламентировал основные аспекты функционирования военного положения, а именно:

- передачу функций органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где не было таких органов, – высшему командованию войсковых соединений;
- передачу военным органам исключительных полномочий, направленных на введение временных ограничений.

Далее советским руководством было принято решение об образовании единого чрезвычайного органа (Государственный комитет обороны¹²) для организации быстрой мобилизации всех военных сил и обеспечения защиты государства от врага. Данный орган был наделен высшей государственной властью.

В связи с окончанием Великой Отечественной войны на территории Советского государства режим военного положения был отменен, соответственно, нормативные правовые акты, регламентирующие данный институт, также подлежали отмене.

Таким образом, в советском законодательстве были заложены основы правового регулирования института военного положения в условиях необходимости быстрого и оперативного реагирования на возникшие угрозы государственной безопасности

страны, что послужило фундаментом в основании российского законодательства.

В настоящее время режим военного положения получил свое дальнейшее развитие в правовой системе Российского государства. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., предусматривает возможность введения режима военного положения на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, а также устанавливает основания и порядок принятия такого решения (чч. 2, 3 ст. 87, п. «б» ч. 1 ст. 102)¹³. Более подробная регламентация данного правового режима содержится в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹⁴ (далее – ФКЗ о военном положении).

Согласно п. 1 ст. 1 ФКЗ о военном положении под военным положением понимается «особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии». Данное определение наиболее точно передает ключевые характеристики рассматриваемого режима.

Однако в юридической литературе встречаются различные точки зрения ученых относительно отраслевой принадлежности режима военного положения. Так, ряд авторов относят данный режим к сфере административного права [5; 6], некоторые – к конституционному праву [7; 8; 9]. Как полагают А.М. Кононов и С.К. Агарзаев, «отнесение режима военного положения по отраслевому признаку к какой-либо отдельной отрасли права не совсем корректно» [10, с. 20].

Современные российские ученые-юристы считают, что режим военного положения необходимо относить к экстраординарным административно-правовым режимам [11; 12], чтобы отличать данный режим от режимов чрезвычайного положения и чрезвычайной ситуации.

Мы разделяем точку зрения Н.В. Лермонтовой, которая утверждает, что правовой режим военного положения характеризуется многоаспектностью и охватывает все сферы общественных отношений

¹⁰ Конституция (Основной Закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977) (прекратила действие) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 619.

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. канд. юрид. наук Ю.И. Мандельштама. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 213–215.

¹² Постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 «Об образовании Государственного комитета обороны» // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 1317. – Л. 19–20.

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁴ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (с изм. и доп. на 13.12.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

как на территории Российской Федерации в целом, так и в ее отдельных субъектах [13, с. 74]. Поэтому военное положение можно определить как особый публично-правовой режим, который отличается комплексным регулятивным воздействием для защиты публичных интересов и не ограничивается отраслевыми правовыми режимами, а, наоборот, действует в комплексе с другими правовыми режимами и ставит своей целью защиту конституционного строя, основных прав человека и гражданина, которые стоят во главе всех интересов государства.

Отметим, что основанием для введения режима военного положения выступает акт агрессии или угроза такой агрессии, проявленные в отношении Российского государства. В свою очередь, «целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации» (п. 2 ст. 2 ФКЗ о военном положении). В отличие от законодательных актов Российской империи и Советского государства, регламентирующих институт военного положения, современное российское законодательство устанавливает единственным основанием для введения военного положения исключительно внешнюю угрозу безопасности государства. Данный подход позволяет отличать режим военного положения от иных специальных правовых режимов.

Согласно ФКЗ о военном положении правомочием на его введение наделяется глава государства с последующим уведомлением об этом Федеральное Собрание Российской Федерации и обнародованием соответствующего правового акта – указа Президента Российской Федерации. Далее верхняя палата Федерального Собрания Российской Федерации рассматривает данный указ в течение 48 часов и решает вопрос об его утверждении. Причем Совет Федерации Российской Федерации имеет право как утвердить указ главы государства, так и отклонить его. В последнем случае указ Президента Российской Федерации о введении военного положения утрачивает свою юридическую силу и прекращает свое действие (ст. 4 ФКЗ о военном положении). Режим военного положения, введенный на всей территории России или отдельной его части, отменяется по решению Президента Российской Федерации при устранении обстоятельств, являвшихся основанием для введения (ст. 21 ФКЗ о военном положении).

Стоит отметить, что российское законодательство не предусматривает образования специальных органов при введении военного положения. При введении данного режима управление передается военному ведомству, которое организует оборону и может регулировать правоотношения внутри региона, где идут боевые действия, в том числе обеспечивать охрану критической инфра-

структуры, правопорядок в обществе, даже если для этого необходимо ограничить конституционные права человека. Данные полномочия передаются военным в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁵.

В целях координации деятельности военного ведомства и гражданских структур могут создаваться штабы территориальной обороны. Полномочиями по созданию штабов территориальной обороны обладает глава государства в соответствии со ст. 11 ФКЗ о военном положении. Отличительной особенностью данных органов является то, что они сочетают в себе деятельность оперативного штаба и штаба территориальной обороны одновременно. Решения данного органа обязательны для исполнения органами власти, организациями и гражданами на местности, где действует режим военного положения.

Таким образом, ретроспективный анализ российского законодательства о режиме военного положения в различные исторические периоды его развития показал преемственность правовых норм дореволюционной и советской правовой системы о военном положении, которая заключается:

- 1) в установлении оснований введения военного положения на определенной территории (защита государства от внутренних и внешних угроз);
- 2) закреплении на конституционном уровне режима военного положения (п. «т» ст. 49 Конституции СССР 1936 г.; п. 15 ст. 121 Конституции СССР 1977 г.);
- 3) расширении полномочий органов государственной власти, состоящих в применении правоограничительных мер к гражданам, организациям и учреждениям, находящимся на территориях, где введено военное положение.

Российское законодательство осуществило комплексную модернизацию института военного положения, что позволило более четко определить основания и алгоритмы действий, в том числе правовые основания для его введения. В Российской Федерации может быть объявлено военное положение при наличии внешней агрессии или в случае непосредственной угрозы такой агрессии. Необходимо отметить, что были институционализированы специальные органы, ответственные за реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение национальной безопасности и защиту страны от внешних угроз. В эту систему включены межведомственные координирующие структуры, известные как штабы обороны, которые играют ключевую роль в оперативном управлении и коор-

¹⁵ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

динации действий различных государственных органов в условиях военного времени.

Таким образом, следует учитывать и применять весь опыт прошлых поколений при разработке законодательства и построении государства. В статье представлен детальный анализ того, как Россий-

ская Федерация, интегрируя наследие Российской империи и СССР, использует и адаптирует все ценное и продуктивное из прошлого, при этом вносит в законодательство в области регламентации режима военного положения необходимые коррективы, которые опираются на современные реалии.

Литература

1. **Пчелинцев С.В.** Законодательство дореволюционной России об ограничениях прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // История государства и права. – 2006. – № 5. – С. 16–19.
2. Военная энциклопедия. Т. VI: Верещагин – Воинская повинность / под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца [и др.]. – Санкт-Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1912. – 642 с.
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. VIA (12): Винословие – Волан / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Е.Е. Петрушевского [и др.]. – Санкт-Петербург: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1892. – 960 с.
4. **Брежнев О.В.** Военное положение и обеспечивающие его административно-правовые режимы: содержание и взаимосвязь // Административное право и процесс. – 2025. – № 3. – С. 14–17.
5. **Зиборов О.В.** Отдельные аспекты использования доктринального подхода к реализации военного положения // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2017. – № 4. – С. 80–81.
6. **Старостин С.А.** Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 111 с.
7. **Дьяченко И.Л.** Конституционный режим военного положения в России: по реализации права на индивидуальную и коллективную самооборону: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – 27 с.
8. **Пчелинцев С.В.** Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. – Москва: Норма, 2006. – 479 с.
9. **Глебов И.Н.** Мобилизация – Военное время – Военное положение: понятийный аппарат // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2022. – № 4 (19). – С. 5–10.
10. **Кононов А.М., Агарзаев С.К.** Режим военного положения: новый взгляд на сущность и содержание понятия // Административное право и процесс. – 2025. – № 3. – С. 18–23.
11. **Балтовский А.А.** Административно-правовой режим особого положения в системе административного права / Преступность и проблемы борьбы с ней. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2007. С. 371–376.
12. **Михайлов В.В.** Правовое регулирование деятельности подразделений МЧС России в условиях экстраординарных административно-правовых режимов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 23 с.
13. **Лермонтова Н.В.** Понятие и признаки административно-правового режима // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 3 (15). – С. 72–75.

References

1. **Pchelintsev S.V.** Zakonodatel'stvo dorevolutsionnoi Rossii ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2006. – № 5. – S. 16–19.
2. Voennaya entsiklopediya. T. VI: Vereshchagin – Voinskaya povinnost' / pod red. V.F. Novitskogo, A.V. fon Shvartsa [i dr.]. – Sankt-Peterburg: T-vo I.D. Sytina, 1912. – 642 s.
3. Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. T. VIA (12): Vinoslovie – Volan / pod red. I.E. Andreevskogo, K.K. Arsen'eva, E.E. Petrushevskogo [i dr.]. – Sankt-Peterburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1892. – 960 s.
4. **Brezhnev O.V.** Voennoe polozhenie i obespechivayushchie ego administrativno-pravovye rezhimy: sodержanie i vzaimosvyaz' // Administrativnoe pravo i protsess. – 2025. – № 3. – S. 14–17.
5. **Ziborov O.V.** Otdel'nye aspekty ispol'zovaniya doktrinal'nogo podkhoda k realizatsii voennogo polozheniya // Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa. – 2017. – № 4. – S. 80–81.
6. **Starostin S.A.** Chrezvychainye administrativno-pravovye rezhimy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2022. – 111 s.
7. **D'yachenko I.L.** Konstitutsionnyi rezhim voennogo polozheniya v Rossii: po realizatsii prava na individual'nuyu i kolektivnuyu samooboronu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2000. – 27 s.
8. **Pchelintsev S.V.** Problemy ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov. – Moskva: Norma, 2006. – 479 s.
9. **Glebov I.N.** Mobilizatsiya – Voennoe vremya – Voennoe polozhenie: ponyatiinyi apparat // Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo. – 2022. – № 4 (19). – S. 5–10.
10. **Kononov A.M., Agarzaev S.K.** Rezhim voennogo polozheniya: novyi vzglyad na sushchnost' i sodержanie ponyatiya // Administrativnoe pravo i protsess. – 2025. – № 3. – S. 18–23.
11. **Baltovskii A.A.** Administrativno-pravovoi rezhim osobogo polozheniya v sisteme administrativnogo prava / Prestupnost' i problemy bor'by s nei. – Moskva: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2007. S. 371–376.
12. **Mikhailov V.V.** Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti podrazdelenii MCHS Rossii v usloviyakh ekstraordinarnykh administrativno-pravovykh rezhimov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2006. – 23 s.
13. **Lermontova N.V.** Ponyatie i priznaki administrativno-pravovogo rezhima // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2009. – № 3 (15). – S. 72–75.

(статья сдана в редакцию 15.12.2025)

**Следы применения экономико-криминальных схем в сфере
информационного бизнеса**

**Traces of the use of economic and criminal schemes
in the information business**

УДК 343.9

А.С. Пироженков,

адъюнкт

(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
aspirohenkov@yandex.ru

Artem S. Pirozhenkov,

Postgraduate

(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhniy Novgorod, Russia)

Аннотация: преступная деятельность в сфере информационного бизнеса осуществляется с помощью различных экономико-криминальных схем – продажи несуществующих курсов, использования информационного бизнеса для осуществления преступной деятельности в иной сфере, продажи мнимых образовательных услуг, осуществления образовательной деятельности без лицензии, продажи околонучных знаний. Изучение судебной практики показывает, что применение экономико-криминальных схем отражается в виде специфической следовой картины, для полноты описания которой нами использованы такие параметры, как локализация, форма отображения, релевантность, информативность. Для каждого вида экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса все следы, в зависимости от формы отображения, поделены на три группы: вещественную, образную, документальную. Локализация, определяющая возможность своевременного обнаружения, фиксации, изъятия, рассматривается для вещественных и документальных следов. Описание релевантности следов учитывает сведения, необходимые для правильного установления вида экономико-криминальной схемы и определения их потенциальной относимости к событию преступления. Выделенные параметры следовой картины во взаимосвязи позволяют определить ее информативность и возможность установления всех элементов экономико-криминальных схем. На основе анализа следов экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса выделены особенности проявления преступной деятельности в рассматриваемой сфере, ее признаки-индикаторы.

Ключевые слова: информационный бизнес; экономико-криминальная схема; след; следовая картина; признаки-индикаторы

Для цитирования: Пироженков А.С. Следы применения экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 79–85.

Abstract: criminal activity in the field of information business is carried out using various economic and criminal schemes: the sale of non-existent courses; the use of the information business to carry out criminal activities in another area; sale of imaginary educational services; carrying out educational activities without a license; sale of near-scientific knowledge. A study of judicial practice shows that the use of economic and criminal schemes is reflected in the form of a specific trace picture, for the completeness of the description of which we used such parameters as localization, form of display, relevance, informatively. For each type of economic and criminal schemes in the field of information business, all traces, depending on the form of display, are divided into three groups: material; figurative; documentary. Localization, which determines the possibility of timely detection, fixation, seizure, is considered for material and documentary traces. The description of the relevance of the traces takes into account the information necessary to correctly establish the type of economic and criminal scheme and determine their potential relevance to the crime event. The selected parameters of the trace picture in the relationship make it possible to determine its informativity and the possibility of establishing all elements of economic and criminal schemes. Based on the analysis of traces of economic and criminal schemes in the field of information business, the features of the manifestation of criminal activity in the area under consideration, its signs and indicators are identified.

Keywords: information business; economic and criminal scheme; trace; trace picture; signs and indicators

For citation: Pirozhenkov A.S. Traces of the use of economic and criminal schemes in the information business // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 79–85.

Продажа знаний, умений, навыков для успешного осуществления профессиональной деятельности, личностного роста с развитием информационно-телекоммуникационных технологий пользуется большим спросом на территории нашего государства, что неизбежно повлекло распространение преступной деятельности в данной сфере. Получение значительной прибыли организаторами информационного бизнеса зачастую связано с дроблением его для сохранения упрощенной системы налогообложения, что является уклонением от уплаты налогов физического лица (ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), и в некоторых случаях сопровождается легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления (ст. 174.1 УК РФ). Зачастую подаваемая информация направлена на обман потребителя, создание у него ложного представления об освоении им компетенций, позволяющих стать успешным предпринимателем, тем самым образует состав мошенничества (ст. 159 УК РФ). В отдельных случаях реализация образовательных программ маскируется оказанием консультационных услуг, что предопределяет осуществление образовательной деятельности без лицензии, то есть незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ).

Изучение следственной и судебной практики по преступлениям в сфере информационного бизнеса позволило нам определить следующие виды экономико-криминальных схем: продажа несуществующих курсов, использование информационного бизнеса для осуществления преступной деятельности в иной сфере, продажа мнимых образовательных услуг, осуществление образовательной деятельности без лицензии, продажа околонукальных знаний [1]. При этом структура экономико-криминальной схемы имеет такие характеристики, как внешнее выражение преступной деятельности, характеристика подаваемой информации, форма предоставления информации, основные виды продуктов деятельности, медийный образ организатора и деятельности в целом, организационно-правовая форма осуществления деятельности, применяемая система налогообложения [1]. Эмпирический материал исследования представлен приговорами судов общей юрисдикции за 2020–2025 гг. по преступлениям в сфере информационного бизнеса, содержащимися в базах судебных актов «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»¹ и «Официальный портал судов общей юрисдикции города

Москвы»². При описании следовой картины преступлений, связанных с нарушением налогового законодательства, также использовалось письмо Федеральной налоговой службы от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@³, характеризующее схемы уклонения от налогообложения.

В научной литературе информационный бизнес рассмотрен с позиции разных областей знания. А.О. Рудневой исследована бизнес-модель «марафона желаний» [2]. В.Ю. Савицкой информационный бизнес проанализирован через призму медиакommunikации [3]. Е.З. Сидоровой изучена уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого работниками образования [4]. При этом, несмотря на достаточно оживленную дискуссию в средствах массовой информации о преступлениях в сфере информационного бизнеса, научных исследований, посвященных выявлению и расследованию такой преступной деятельности, не проводилось. Опубликованные за последние несколько лет научные труды, как правило, рассматривают методику расследования преступлений на основе отдельных статей УК РФ, по которым могут быть квалифицированы деяния в сфере информационного бизнеса. Например, О.С. Кучиным и В.В. Ефимовой рассмотрена методика расследования криминальных схем налоговых преступлений [5]. П.И. Ивановым предложена методика расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем [6]. Методика расследования преступлений в сфере незаконной предпринимательской деятельности раскрыта в монографии А.С. Усенко [7].

Одним из составных элементов криминалистической характеристики преступной деятельности выступает следовая картина. Отметим, что если ученые не выделяют следы преступления в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступной деятельности (например, Р.С. Белкин [8, с. 227]), то они включают их в способ совершения преступления. Таким образом, полноценный анализ определенного вида преступной деятельности невозможен без изучения ее следовой картины.

Следовая картина представляет собой отражение механизма преступной деятельности [9, с. 208]. Разнообразие экономико-криминальных

² Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 04.11.2025).

³ Письмо Федеральной налоговой службы от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Кодекс» (дата обращения: 04.11.2025).

¹ Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

схем в сфере информационного бизнеса, а также их многокомпонентность обуславливают важность установления следов каждой из них для качественного выявления, раскрытия и расследования соответствующей преступной деятельности. Изучение эмпирического материала показывает, что применение экономико-криминальных схем отражается в виде специфической следовой картины.

В целях систематизированного изложения компонентов следовой картины преступной деятельности в сфере информационного бизнеса на первоначальном этапе исследования нами были взяты за основу предложенные А.Ф. Лубиным параметры следовой картины [10, с. 205]:

- 1) локализация – место отображения следовых картин;
- 2) форма отображения (вещественная, документальная, идеальная);
- 3) релевантность (относимость к событию преступления);
- 4) информативность (количественная и качественная характеристика следовых картин).

Выделенные характеристики следовой картины для полноты и всесторонности их описания нами были сгруппированы. Для каждого вида экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса все следы, в зависимости от формы отображения, поделены на три группы: вещественную (следы-отображения, следы-вещества, следы-предметы), образную (идеальные следы – показания подозреваемых, потерпевших, свидетелей), документальную (следы-документы). Локализация, определяющая возможность своевременного обнаружения, фиксации, изъятия, рассматривается для вещественных и документальных следов. Вопрос о местонахождении подозреваемых, свидетелей тесно связан с розыском лиц, потому в рамках статьи не рассматривается. Для описания релевантности следов установлены сведения, которые указывают на характеристики экономико-криминальной схемы. Для каждого следа определяется его потенциальная относимость к событию преступления. Обозначенные параметры следовой картины во взаимосвязи позволят определить ее информативность и сформулировать рекомендации по совершенствованию количественных и качественных характеристик.

Продажа несуществующих курсов. Образная форма отображения:

1. Показания подозреваемого – на каких электронных платформах создан курс обучения; наличие обучающих материалов; контакты с «успешными» предпринимателями и медийными личностями; каким образом осуществлялась реклама обучения и взаимодействие с потерпевшими; как переводились денежные средства за обучение; период осуществления преступной деятельности.

2. Показания потерпевшего – когда и где узнал о возможности пройти обучение; на каких электронных ресурсах сталкивался с рекламой курсов и приобретал их; каким образом осуществлялось взаимодействие с подозреваемым и переводились ли денежные средства за курсы; предполагаемое содержание курса.

Вещественная форма отображения:

1. Компьютер подозреваемого (локализация – место жительства, работы, транспортное средство подозреваемого) – история браузера о посещении сайтов о лицах, предоставляющих услуги в сфере информационного бизнеса, социальных сетей, в которых осуществлялся обман потерпевших; переписка с потерпевшими; скачанные обучающие видеокурсы; наличие фейковой страницы в социальных сетях.

2. Сотовый телефон подозреваемого – переписка в социальных сетях с потерпевшими; наличие фейковой страницы в социальных сетях.

3. Компьютер потерпевшего (локализация – место жительства, работы, транспортное средство потерпевшего) – данные о посещении сайтов, социальных сетей, на которых осуществлялось взаимодействие с подозреваемым.

4. Сотовый телефон потерпевшего – переписка в социальных сетях с подозреваемым.

Документальная форма отображения:

1. Выписка из банка о движении денежных средств у потерпевшего – дата и время перевода денежных средств на расчетные счета подозреваемого.

2. Выписка из банка о движении денежных средств у подозреваемого – дата и время получения денежных средств с расчетных счетов потерпевших, перевод данных средств на другие счета.

Использование информационного бизнеса для осуществления преступной деятельности в иной сфере. Образная форма отображения:

1. Показания подозреваемого – наличие участников преступной деятельности; период осуществления деятельности; в чем заключается сущность обучения; основные формы обучения; какие лица привлекались к обучению; как организовывалась реклама обучения; расположение офиса организации и аудиторий, в которых проводились занятия; наличие методических рекомендаций по обучению; какие документы оформлялись для прохождения обучения; осуществлялось ли взаимодействие с организациями, в которые предлагалось вкладывать денежные средства; каким образом оказывалась помощь потерпевшим в получении кредитных денежных средств; каким образом совершалась передача денежных средств от потерпевших; какие документы оформлялись при получении денежных средств от потерпевших; каким образом производилась выплата процентов по

инвестициям (если выплачивалась); куда переводились денежные средства потерпевших; приобретенное ценное имущество за время совершения преступной деятельности.

2. Показания потерпевших – когда и при каких обстоятельствах узнали про обучение; дата, место, время проведения обучающих занятий; кто организовывал и посещал занятия; в чем заключалось обучение и в каких формах оно проводилось; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению; какие финансовые инструменты рекомендовались для увеличения прибыли; какие условия кредитования предлагались в случае отсутствия денежных средств; как переводились (передавались) денежные средства подозреваемым; какие документы выдавались для подтверждения вложения денежных средств в организации; каким образом осуществлялась выплата процентов по инвестициям (если выплачивалась).

3. Показания свидетелей (родственники и друзья потерпевших) – когда и при каких обстоятельствах узнали про обучение; дата, место, время проведения обучающих занятий; в чем заключалось обучение; какие финансовые инструменты предлагались для увеличения прибыли; занимал ли потерпевший денежные средства.

4. Показания свидетелей (лица, посещавшие лекции, но отказавшиеся вкладывать свои деньги) – когда и при каких обстоятельствах узнали про обучение; дата, место, время проведения обучающих занятий; кто организовывал и посещал занятия; в чем заключалось обучение и в каких формах оно проводилось; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению; какие финансовые инструменты предлагались для увеличения прибыли.

5. Показания свидетелей (арендодатели помещения, в котором проводилось обучение) – когда и при каких обстоятельствах начали контакты с подозреваемым; условия договора аренды; какие услуги предоставлял подозреваемый; нарушения договора со стороны подозреваемого.

Вещественная форма отображения:

1. Компьютер подозреваемого (локализация – место жительства, работы, транспортное средство подозреваемого) – бухгалтерская документация; шаблоны документов на обучение; реестр обучающихся; методические материалы для обучения; история посещения браузера (сайты организаций, в которые якобы осуществлялось вложение денежных средств).

2. Сотовый телефон подозреваемого – контакты с потерпевшими, соучастниками (звонки, переписка); история посещения браузера (сайты организаций, в которые якобы осуществлялось вложение денежных средств).

Документальная форма отображения:

1. Расписки о получении денежных средств от потерпевших (локализация – место жительства, работы, транспортное средство потерпевшего) – дата и место составления; кем выдана; сумма; в течение какого периода должны быть выполнены обязательства.

2. Документы на оформление кредита потерпевшими (локализация – место жительства, работы, транспортное средство потерпевшего) – какой кредитной организацией предоставлены денежные средства; сумма; условия договора.

3. Выписка из банка о движении денежных средств у потерпевшего – дата и время перевода денежных средств на расчетные счета подозреваемого.

4. Выписка из банка о движении денежных средств у подозреваемого – дата и время получения денежных средств с расчетных счетов потерпевших, перевод данных средств на иные счета.

5. Учредительные документы юридического лица.

Продажа мнимых образовательных услуг.

Образная форма отображения:

1. Показания подозреваемого – наличие соучастников преступной деятельности; на что направлены получаемые в ходе обучения знания; период осуществления деятельности; характеристика подаваемых знаний; формы предоставления информации; дата, место, время проведения обучающих занятий; основные виды продуктов; кто организовывал и посещал занятия; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению; насколько реален их успех в деятельности; какие финансовые инструменты предлагались для увеличения прибыли; кто разрабатывал методическое обеспечение обучения; каким образом получена лицензия на осуществление образовательной деятельности.

2. Показания потерпевших – когда и при каких обстоятельствах узнали про обучение; дата, место, время проведения обучающих занятий; форма занятий; кто организовывал и посещал занятия; в чем заключалось обучение и в каких формах оно реализовывалось; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению; как осуществлялась оплата за обучение; каких результатов достиг потерпевший после прохождения обучения.

3. Показания свидетелей (сотрудники организации, представляющей образовательный услуги) – период осуществления деятельности; характеристика подаваемой информации; форма предоставления информации; основные виды продуктов; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению.

4. Показания свидетелей («успешные» предприниматели и медийные личности, участвовавшие в обучении) – характеристика подаваемой ин-

формации; форма предоставления информации; основные виды продуктов; насколько правдива информация об их успешной предпринимательской деятельности.

5. Показания свидетелей (представитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки) – соблюдение подозреваемым требований законодательства при получении лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Вещественная форма отображения:

1. Компьютер подозреваемого (локализация – место жительства, работы, транспортное средство подозреваемого) – бухгалтерская документация; шаблоны документов на обучение; реестр обучающихся; методические материалы для обучения; история посещения браузера.

2. Сотовый телефон подозреваемого – контакты с потерпевшими, соучастниками (звонки, переписка); история посещения браузера.

3. Компьютеры в офисе организации (локализация – офис организации) – бухгалтерская документация; шаблоны документов на обучение; реестр обучающихся; методические материалы для обучения.

4. Методические материалы – характеристика подаваемой информации; основные виды предоставляемых продуктов; сроки обучения; на чем основаны продаваемые знания; соответствие образовательным стандартам.

5. Интернет-сайт организации – характеристика подаваемой информации; основные виды предоставляемых продуктов; сроки и стоимость обучения; платформа обучения; какие «успешные» предприниматели и медийные личности привлекались к обучению.

Документальная форма отображения:

1. Договор на предоставление платных образовательных услуг (локализация – офис организации, жилое помещение потерпевшего) – основные характеристики образования, формы его предоставления; срок обучения; стоимость обучения.

2. Выписка из банка о движении денежных средств у потерпевшего – дата и время перевода денежных средств на расчетные счета организации.

3. Выписка из банка о движении денежных средств у подозреваемого – дата и время получения денежных средств с расчетных счетов потерпевших, перевод данных средств на иные счета.

4. Учредительные документы юридического лица.

5. Лицензия на осуществление образовательной деятельности.

6. Журналы посещения занятий – дата и время проведения занятий; лица, посещавшие занятия.

Осуществление образовательной деятельности без лицензии. Образная форма отображения:

1. Показания подозреваемого – период осуществления деятельности; какими видами деятель-

ности еще занимается; характеристика подаваемых знаний, какие компетенции они формируют; форма предоставления информации и основная платформа обучения; стоимость обучения; кто привлекался в качестве педагогических работников, каким образом с ними оформлялись трудовые отношения; кто разрабатывал программы обучения, их количество; какие есть иные работники предприятия; документы, которыми оформлялось обучение и подтверждался факт его прохождения; каким образом проводилась реклама обучения.

2. Показания свидетелей (представитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки) – осуществляло ли юридическое лицо реализацию образовательных программ, их форма; подлежит данный вид деятельности обязательному лицензированию или нет.

3. Показания свидетелей (работники юридического лица) – с какого времени работает; каким образом оформлены трудовые отношения; должностные обязанности; размер заработной платы и способ ее исчисления; характеристика подаваемых знаний; форма предоставления информации и основная платформа обучения; кто проходил обучение; стоимость обучения; документы, которыми оформлялось обучение и подтверждался факт его прохождения; какое обучение проводилось при трудоустройстве.

4. Показания свидетелей (лица, оказывающие консультационные услуги юридическому лицу) – характеристика проводимых консультаций; каким образом осуществлялось взаимодействие с работниками юридического лица; сфера деятельности юридического лица.

5. Показания свидетелей (обучающиеся) – как узнали про обучение; характеристика подаваемой информации; форма обучения, задействованные платформы; стоимость обучения, как проходила оплата; какие документы на обучение были оформлены; какие знания были получены, можно ли их использовать; кто проводил обучение; как происходило взаимодействие с работниками юридического лица; документы, подтверждающие прохождение обучения.

Вещественная форма отображения:

1. Компьютеры юридического лица (локализация – офис организации) – наличие установленной электронной платформы обучения; переписка с обучающимися; методическое обеспечение образовательного процесса.

2. Сотовые телефоны юридического лица (локализация – офис организации) – переписка с обучающимися.

Документальная форма отображения:

1. Договор обучающегося с юридическим лицом, в котором усматривается подмена правовой природы договора (локализация – офис организации).

Например, вместо оказания услуг по обучению оказание консультационных услуг.

2. Приложения к договору обучающегося с юридическим лицом (локализация – офис организации) – темы занятий, количество часов, отводимых на их рассмотрение.

3. Акт сдачи-приемки оказанных услуг по договору (локализация – офис организации) – характеристика выполненных обязательств.

4. Листы посещения занятий (локализация – офис организации) – даты проведения занятий, обучающиеся.

5. Чек об оплате (локализация – офис организации, жилое помещения свидетелей) – стоимость обучения.

6. Учредительные документы юридического лица.

7. Выписки из банка, обслуживающего юридическое лицо, о движении денежных средств.

8. Трудовые договоры работников юридического лица (локализация – офис организации) – должностные обязанности; период осуществления трудовой деятельности.

9. Договор аренды офисных помещений (локализация – офис организации) – период аренды помещений.

Продажа околонуных знаний. Образная форма отображения:

1. Показания подозреваемого – на что направлены получаемые в ходе обучения знания; период осуществления деятельности; характеристика подаваемых знаний; образ жизни, обуславливающий продаваемые знания; формы предоставления информации; дата, место, время проведения обучающих занятий; основные виды продуктов; кто проводил и посещал занятия; какие медийные личности привлекались к обучению, насколько реален их успех в деятельности; кто разрабатывал методическое обеспечение обучения; применяемая система налогообложения.

2. Показания потерпевших – когда и при каких обстоятельствах узнали про обучение; дата, место, время проведения обучающих занятий; форма занятий; кто организовывал и посещал занятия; в чем заключалось обучение и в каких формах оно реализовывалось; как осуществлялась оплата за обучение; каких результатов достиг потерпевший после прохождения обучения.

3. Показания свидетелей (медийные личности, участвовавшие в обучении) – характеристика подаваемой информации; форма предоставления информации; основные виды продуктов; насколько правдива информация об эффективности преподаваемых знаний.

Вещественная форма отображения:

1. Компьютер подозреваемого (локализация – место жительства, работы, транспортное средство подозреваемого) – бухгалтерская документация; расчет налогов, подлежащих уплате; шаблоны до-

кументов на обучение; реестр обучающихся; методические материалы для обучения; история посещения браузера.

2. Сотовый телефон подозреваемого – контакты с потерпевшими, соучастниками (звонки, переписка); история посещения браузера.

3. Компьютеры в офисе подозреваемого (локализация – офис подозреваемого) – бухгалтерская документация; расчет налогов, подлежащих уплате; шаблоны документов на обучение; реестр обучающихся; методические материалы для обучения.

4. Методические материалы – характеристика подаваемой информации; основные виды предоставляемых продуктов; сроки обучения; на чем основаны продаваемые знания.

5. Интернет-сайт подозреваемого – характеристика подаваемой информации; основные виды предоставляемых продуктов; сроки и стоимость обучения; платформа обучения; какие медийные личности привлекались к обучению.

Документальная форма отображения:

1. Выписка из банка о движении денежных средств у потерпевшего – дата и время перевода денежных средств на расчетные счета организации.

2. Выписка из банка о движении денежных средств у подозреваемого – дата и время получения денежных средств с расчетных счетов потерпевших, перевод данных средств на иные счета.

3. Документы индивидуального предпринимателя.

4. Журналы посещения занятий – дата и время проведения занятий; лица, посещавшие занятия.

Проведенный анализ следов экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса позволяет выделить особенности проявления преступной деятельности в рассматриваемой сфере, ее признаки-индикаторы:

– увеличение расходов организатора обучения на предметы роскоши, дорогое имущество;

– привлечение к обучению «успешных» предпринимателей, реальные достижения которых отследить невозможно;

– декларирование в качестве результата обучения возможностикратно увеличить доход, получить сверхприбыль;

– небольшое количество подписчиков на странице в социальных сетях известной личности;

– предлагаемые «консультационные услуги», предполагающие обучение их приобретателя;

– обучение, включающее инвестирование денежных средств, в том числе за счет кредитных денежных средств;

– агрессивная реклама обучения;

– отсутствие необходимого методического обеспечения образовательного процесса;

– несоответствие предлагаемого обучения существующим образовательным стандартам.

Литература

1. **Пирожников А.С.** Понятие и структура экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 2 (50). – С. 158–163.
2. **Руднева А.О.** Бизнес-модель инфоцыганства в России на примере марафона желаний // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 2 (139). – С. 1175–1179.
3. **Савицкая В.Ю.** Проблемы и перспективы блогосферы в современном цифровом пространстве / Медиакоммуникационные технологии и управление проектами в творческих индустриях: актуальные вопросы и перспективные решения: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20 декабря 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2024. С. 172–175.
4. **Сидорова Е.З.** Уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого работниками образования // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22. № 4 (86). – С. 335–343.
5. **Кучин О.С., Ефимова В.В.** Методика расследования криминальных налоговых схем: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2025. – 256 с.
6. **Иванов П.И.** Методика расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, как инструмент повышения эффективности их расследования // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 2 (62). – С. 54–62.
7. **Усенко А.С.** Методика расследования незаконного участия должностных лиц в предпринимательской деятельности: монография. – Краснодар: Эпомен, 2025. – 152 с.
8. **Белкин Р.С.** Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – Москва: Юнити, 2001. – 464 с.
9. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А.Ф. Лубина. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – 587 с.
10. **Лубин А.Ф.** Избранные труды. – Москва: Блок-Принт, 2021. – 624 с.

References

1. **Pirozhenkov A.S.** Ponyatie i struktura ekonomiko-kriminal'nykh skhem v sfere informatsionnogo biznesa // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2025. – № 2 (50). – S. 158–163.
2. **Rudneva A.O.** Biznes-model' infotsyganstva v Rossii na primere marafona zhelanii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2022. – № 2 (139). – S. 1175–1179.
3. **Savitskaya V.Yu.** Problemy i perspektivy blogosfery v sovremenном tsifrovom prostranstve / Mediakommunikatsionnye tekhnologii i upravlenie projektami v tvorcheskikh indusriyakh: aktual'nye voprosy i perspektivnye resheniya: materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 20 dekabrya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kino i televideniya, 2024. S. 172–175.
4. **Sidorova E.Z.** Ugolovno-pravovaya kharakteristika moshennichstva, sovershaemogo rabotnikami obrazovaniya // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. – 2021. – T. 22. № 4 (86). – S. 335–343.
5. **Kuchin O.S., Efimova V.V.** Metodika rassledovaniya kriminal'nykh nalogovykh skhem: monografiya. – Moskva: YurLitinform, 2025. – 256 s.
6. **Ivanov P.I.** Metodika rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s legalizatsiei dokhodov, priobretennykh prestupnym putem, kak instrument povysheniya effektivnosti ikh rassledovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2022. – № 2 (62). – S. 54–62.
7. **Usenko A.S.** Metodika rassledovaniya nezakonnogo uchastiya dolzhnostnykh lits v predprinimatel'skoi deyatel'nosti: monografiya. – Krasnodar: Epomen, 2025. – 152 s.
8. **Belkin R.S.** Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii. – Moskva: Yuniti, 2001. – 464 s.
9. Kriminialistika: kurs lektsii / pod red. prof. A.F. Lubina. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2018. – 587 s.
10. **Lubin A.F.** Izbrannye trudy. – Moskva: Blok-Print, 2021. – 624 s.

(статья сдана в редакцию 17.12.2025)

**Размер наркотических средств и психотропных веществ
как критерий дифференциации уголовной ответственности**

**The quantity of narcotic drugs and psychotropic substances
as a criterion for differentiating criminal liability**

УДК 343.575

Я.А. Эйсмонт,

адъюнкт

(Сибирский юридический институт МВД России,
Россия, Красноярск)
yana.eismont1608@gmail.com

Yana A. Eismont,

Postgraduate

(Siberian Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia,
Krasnoyarsk, Russia)

Аннотация: в статье исследуется проблема противоречивости существующего подхода к определению пороговых значений размеров наркотических средств. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью размера наркотических средств как критерия дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступлений по статьям 228, 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Целью исследования является оценка действующей системы пороговых значений размеров наркотических средств и выработка унифицированного подхода к их исчислению. Для достижения цели применяются исторический и сравнительно-правовой методы, а также нормативный и количественный анализ. Автор констатирует, что действующая модель определения размеров, закрепленная в постановлении Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002, лишена научно обоснованной методологии и внутренней логики. Последовательное рассмотрение развития нормативного регулирования позволяет установить непоследовательность уголовной политики: отказ от системы средних разовых доз, резкое изменение пороговых значений и их кратное увеличение без единого алгоритма. Особое внимание уделено сравнительному анализу коэффициентов перехода между значительным, крупным и особо крупным размерами для веществ из различных списков. Выявлены существенные диспропорции, нарушающие иерархию общественной опасности и принцип справедливости. Автором предложен унифицированный подход к исчислению размеров, обеспечивающий внутреннюю согласованность.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности; размер наркотических средств; незаконный оборот наркотических средств; общественная опасность

Для цитирования: Эйсмонт Я.А. Размер наркотических средств и психотропных веществ как критерий дифференциации уголовной ответственности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 86–92.

Abstract: the article examines the problem of contradictoriness of the existing approach to determining the threshold level of the quantity of narcotic drugs. The relevance of the topic is due to the key role of the quantity of narcotic drugs as a criterion for differentiating criminal liability and qualifying crimes under Articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of this article is to evaluate the current system of thresholds for narcotic drugs and to develop a unified approach to their calculation. Historical and comparative legal methods, as well as normative and quantitative analysis, are used to achieve this purpose. The author states that the current model of defining quantity, fixed in the Decree of the Government of the Russian Federation dated October 1, 2012 № 1002, lacks a scientifically sound methodology and internal logic. A consistent review of the development of regulatory regulation makes it possible to establish the inconsistency of criminal policy can be traced, namely: the abandonment of the system of average single doses, an abrupt change in threshold levels and their multiple increase without a unified algorithm. Special attention is paid to the comparative analysis of the transition coefficients between significant, large and especially large quantity for substances from different lists. Significant disproportion that violate the hierarchy of public danger and the principle of justice is identified. The author proposes a unified approach to calculation of quantity, ensuring internal consistency.

Keywords: differentiation of criminal liability; quantity of narcotic drugs; illicit drug trafficking; public danger

For citation: Eismont Ya.A. The quantity of narcotic drugs and psychotropic substances as a criterion for differentiating criminal liability // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 86–92.

Среди глобальных вызовов современности особое место занимает незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Как справедливо отмечают А.И. Парог и М.Г. Князькова, «колоссальный объем незаконного оборота наркотических средств, вовлечение в процесс их немедицинского потребления все большего числа молодых людей, расцвет наркобизнеса создают серьезную угрозу национальной безопасности не только Российской Федерации, но и большинства стран» [1, с. 39]. Наркотизм, будучи негативным социально-правовым явлением, масштабен, что требует от государства адекватных и эффективных мер противодействия. Общественная опасность незаконного оборота наркотиков, по мнению П.В. Тепляшина, сводится к нескольким ключевым проявлениям: коррупциогенному сращиванию преступности с властными структурами, прогрессирующему поражению здоровья населения, прозелитивному распространению наркомании, генерированию иных видов преступности, а также деградации социального развития и функций государства [2, с. 120]. В этой связи уголовно-правовой запрет выступает необходимым средством защиты общественных отношений, а дифференциация уголовной ответственности – инструментом обеспечения соответствия уголовной репрессии реальной общественной опасности деяния.

В системе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, ключевым критерием, позволяющим дифференцировать ответственность, выступает размер запрещенного вещества [3, с. 97]. Действующая модель определения размеров, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ (далее – постановление Правитель-

ства № 1002), вызывает обоснованную критику как со стороны теоретиков права, так и со стороны практикующих юристов.

Проблема исследования заключается в противоречивости существующего подхода определения пороговых значений наркотических средств. Об этом свидетельствует отсутствие единой, научно и логически обоснованной методологии утверждения размеров, в связи с чем невозможно говорить о качественно произведенной дифференциации уголовной ответственности, если в ее основу положен критерий, требующий корректировки.

Проблемам дифференциации уголовной ответственности в общем и за наркопреступления в частности уделяли внимание такие ученые, как Е.В. Рогова [4], Л.Л. Кругликов [5], Н.А. Лопашенко [6], А.В. Федоров [7]. Вместе с тем комплексного критического анализа самого размера наркотических средств как критерия дифференциации ответственности с позиции его юридической техники, социальной обусловленности и соответствия принципам уголовного права в последние годы не проводилось.

Нормативным основанием рассматриваемого критерия дифференциации уголовной ответственности выступает подзаконный акт – постановление Правительства № 1002. Исследование этого подзаконного акта, а также предшествующих ему представляет особый интерес с точки зрения выявления ключевых факторов, определивших современное содержание пороговых значений размеров.

Обращаясь к историко-правовым аспектам становления размеров, следует упомянуть несколько основополагающих документов. Первые количественные показатели размеров, которые служили ориентиром при квалификации, были установлены 25 ноября 1987 года Постоянным комитетом по контролю наркотиков (далее – ПККН). Комитет представлял собой межведомственный экспертный орган, работающий на общественных началах при Министерстве здравоохранения Российской Федерации. Таблицы ПККН носили исключительно рекомендательный характер, присущий заключениям экспертных органов. Как следовало из примечаний к таблицам, в их основу была положена 15-балльная система, оценивающая вещества с химической, фармакологической, правовой позиций².

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Сводная таблица экспертных заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте, утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков от 06.03.2001 № 2/80-01 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

Следующим актом, закрепляющим размеры наркотических средств, было постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 г. № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации»³ (далее – постановление Правительства № 231). Постановление Правительства № 231 устанавливало среднюю разовую дозу по каждому веществу, а положение уголовного закона закрепляло, что крупным размером признавалось количество, в 10 и более раз превышающее среднюю разовую дозу потребления, особо крупным размером – количество, в 50 и более раз превышающее среднюю разовую дозу потребления. В научной литературе отмечается критика подхода к установлению размеров через определение разовой дозы, так как невозможно установить единые стандарты разовой дозы, поскольку данные о средней продолжительности жизни наркопотребителей, длительности действия веществ, их пагубном воздействии и сроках формирования физической зависимости существенно варьируются [8, с. 41].

Такой подход просуществовал непродолжительное время. Уже в 2006 году законодатель отказался от привязки к средним разовым дозам ввиду сложности их объективного определения и невозможности учета индивидуальной толерантности потребителей. Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴ (далее – постановление Правительства № 76) были введены фиксированные весовые значения крупного и особо крупного размеров для каждого вида наркотического средства и психотропного вещества, что ознаменовало возврат к метрической системе, действующей (с последующими корректировками) до сегодняшнего дня.

Эволюция дальнейшей дифференциации ответственности продолжилась в 2011 году. Был введен новый квалифицирующий признак – значительный размер, что создало трехуровневую градацию раз-

меров (значительный, крупный и особо крупный) и потребовало утверждения постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002, действующего по настоящее время.

Анализ постановлений Правительства № 231, 76 и 1002 показывает, что ни один из указанных документов не раскрывает методики расчета конкретных значений размеров наркотических средств. Непрозрачность критериев определения размеров, отсутствие научно обоснованных подходов порождают вопросы о состоятельности данного дифференцирующего критерия. Рассматривая вопрос изменения законодательства в области установления размеров наркотических средств, А.Н. Кулешова отмечает, что «формирование уголовно-правовой политики носило бессистемный характер» [9, с. 138].

Чтобы оценить тенденции изменения размеров в соответствии с постановлениями Правительства Российской Федерации, необходимо рассмотреть видоизменение количественных показателей наиболее распространенных наркотических средств. Данные изменения размеров представлены в табл. 1.

Анализ представленных данных позволяет выявить ряд последовательных тенденций в изменении законодательной политики.

Первый этап – переход от постановления Правительства № 231 к постановлению Правительства № 76. Переход от системы средних разовых доз к фиксированным весовым значениям ознаменовался существенным снижением пороговых показателей для большинства видов наркотических средств. С введением нового постановления порог крупного размера был снижен для марихуаны в 3 раза, для героина в 2 раза, для кокаина в 3 раза, для опия в 5 раз. Подобное ужесточение свидетельствует об усилении репрессивной направленности уголовной политики как в отношении потребителей, так и в контексте противодействия организованным формам наркопреступности.

Второй этап – переход к постановлению Правительства № 1002. Наиболее заметной тенденцией стало кратное увеличение порогов особо крупного размера. Например, для героина – с 2,5 до 1000 граммов (в 400 раз), для каннабиса – с 100 до 100 000 граммов (в 1000 раз). Подобная трансформация обусловлена стремлением законодателя выделить особо крупный размер в качестве исключительной категории, ориентированной на противодействие промышленному производству и оптовому сбыту наркотиков, оставив крупный размер в качестве промежуточного звена, ограничивающего немедицинское потребление от профессиональной преступной деятельности. Это позволило установить пропорциональную общественной опасности санк-

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.2004 № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2006 № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 1. Тенденции изменения размеров наркотических средств в соответствии с постановлениями Правительства Российской Федерации

Вид наркотического средства	Постановление Правительства № 231			Постановление Правительства № 76		Постановление Правительства № 1002		
	Средняя разовая доза, г	Крупный размер, г	Особо крупный размер, г	Крупный размер, г	Особо крупный размер, г	Значительный размер, г	Крупный размер, г	Особо крупный размер, г
Героин	0,1	1	5	0,5	2,5	0,5	2,5	1000
Кокаин	0,15	1,5	7,5	0,5	5	0,2	1	200
Гашиш	0,5	5	25	2	25	2	25	10 000
Каннабис (марихуана)	2	20	100	6	100	6	100	100 000
МДМА	0,05	0,5	2,5	0,6	3	0,6	3	600
Метадон	0,05	0,5	2,5	0,5	2,5	0,2	1	100
Опий	0,5	5	25	1	25	1	25	5000

цию в ч. 3 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, адресованную наиболее опасным формам наркопреступности.

Вместе с тем динамика изменений не всегда подчинялась единому алгоритму. Крупный размер героина первоначально был снижен вдвое (2006 г.), а затем увеличен в пять раз (2012 г.); крупный размер марихуаны, резко сократившись в 2006 г., оставался неизменным впоследствии. Подобная избирательность свидетельствует об отсутствии системного подхода и непредсказуемости нормотворческих решений.

Несмотря на формализацию критериев, действующая система в постановлении Правительства № 1002 демонстрирует внутреннюю несогласованность при сопоставлении коэффициентов увеличения между градациями размеров для различных категорий веществ. Для выявления закономерностей целесообразно рассчитать кратные соотношения между значительным, крупным и особо крупным размерами по каждому веществу в зависимости от принадлежности к утвержденным спискам (см. табл. 2, 3, 4).

Обнаруживается четкая и единообразная тенденция коэффициентов увеличения для веществ из списков II и III. Для подавляющего большинства веществ в этих списках установлены единые ко-

эффициенты увеличения: в 5 раз для перехода от значительного размера к крупному и в 200 раз для перехода от крупного к особо крупному. Принципиально отличается Список I, в котором отсутствует какой-либо единый подход к определению соотношений между размерами наркотических средств. Коэффициенты варьируются в широком диапазоне, не прослеживается никакой логической закономерности шага увеличения между размерами. Индивидуализированный подход к установлению коэффициентов для наиболее опасных веществ Списка I порождает внутренние противоречия, невозможность определить, чем обусловлена разница в коэффициентах.

Расчет средних коэффициентов для трех списков показывает несбалансированность и между списками. Согласно заявленной иерархии опасности списков Список I содержит наиболее опасные вещества, следовательно, предполагается, что и пороги размеров должны быть ниже. Однако выявлена обратная закономерность (см. табл. 5).

При переходе от значительного к крупному размеру средний коэффициент для Списка I превышает аналогичные показатели для списков II и III. Это означает, что для привлечения к ответственности за оборот наиболее опасных веществ законодатель устанавливает более высокое кратное

Таблица 2. Коэффициенты увеличения размеров для веществ из Списка I, оборот которых в Российской Федерации запрещен

Вещество	Коэффициент увеличения (значительный → крупный)	Коэффициент увеличения (крупный → особо крупный)
Героин	в 5 раз (0,5 г → 2,5 г)	в 400 раз (2,5 г → 1000 г)
Металон	в 5 раз (0,2 г → 1 г)	в 100 раз (1 г → 100 г)
Каннабис (марижуана)	в 17 раз (6 г → 100 г)	в 1000 раз (100 г → 100 000 г)
МДМА	в 5 раз (0,6 г → 3 г)	в 200 раз (3 г → 600 г)
Гашиш	в 12,5 раза (2 г → 25 г)	в 400 раз (25 г → 10 000 г)
Опий	в 25 раз (1 г → 25 г)	в 200 раз (25 г → 5000 г)

Таблица 3. Коэффициенты увеличения размеров для веществ из Списка II, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля

Вещество	Коэффициент увеличения (значительный → крупный)	Коэффициент увеличения (крупный → особо крупный)
Гидроморфон	в 5 раз (0,5 г → 2,5 г)	в 200 раз (2,5 г → 500 г)
Кодеин	в 5 раз (1 г → 5 г)	в 200 раз (5 г → 1000 г)
Кокаин	в 5 раз (0,2 г → 1 г)	в 200 раз (1 г → 200 г)
Морфин	в 5 раз (0,1 г → 0,5 г)	в 200 раз (0,5 г → 100 г)
Бупренорфин	в 5 раз (0,005 г → 0,025 г)	в 200 раз (0,025 г → 5 г)
4-МТА	в 5 раз (0,2 г → 1 г)	в 200 раз (1 г → 200 г)

Таблица 4. Коэффициенты увеличения размеров для веществ из Списка III, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля

Вещество	Коэффициент увеличения (значительный → крупный)	Коэффициент увеличения (крупный → особо крупный)
Аллобарбитал	в 5 раз (2 г → 10 г)	в 200 раз (10 г → 2000 г)
Аминорекс	в 10 раз (0,5 г → 5 г)	в 200 раз (5 г → 1000 г)
Апрофен	в 5 раз (0,5 г → 2,5 г)	в 200 раз (2,5 г → 500 г)
Бромазолам	в 5 раз (1 г → 5 г)	в 20 раз (5 г → 100 г)
Метилприлон	в 5 раз (0,2 г → 1 г)	в 200 раз (1 г → 200 г)
Метизолоам	в 5 раз (1 г → 5 г)	в 200 раз (5 г → 1000 г)

Таблица 5. Средние коэффициенты увеличения пороговых значений размеров по спискам I–III

	Крупный размер к значительному	Особо крупный размер к крупному
Список I	8	317
Список II	5	200
Список III	5	159

увеличение, чем для менее опасных. Еще более парадоксальная ситуация складывается при переходе к особо крупному размеру: средний коэффициент для Списка I в 1,6 раза выше, чем для Списка II, и почти в 2 раза выше, чем для Списка III. Таким образом, наименее опасные вещества из Списка III оказываются в наиболее строгом режиме правового регулирования: ответственность за их оборот в особо крупном размере наступает при меньшем по сравнению с веществами Списка I количественном пороге. Это прямо противоречит заложенной в градации списков иерархии общественной опасности.

Проблемный характер подходов к установлению значительных, крупных и особо крупных размеров контролируемых веществ отмечается рядом исследователей. В частности, Е.Б. Мельников указывает на существенную разницу между крупным и особо крупным размерами, «которая для ряда позиций Списка I может различаться от 20 (d-Лизергид (ЛСД, ЛСД25)) до 2000 раз (синтетические каннабиноиды), при этом их незаконному обороту придается одинаковый характер общественной опасности» [10, с. 273]. Автор также обозначает проблему приписания к объектам контроля всех смесей, в состав которых входят наркотические средства и психотропные вещества Списка I, независимо от их количества.

Таким образом, критерий дифференциации уголовной ответственности – размер наркотических средств – лишен внутренней логики и последовательного научно-правового обоснования. Поскольку углубленное исследование основ определения размеров, как совершенно верно отмечает П.Н. Сбирунов, представляет «одно из перспективных направлений уголовно-правовых исследований, направленных на дальнейшее совершенствование российского антинаркотического законодательства путем дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за наркопреступления по размеру предмета преступления» [11, с. 39], считаем обоснованным унифицировать подход к расчету размеров запрещенных веществ.

Для унификации подхода предлагается следующая модель расчета размеров запрещенных веществ. Так, для каждого вещества с учетом подгруппы по происхождению (наркотические средства

природного происхождения, наркотические средства полусинтетического происхождения, наркотические средства синтетического происхождения), а также физической формы вещества (природное сырье, чистое вещество, готовый препарат в смеси – готовые к потреблению формы) законодательно закрепляется базовый размер (X) – значительный, который рассчитывается не произвольно, а на основе объективных научных данных в ходе междисциплинарной экспертной работы. Расчет должен включать специальные познания в области токсикологии, фармакологии, химии, криминалистики и криминологии. Основой для расчета должна стать сопоставимая степень общественной опасности размеров для различных веществ внутри одной группы.

Далее необходимо установление нормативных шагов между размерами (N, M – унифицированные множители для всех веществ внутри одной группы), позволяющих создать прозрачную и предсказуемую прогрессию: X (значительный), $X \times N$ (крупный), $XN \times M$ (особо крупный). Чем опаснее группа веществ (например, синтетические), тем меньше должен быть шаг от значительного размера к крупному, от крупного к особо крупному. Соответственно, для менее опасных природных веществ множители N, M будут выше. При этом разрыв между крупным и особо крупным размерами (M) всегда значительно больше, чем между значительным и крупным (N), что отражает рост общественной опасности. Между списками (I, II, III) действует аналогичная логика: базовый порог X, множители N, M в более строгом списке должны быть ниже, что и будет отражать иерархию опасности на законодательном уровне.

Такой подход позволит привести внутреннюю дифференциацию размеров наркотиков к системности: значительный размер выступает точкой отсчета, рассчитанной на основе сопоставимой степени общественной опасности, а крупный и особо крупный становятся ее предсказуемыми производными. Дифференциация уголовной ответственности в таком случае станет соразмерной. Строгость наказания будет определяться неслучайными цифрами, поскольку каждый шаг увеличения размера соответствует адекватному шагу в усилении ответственности.

Литература

1. **Рарог А.И., Князькова М.Г.** Уголовно-правовое обеспечение борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 5 (13). – С. 39–43.
2. **Тепляшин П.В.** Противодействие наркопреступности с учетом положений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: промежуточные итоги и резервы оптимизации / I Восточно-Сибирский юридический форум: сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2025. С. 119–122.
3. **Сбирунов П.Н.** Историко-правовые аспекты развития дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в значительном, крупном и особо крупном размерах / Актуальные вопросы науки и практики: сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Уфа: Вестник науки, 2021. С. 89–106.
4. **Рогова Е.В.** Теоретико-правовое понимание и средства дифференциации уголовной ответственности в современном уголовном праве России: монография. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. – 116 с.
5. **Кругликов Л.Л.** Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Legal Concept. – 2017. – № 3. – С. 8–13.
6. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: монография / Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, профессора Н.А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 478 с.
7. **Федоров А.В.** Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые и международно-правовые аспекты: сборник статей. – Москва: Юрист, 2011. – 405 с.
8. **Куцель М.В.** Особенности правового регулирования размеров наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации и других государствах – участниках СНГ для целей административно-деликтного законодательства // Научный портал МВД России. – 2024. – № 4 (68). – С. 37–43.
9. **Кулешова А.Н.** Уголовно-правовая эволюция понятия «Размер наркотического средства» // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 16. – С. 133–138.
10. **Мельников Е.Б.** Актуальные вопросы установления массы наркотических средств, психотропных веществ / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. С. 273–274.
11. **Сбирунов П.Н.** Дифференциация уголовной ответственности за наркопреступления, совершенные в значительном, крупном и особо крупном размерах // Наркоконтроль. – 2016. – № 1. – С. 35–39.

References

1. **Rarog A.I., Knyaz'kova M.G.** Ugolovno-pravovoe obespechenie bor'by s nezakonnym oborotom narkotikov // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2009. – № 5 (13). – S. 39–43.
2. **Tepliyashin P.V.** Protivodeistvie narkoprestupnosti s uchetoм polozhenii Strategii gosudarstvennoi antinarkoticheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: promezhutochnye itogi i rezervy optimizatsii / I Vostochno-Sibirskii yuridicheskii forum: sbornik materialov XXX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2025. S. 119–122.
3. **Sbirunov P.N.** Istoriko-pravovye aspekty razvitiya differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti za nezakonnyi oborot narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh prekursorov v znachitel'nom, krupnom i osobo krupnom razmerakh / Aktual'nye voprosy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh statei po materialam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Ufa: Vestnik nauki, 2021. S. 89–106.
4. **Rogova E.V.** Teoretiko-pravovoe ponimanie i sredstva differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti v sovremennom ugovnom prave Rossii: monografiya. – Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2016. – 116 s.
5. **Kruglikov L.L.** Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti: sootnoshenie so smezhnymi ponyatiyami // Legal Concept. – 2017. – № 3. – S. 8–13.
6. Mezhotraslevaya differentsiatsiya ugovnoi i innykh vidov yuridicheskoi otvetstvennosti: monografiya / N.A. Lopashenko, A.V. Golikova, E.V. Kobzeva [i dr.]; pod red. d-ra yurid. nauk, professora N.A. Lopashenko. – Moskva: Yurilitinform, 2021. – 478 s.
7. **Fedorov A.V.** Protivodeistvie nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh, sil'nodeistvuyushchikh i yadovitykh veshchestv: ugovno-politicheskie, ugovno-pravovye i mezhdunarodno-pravovye aspekty: sbornik statei. – Moskva: Yurist, 2011. – 405 s.
8. **Kutskel' M.V.** Osobennosti pravovogo regulirovaniya razmerov narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v Rossiiskoi Federatsii i drugikh gosudarstvakh – uchastnikakh SNG dlya tselei administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2024. – № 4 (68). – S. 37–43.
9. **Kuleshova A.N.** Ugolovno-pravovaya evolyutsiya ponyatiya "Razmer narkoticheskogo sredstva" // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. – 2013. – № 16. – S. 133–138.
10. **Mel'nikov E.B.** Aktual'nye voprosy ustanovleniya massy narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv / Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov XXVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Krasnoyarsk: SibYUI MVD Rossii, 2025. S. 273–274.
11. **Sbirunov P.N.** Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti za narkoprestupleniya, sovershenные v znachitel'nom, krupnom i osobo krupnom razmerakh // Narkokontrol'. – 2016. – № 1. – S. 35–39.

(статья сдана в редакцию 19.03.2026)

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Применение беспилотных систем в ходе осмотра места происшествия по делам о нарушении правил безопасности дорожного движения

The use of unmanned systems during the inspection of crime scenes in cases of violation of traffic safety rules

УДК 343.985.3

Д.А. Бадиков

(Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
dibad008@yandex.ru

Dmitriy A. Badikov

(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

А.И. Сучков

(Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
andr2892@mail.ru

Andrey I. Suchkov

(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: статья посвящена решению ключевой процессуально-тактической проблемы при осмотре места дорожно-транспортного происшествия – объективного противоречия между обязанностью детальной фиксации обстановки и требованием максимально быстро освободить проезжую часть для восстановления движения. Целью исследования является обоснование эффективности применения беспилотных систем для преодоления данного конфликта. Методология включает сравнительный анализ возможностей беспилотных летательных аппаратов и традиционных методов фиксации, а также оценку процессуальных аспектов использования полученных материалов в качестве доказательств. В результате определены конкретные тактические преимущества технологии: обеспечение высокой точности измерений и привязки следов, повышение безопасности работы в сложных условиях, а также возможность создания 3D-модели места происшествия. Проведенный анализ криминалистических возможностей и процессуальных аспектов применения беспилотных систем, а также оценка их эффективности в сравнении с традиционными методами позволили выявить ключевые преимущества такого подхода при осмотре места дорожно-транспортных происшествий. Сделан вывод, что внедрение аэрофотосъемки с помощью беспилотных летательных аппаратов в алгоритм осмотра места дорожно-транспортного происшествия является технологически и процессуально обоснованным, так как напрямую способствует повышению доказательственной ценности полученных данных при одновременном сокращении времени фиксации вещественной обстановки, что, в свою очередь, снизит время блокировки проезжей части на месте происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; осмотр места происшествия; беспилотные системы; аэрофотосъемка; фотограмметрия; доказательства

Для цитирования: Бадиков Д.А., Сучков А.И. Применение беспилотных систем в ходе осмотра места происшествия по делам о нарушении правил безопасности дорожного движения // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 93–99.

Abstract: this article addresses a key procedural and tactical issue during accident scene inspections: the objective contradiction between the obligation to thoroughly document the situation and the requirement to quickly clear the roadway to restore traffic. The aim of the study is to substantiate the effectiveness of unmanned aerial systems in overcoming this conflict. The methodology includes a comparative analysis of the capabilities

© Бадиков Д.А., Сучков А.И., 2026

of unmanned aerial vehicles and traditional recording methods, as well as an assessment of the procedural aspects of using the obtained materials as evidence. As a result, specific tactical advantages of the technology were identified: high accuracy of measurements and trace matching, increased safety in difficult conditions, and the ability to create a 3D model of the scene. An analysis of the forensic capabilities and procedural aspects of using unmanned systems, as well as an assessment of their effectiveness compared to traditional methods, revealed the key advantages of this approach to accident scene inspections. It is concluded that the introduction of aerial photography using unmanned aerial vehicles into the algorithm for inspecting the scene of a road traffic accident is technologically and procedurally justified, as it directly contributes to increasing the evidentiary value of the obtained data while simultaneously reducing the time it takes to record the material situation, which, in turn, will reduce the time the roadway is blocked at the scene of the accident.

Keywords: traffic accident; scene inspection; unmanned systems; aerial photography; photogrammetry; evidence

For citation: Badikov D.A., Suchkov A.I. The use of unmanned systems during the inspection of crime scenes in cases of violation of traffic safety rules // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 93–99.

Ключевой сложностью на начальном этапе осмотра места ДТП для следователя становится противоречие в решении двух задач. С одной стороны, закон требует детально зафиксировать обстановку. С другой, необходимо максимально быстро освободить проезжую часть: вывезти разбитые автомобили, оказать помощь пострадавшим, убрать обломки и опасные предметы. Задержка в расчистке не только парализует движение, но и многократно повышает риск возникновения новых аварий. Это делает критически важным внедрение технологий, способных обеспечить быстрое и точное документирование без замедления восстановительных работ. Эффективным решением в данной ситуации выступает использование беспилотных авиационных систем (дронов). С их помощью можно в сжатые сроки получить полную и детализированную фотограмметрическую картину происшествия до того, как будет изменено положение любого объекта на месте ДТП.

В условиях широкого внедрения технических средств в следственную практику особое значение приобретает использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, беспилотник) при производстве следственных действий [1, с. 43]. Как справедливо отмечают О.А. Дизер и И.В. Абдулманова, ключевые преимущества беспилотных систем в сфере дорожного движения – это «масштабный обзор и оперативность получения информации» [2, с. 44]. Применительно к задаче осмотра места ДТП эти общие достоинства трансформируются в конкретные тактические преимущества – возможность мгновенно зафиксировать общую панораму происшествия с высоты, установить взаимное расположение всех объектов и следов, а также быстро получить геопривязанные фотоматериалы для формирования объективной исходной модели места происшествия, что критически важно при дефиците времени.

Осмотр места дорожно-транспортного происшествия проводится в соответствии с требова-

ниями, перечисленными в ст. 166–167, 176–177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Использование в ходе осмотра БПЛА подпадает под положение, установленное в ч. 5 ст. 166 УПК РФ, а именно: «В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств»¹.

Использование БПЛА на стадии общего осмотра места происшествия имеет следующие особенности:

- обзорность и масштабирование – съемка с высоты 50–100 м позволяет зафиксировать общую картину происшествия, взаимное расположение объектов, а также детализировать отдельные элементы при увеличении;
- оперативность – быстрый осмотр больших территорий, включая труднодоступные зоны;
- фиксация без искажений – фото- и видеоматериалы передаются напрямую следователю, минимизируя субъективное влияние оператора;
- документирование в реальном времени – возможность оперативного анализа данных на месте (через ноутбук с увеличением снимков);
- безопасность – осмотр опасных зон (обвалы, места ДТП, зоны химического заражения) без риска для людей;
- первичный обзор с высоты (50–70 м) для определения границ места происшествия и ключевых точек;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

- детализация – снижение высоты или увеличение масштаба для фиксации мелких объектов;
- 3D-моделирование и 3D-реконструкция места происшествия для дальнейшего анализа;
- сравнение с первоначальной обстановкой, например при повторном осмотре или оценке динамики изменений;
- отлаженный алгоритм взаимодействия следователя и оператора, а также соблюдения процессуальных норм фиксации доказательств.

Важным элементом осмотра места ДТП является измерение ширины проезжей части в зоне происшествия. Часто наблюдаются визуально неочевидные изменения геометрии дороги – локальные сужения или расширения, которые могут стать ключевым фактором в установлении причин аварии. Такие особенности дорожного покрытия способны спровоцировать непроизвольное сближение транспортных средств, вынужденные маневры или съезд на обочину. Объективно зафиксировать эти нюансы возможно только с использованием аэрофотосъемки с квадрокоптера [3, с. 105].

Современные БПЛА обладают комплексом технических возможностей для точной фиксации обстоятельств ДТП, таких как высокоточное определение координат места происшествия, измерение расстояний между объектами (от стационарных ориентиров до элементов ДТП), установление взаимного расположения транспортных средств, распределение следов (торможения, скольжения, осколков), создание привязки всех вещественных доказательств к местности, реконструкция ДТП по следам шин, точный расчет скоростных параметров, создание детализированных 3D-моделей места происшествия.

В качестве преимуществ аэрофотограмметрии перед традиционными методами укажем следующие: в 2–3 раза выше точность измерений, возможность анализа динамики развития ДТП, полноценная цифровая фиксация всей зоны происшествия, сокращение времени проведения замеров на 60–70%. Использование технологии 3D-реконструкции на основе аэросъемки позволяет воссоздать полную картину происшествия с точностью до сантиметра, что значительно повышает доказательственную ценность собранных материалов.

Применение квадрокоптеров для фиксации и анализа ширины проезжей части, динамики сужения/расширения дороги и других параметров места ДТП является неотъемлемым элементом осмотра места происшествия в следственной практике, позволяющим устранить субъективные ошибки визуального осмотра и значительно повысить точность реконструкции событий.

Фиксация реальной ширины проезжей части необходима, так как визуально неочевидные сужения, расширения, смещения полос могут быть зафиксиро-

ваны с высоты и измерены с точностью до сантиметров (с помощью фотограмметрии), это критично, если ДТП произошло из-за незаметного для водителя изменения геометрии дороги (например, сужение из-за ремонта, неправильная разметка). В связи с чем точные замеры и привязка объектов с использованием современных БПЛА (например, DJI Phantom 4 RTK, Matrice 300) могут автоматически строить ортографические карты и 3D-модели с геопривязкой. Координаты следов торможения, осколков, положения транспортного средства фиксируются в геодезической системе координат, что исключает ошибки ручных замеров. Имеется возможность измерения расстояний между объектами без прямого контакта (важно для сохранения следов), анализа видимости и дорожной обстановки.

Квадрокоптер может смоделировать угол обзора водителя с учетом рельефа (подъемы/спуски), растительности, сооружений, ограничивающих видимость, погодных условий (если съемка ведется в момент ДТП). Это помогает установить, мог ли водитель заранее заметить опасность. Возможность LiDAR-сканирования (например, DJI L1) предоставляет условия для создания точных цифровых двойников места ДТП, включая микронеровности асфальта. Мультиспектральная съемка позволяет выявлять невидимые следы горюче-смазочных материалов, резины, биологических материалов.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что протокол осмотра места происшествия должен включать описание хода фиксации осмотра с использованием БПЛА (запись полета, условия съемки), методики аэросъемки (высота, угол, оборудование), сертификации программного обеспечения для обработки данных. В протоколах осмотра следует определять БПЛА как камеру на механизированном подвесе с возможностью аэрофото- и видеосъемки, детально описывать технические параметры и условия съемки, прилагать исходные файлы с метаданными.

На практике это реализуется посредством комплексного применения фотогафрирования с использованием криминалистических методов:

- ориентирующей съемки (общий план с привязкой к местности);
- обзорной съемки (непосредственное место происшествия);
- узловой съемки (ключевые элементы ДТП);
- детальной съемки (отдельные следы и повреждения).

Видеозапись всего процесса осмотра позволяет зафиксировать последовательность следственных действий, сохранить динамику исследования места происшествия, документировать взаимное расположение объектов. Полученные материалы оформляются в виде фототаблиц, которые становятся неотъемлемой частью протокола осмотра.

Данные визуальные доказательства выполняют важные функции: дополняют и конкретизируют письменное описание, обеспечивают наглядность зафиксированной обстановки, позволяют реконструировать картину происшествия, служат вещественным доказательством в уголовном деле.

Современная практика демонстрирует тенденцию к параллельному использованию обоих методов фиксации, что значительно повышает доказательственную ценность результатов осмотра и обеспечивает всестороннее документирование обстановки ДТП.

В криминалистике различают съемку с одной точки неподвижной камерой – статичный кадр и съемку движущейся камерой – динамичный кадр [4, с. 342]. Традиционно фото-, видеосъемка события ДТП осуществляется лицом со штатива параллельно поверхности (плоскости) дорожного полотна либо с места водительского сиденья в кабине транспортного средства, что необходимо для обеспечения такого обзора, который наблюдал водитель автомашины, причастной к ДТП. С этой же целью может быть применена стереофото съемка. Стереоскопическая фотография – это метод получения фотоизображений, позволяющих видеть объекты в трех измерениях. Особенно полезен этот метод получения фотоизображения для фиксации мест ДТП, осмотр которых должен производиться в весьма сжатые сроки [5, с. 238]. Данный метод значительно расширяет возможности традиционной фотофиксации, позволяя более полно и объективно документировать обстановку дорожно-транспортного происшествия.

Однако по различным причинам на практике такой фотографический прием не получил широкого применения. Поэтому зачастую на фототаблице получается двухмерное изображение, запечатлевающее событие ДТП, которое не способно охватить взаиморасположение, к примеру находящихся друг за другом объектов, так как иногда невозможно найти такую точку съемки, которая позволила бы запечатлеть положение этих объектов со стороны, откуда обеспечивается необходимое обозрение. К тому же, когда возникает необходимость запечатления события ДТП на оживленных дорогах крупных городов, на открытой или горной местности, в ограниченном пространстве (в туннелях и под мостами), появляются определенные трудности, связанные с отсутствием физической возможности найти оптимальную точку для осуществления фото-, видеосъемки.

В таких случаях фото- или видеосъемка, произведенная с удобного и безопасного места, не может полностью охватить события и сопряжена с опасностью для жизни и здоровья лица, осуществляющего данное действие. Например, при пожарах, при необходимости фото-, видеофиксации на

крутых склонах гор, в туннелях и при других аналогичных обстоятельствах. Поэтому возникает необходимость в ином, более приемлемом способе запечатления события, поиске и выборе такой точки для съемки, которая позволила бы обеспечить полноценную, быструю и безопасную фиксацию места осмотра. Необходимо отметить, что соответствующие требования к фиксации осмотра места происшествия предъявляет и уголовно-процессуальное законодательство.

Современные БПЛА предоставляют следователям уникальные возможности для фиксации и анализа обстановки на месте ДТП, которое содержит критически важную информацию, утрата которой при неграмотном осмотре может быть невосполнимой, в режиме реального времени, а именно:

- оценивать масштабы и особенности ДТП;
- оперативно корректировать границы осмотра;
- координировать действия сотрудников на месте;
- выявлять неочевидные на первый взгляд детали ДТП;
- детально документировать обстановку ДТП;
- исключать риск повреждения следов передвижения транспортного средства и иных предметов;
- осуществлять прямую передачу фото- и видеоматериалов следователю без искажений;
- охватывать обширные и труднодоступные участки (сложные участки дорог).

В таких случаях применение БПЛА для аэрофото- и видеосъемки деталей происшествия может быть не только дополнительным к традиционным технико-криминалистическим средством фиксации места происшествия, но и единственным возможным самостоятельным средством в конкретной оперативной ситуации, способным выполнять традиционные виды фотосъемки, применяемые при осмотре места происшествия:

- ориентирующую – для фиксации общего вида места происшествия с привязкой к окружающей территории;
- обзорную – для фиксации непосредственно самого места происшествия;
- узловую – для фиксации крупным планом места соприкосновения столкнувшихся машин в момент удара;
- детальную – для фиксации непосредственно самих следов столкновения.

Использование беспилотных технологий позволяет преодолеть ограничения традиционных методов осмотра, обеспечивая полную, точную и объективную фиксацию обстоятельств ДТП.

Несмотря на теоретическую ценность стереофотограмметрии, на практике этот метод фиксации применяется достаточно редко. В результате большинство фототаблиц содержат лишь плоские двумерные изображения, которые не позволяют

достоверно передать пространственное соотношение объектов, особенно когда они расположены на разной глубине относительно точки съемки. Существующие методики часто не учитывают реальные сложности, возникающие при документировании ДТП в различных условиях:

- в городской среде (высокая интенсивность движения затрудняет выбор безопасной точки съемки; архитектурные элементы ограничивают обзорность);
- на сложном рельефе (ограниченная мобильность в туннелях и под мостами);
- в опасных ситуациях (в условиях плохой видимости или нестабильного покрытия).

Фотофиксация играет ключевую роль в уголовном судопроизводстве, являясь важнейшим способом документирования доказательств при проведении следственных мероприятий. Фотографические изображения обеспечивают наглядное восприятие объектов в их пространственной взаимосвязи, значительно превосходя по информативности текстовые описания в протоколах. Особенно значимо применение фотографии при осмотре места происшествия, где она служит основным инструментом визуализации обстановки. Современные фотоматериалы позволяют детально зафиксировать пространственное расположение объектов и следов, сохранить и впоследствии анализировать доказательственную информацию, наглядно продемонстрировать обстоятельства преступления в ходе расследования и судебного процесса.

Традиционные методы фотографирования имели существенное ограничение – невозможность качественной фиксации обширных территорий или удаленных друг от друга объектов. Прорывом в этом направлении стало применение беспилотных авиационных систем, которые обеспечивают многоуровневую съемку (от общего плана к деталям), непрерывную дистанционную фиксацию.

Аэрофотосъемка с БПЛА дает уникальную возможность:

- получать панорамные изображения сверху вниз;
- анализировать взаимное расположение удаленных объектов;
- документировать следы на протяженных территориях;
- работать в условиях, когда прямой доступ к месту происшествия невозможен.

Таким образом, интеграция беспилотных технологий в криминалистическую практику значительно расширила возможности фотофиксации, обеспечив принципиально новый уровень документирования следов преступления [6, с. 286].

Проведенное исследование материалов уголовных дел, включая анализ фототаблиц к протоколам осмотров мест ДТП, выявило существенные

проблемы в документальной фиксации обстановки происшествий. В ходе изучения установлено, что полноценное отображение картины дорожного происшествия часто оказывается невозможным в силу таких факторов, как стесненные пространственные параметры участка дороги, особенности ландшафта и рельефа местности, высокая концентрация транспортных средств на месте происшествия, невозможность для специалиста следственно-оперативной группы запечатлеть единую картину события, затруднения при последующем анализе материалов лицами, не присутствовавшими на месте (прокурорскими работниками, защитниками, судьями), риск ошибочной оценки доказательственной базы. Особую значимость данная проблема приобретает в контексте важной роли указанных участников процесса в раскрытии и расследовании дорожно-транспортных происшествий. Отсутствие целостного визуального представления о месте ДТП может существенно повлиять на объективность оценки собранных доказательств и, как следствие, на результаты расследования [7, с. 285].

Использование БПЛА соответствует современным требованиям к криминалистической фиксации и открывает новые возможности для качественного документирования обстановки дорожно-транспортных происшествий.

Осмотр места происшествия представляет собой ключевое следственное действие, в ходе которого следователи и специалисты используют технические средства для повышения эффективности работы. Особое значение при этом имеет качественная фото- и видеофиксация процесса осмотра, позволяющая запечатлеть важные детали, которые могут быть упущены при составлении протокола [8, с. 42].

Особую доказательственную ценность на месте ДТП, особенно в отсутствие видеозаписи, имеют следы шин транспортных средств, образовавшиеся в том числе при резких маневрах, которые требуют своевременного обнаружения, точной пространственной привязки и детальной фиксации всеми традиционными способами (описание, зарисовка, фотографирование) [9, с. 82]. Однако на традиционные методы фиксации протяженных или сложных следов на асфальте зачастую может уйти значительное время, и они могут быть неполными из-за человеческого фактора и ограниченного угла обзора. Именно в этом контексте применение БПЛА приобретает ключевое значение, позволяя быстро и бесконтактно зафиксировать всю картину следообразования с высоты, создать ортомозаику для точных измерений и обеспечить безупречную визуализацию для последующего экспертного анализа.

Современным решением в области документации места происшествия стало применение БПЛА. Этот термин объединяет различные виды автоном-

ных летательных средств, включая мультикоптеры, дроны, квадрокоптеры.

Преимущества использования БПЛА, в частности квадрокоптеров, особенно очевидны при осмотре труднодоступных участков. К таким преимуществам можно отнести гибкость съемки, возможность регулировки высоты, получение изображений в реальном времени, съемку под различными углами, сокращение числа задействованных специалистов, быстрое обследование обширных территорий, высокое качество получаемых материалов.

Как отмечает Е.С. Липка, применение БПЛА особенно оправдано при работе на больших площадях и в труднодоступных местах. Технология позволяет получать качественные снимки без необходимости мобилизации значительных человеческих ресурсов [10, с. 24]. Особую ценность БПЛА представляют при решении таких сложных задач, как точная привязка места происшествия к местности, измерение параметров на сложном рельефе, документирование происшествий в лесных массивах, фиксация обстановки на промышленных объектах. Кроме того, использование беспилотных технологий открывает новые возможности для следственной практики, обеспечивая объективность фиксации, полноту документации, безопасность проведения осмотра, эффективность использования ресурсов.

Современный подход предполагает разделение процесса осмотра на два этапа:

1. Первый этап (оперативный) (фиксация положения транспортных средств, документирование следов на проезжей части, общая фото- и видеофиксация). Время проведения – 10–15 мин; основная цель – скорейшее освобождение проезжей части.

2. Второй этап (детальный) (подробный осмотр транспортных средств, исследование вещественных доказательств, экспертные измерения и анализ). Может проводиться вне места ДТП.

Реализация данного подхода позволит значительно снизить негативное влияние осмотров ДТП на транспортную инфраструктуру мегаполисов, сохраняя при этом качество следственных действий [11, с. 66]. В связи с чем для сокращения времени первичного осмотра необходимо:

- использование мобильных измерительных комплексов;
- применение лазерных сканирующих систем;
- автоматизированная фотофиксация с геопривязкой;
- мобильные приложения для схем ДТП;
- внедрение автоматизированных систем фиксации ДТП;
- использование БПЛА для оперативной съемки;
- создание мобильных лабораторий для работы на месте.

Не секрет, что успешное расследование ДТП напрямую зависит от полноты и качества собранных доказательств. Наиболее критичным звеном в этом процессе является первичный осмотр места дорожно-транспортного происшествия. К сожалению, на практике именно здесь совершается большинство грубейших ошибок, которые значительно затрудняют, а порой делают невозможным объективное установление истины. Неквалифицированный осмотр – это не просто недочет, а серьезнейшее упущение, приводящее к невозможной утрате ключевых данных и искажению картины происшествия.

Кроме того, отсутствует привязка к элементам дороги и транспортным средствам: без точного указания местоположения следов (например, тормозного пути, следов скольжения) относительно дорожной разметки, знаков, транспортных средств реконструкция событий становится невозможной или крайне затруднительной. Не выявляется характер образования обнаруженных следов. Например, не определяется тип торможения, скорость движения транспортных средств до столкновения, направление удара. Все это приводит к неполной и искаженной картине происшествия и невозможной утрате вещественных доказательств.

Современная тенденция в расследовании ДТП заключается не в замене, а в синергии традиционных и цифровых методов. Ключевым критерием становится повышение эффективности всей системы. В этом контексте цифровое 3D-моделирование и анимация происшествия, о которых пишут С.Е. Савотченко и В.Л. Акапьев [12, с. 21], решают задачу визуализации и реконструкции уже собранных данных. Предлагаемая же в статье технология применения БПЛА решает первоочередную задачу – оперативное, полное и точное собирание этих самых данных. Таким образом, беспилотные системы и компьютерная анимация представляют собой смежные, но разные технологические звенья одной цепи: первое обеспечивает безупречную исходную информацию, второе – ее наглядное представление для анализа и доказывания.

Использование БПЛА при фиксации ДТП – это эффективный инструмент, сочетающий скорость, точность и безопасность, являющийся неотъемлемой частью современных следственных действий. Для его широкого внедрения необходимо обеспечить следователей специализированным оборудованием, ввести программы обучения работе с беспилотными технологиями, обучить операторов основам пилотирования и криминалистики, разработать единые методики применения БПЛА (стандарты съемки, порядок обработки данных), так как данное направление имеет значительный потенциал для оптимизации следственной практики и повышения качества расследования дорожных происшествий.

Литература

1. **Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф.** Тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия с использованием беспилотных летательных аппаратов // *Безопасность дорожного движения*. – 2025. – № 3 (38). – С. 43–48.
2. **Дизер О.А., Абдулманова И.В.** Совершенствование правового регулирования применения специальных технических средств фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2023. – № 2 (95). – С. 39–46.
3. **Пудовкин А.А., Теткин Д.В., Бондарев Д.В.** Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. – 2022. – № 3. – С. 104–111.
4. **Белкин Р.С.** Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 837 с.
5. *Криминалистика* / под ред. проф. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. – Москва, 1987. Т. 1. – 384 с.
6. **Легчилкин А.В.** Фотографирование и видеосъемка мест происшествий с использованием беспилотных летательных аппаратов // *Следственная деятельность: наука, образование, практика*. – 2021. – № 1. – С. 285–289.
7. **Прокофьева Е.В., Прокофьева О.Ю.** Возможности применения квадрокоптера DJI mini 3 Pro при осмотре места происшествия по факту ДТП / *Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы Международной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 30 ноября 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 284–287.
8. **Долженко Н.И., Самсонов Д.Д.** Использование беспилотных летательных аппаратов при производстве осмотра места происшествия / *Криминалистические чтения на Слобожанщине: сборник трудов Международной научно-практической конференции*, Белгород, 8 октября 2021 г. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 42–45.
9. **Бадиков Д.А., Сучков А.И.** Бесконтактные дорожно-транспортные преступления: особенности расследования // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2024. – № 1 (40). – С. 78–83.
10. **Липка Е.С.** Процессуальные и организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия по насильственным преступлениям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.
11. **Семенов Е.А.** Использование специальных знаний при установлении механизма совершения преступлений в области дорожного движения (российский и зарубежный опыт) // *Безопасность дорожного движения*. – 2023. – № 2. – С. 60–66.
12. **Савотченко С.Е., Акапьев В.Л.** Цифровые технологии визуализации информации при моделировании дорожно-транспортных происшествий // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. – 2025. – № 1. – С. 17–24.

References

1. **Chaplygina V.N., Vasyukov V.F.** Takticheskie osobennosti osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestiya s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov // *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya*. – 2025. – № 3 (38). – S. 43–48.
2. **Dizer O.A., Abdulmanova I.V.** Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya primeneniya spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv fotovideofiksatsii pravonarushenii v oblasti dorozhnogo dvizheniya // *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova*. – 2023. – № 2 (95). – S. 39–46.
3. **Pudovkin A.A., Tetkin D.V., Bondarev D.V.** Osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestiya, mestnosti v trudnodostupnykh mestakh i pri dorozhno-transportnom proisshestvii s pomoshch'yu primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. – 2022. – № 3. – S. 104–111.
4. **Belkin R.S.** Kurs kriminalistiki: ucheb. posobie dlya vuzov. – 3-e izd., dop. – Moskva: YUNITI-DANA, 2001. – 837 s.
5. *Kriminalistika* / pod red. prof. R.S. Belkina, V.P. Lavrova, I.M. Luzgina. – Moskva, 1987. T. 1. – 384 s.
6. **Legchilkin A.V.** Fotografirovanie i videos'emka mest proisshestvii s ispol'zovaniem bespilotnykh letatel'nykh apparatov // *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika*. – 2021. – № 1. – S. 285–289.
7. **Prokofeva E.V., Prokofeva O.Yu.** Vozmozhnosti primeneniya kvadrokoptera DJI mini 3 Pro pri osmotre mesta proisshestiya po faktu DTP / *Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Sankt-Peterburg, 30 noyabrya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2024. S. 284–287.
8. **Dolzhenko N.I., Samsonov D.D.** Ispol'zovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov pri proizvodstve osmotra mesta proisshestiya / *Kriminalisticheskie chteniya na Slobozhanshchine: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Belgorod, 8 oktyabrya 2021 g. – Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2021. S. 42–45.
9. **Badikov D.A., Suchkov A.I.** Beskontaknye dorozhno-transportnye prestupleniya: osobennosti rassledovaniya // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. – 2024. – № 1 (40). – S. 78–83.
10. **Lipka E.S.** Protseessual'nye i organizatsionno-takticheskie aspekty osmotra mesta proisshestiya po nasil'stvennym prestupleniyam: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2012. – 25 s.
11. **Seменов Е.А.** Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri ustanovlenii mekhanizma soversheniya prestuplenii v oblasti dorozhnogo dvizheniya (rossiiskii i zarubezhnyi opyt) // *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya*. – 2023. – № 2. – S. 60–66.
12. **Savotchenko S.E., Akap'ev V.L.** Tsifrovye tekhnologii vizualizatsii informatsii pri modelirovanii dorozhno-transportnykh proisshestvii // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. – 2025. – № 1. – S. 17–24.

(статья сдана в редакцию 28.01.2026)

**Беспилотные полупогружные надводные аппараты:
инновации для комплексного наблюдения и инспекции
в интересах правоохранительных органов**

**Unmanned semi-submerged surface vessels: innovations
for complex surveillance and inspection in the interests of law
enforcement agencies**

УДК 351.81:629.5

Д.С. Зинченко

(ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
Россия, Москва)
dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

Dmitriy S. Zinchenko

(FGI SPA SET of MIA RF,
Moscow, Russia)

А.Р. Прието

(ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
Россия, Москва)
andrey-papai-73@mail.ru

Andrey R. Prieto

(FGI SPA SET of MIA RF,
Moscow, Russia)

Аннотация: современные вызовы и угрозы, а также складывающаяся геополитическая картина мира обуславливают необходимость применения правоохранительными органами принципиально новых высокотехнологичных решений, образцов техники и средств. Активное использование беспилотных аппаратов является закономерным этапом технологической эволюции правоохранительных органов. В условиях современных реалий это позволяет не только парировать существующие вызовы, но и формировать будущий криминологический облик преступности в целях выработки контрмер для обеспечения безопасности и правопорядка. В статье основное внимание сосредоточено на беспилотных полупогружных надводных аппаратах. Актуальность их интеграции диктуется растущей изощренностью противоправной деятельности, а также в большей степени смещением угроз национальной безопасности в акваториальную сферу, на обширные морские границы, прибрежные зоны и стратегически важные портовые комплексы. Противодействие таким противоправным явлениям, как транснациональная контрабанда, нелегальная миграция, браконьерство и диверсии на объектах критической инфраструктуры, посредством использования традиционных методов и способов, сил и средств является малоэффективным. В этой связи авторами исследуются перспективы внедрения многофункциональных беспилотных полупогружных надводных аппаратов, имеющих уникальную конструкцию, которая обеспечивает значительное превосходство в автономности, скрытости и устойчивости к погодным условиям, в деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В статье подробно описаны тенденции развития беспилотных полупогружных надводных аппаратов, их ключевые преимущества в деятельности правоохранительных органов, а также практические векторы внедрения беспилотных полупогружных надводных аппаратов в интересах обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: беспилотный полупогружной надводный аппарат; правоохранительные органы; поиск; обследование; мониторинг; критическая инфраструктура; водные объекты; безопасность

Для цитирования: Зинченко Д.С., Прието А.Р. Беспилотные полупогружные надводные аппараты: инновации для комплексного наблюдения и инспекции в интересах правоохранительных органов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 100–105.

Abstract: modern challenges and threats, as well as the evolving geopolitical landscape, necessitate law enforcement agencies to employ fundamentally new high-tech solutions, equipment, and resources. The active use of unmanned aerial vehicles is a natural step in the technological evolution of law enforcement. In today's realities, this not only helps address existing challenges but also shapes the future criminological profile of crime to develop countermeasures to ensure security and law and order. This article focuses on unmanned semi-submersible surface vehicles. The relevance of their integration is dictated by the growing sophistication of illegal activity, as well as the increasing shift of national security threats to the aquatic sphere, encompassing vast maritime borders, coastal

zones, and strategically important port facilities. Combating such illegal phenomena as transnational smuggling, illegal migration, poaching, and sabotage of critical infrastructure using traditional methods, means, and resources is ineffective. In this regard, the authors explore the prospects for integrating multifunctional unmanned semi-submersible surface vehicles, which boast a unique design that provides significant advantages in autonomy, stealth, and weather resistance, into the work of law enforcement agencies in the Russian Federation. The article describes in detail the development trends of unmanned semi-submersible surface vehicles, their key advantages in law enforcement operations, and practical vectors for implementing them in the interests of national security.

Keywords: unmanned semi-submersible surface vehicle; law enforcement agencies; search; survey; monitoring; critical infrastructure; water facilities; security

For citation: Zinchenko D.S., Prieto A.R. Unmanned semi-submerged surface vessels: innovations for complex surveillance and inspection in the interests of law enforcement agencies // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 100–105.

В условиях стремительной глобализации и технологической революции, цифровизации и роботизации происходит трансформация всех сфер жизнедеятельности, связанная с активной интеграцией интеллектуальных платформ, автономных систем, беспилотных комплексов и аппаратов, способных существенно повысить безопасность труда, экономическую эффективность и производительность, а также оптимизировать традиционные модели развития общества [1, с. 16].

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к беспилотным аппаратам и системам, в числе которых беспилотные полупогружные надводные аппараты (далее – БПНА). Сегодня БПНА – это не просто инновационный продукт, а стратегический элемент реструктуризации морской акватории, отвечающий современным потребностям в автономии, безопасности и эффективности морских операций.

Развитие БПНА занимает уникальную нишу в морской экосистеме, сочетая преимущества надводных и подводных платформ. Традиционные подходы к выполнению задач на водных объектах требуют привлечения большого количества сил и средств, что влечет за собой значительные экономические и операционные издержки. Кроме того, работа в сложных гидрометеорологических условиях зачастую сопряжена с рисками и опасностью для здоровья и жизни людей. В этой связи применение БПНА является чрезвычайно актуальным направлением, позволяющим решить описанные проблемы.

Текущие тенденции развития и активной интеграции БПНА связаны с комплексом технологических, экономических и стратегических факторов:

1. Инновационные технологические решения. Разработки БПНА последних лет характеризуются масштабным и интенсивным применением искусственного интеллекта [2, с. 29], машинного обучения и датчиков высокой точности, что значительно повышает автономность и надежность БПНА.

2. Расширение границ морской деятельности. Мир осваивает водные объекты все интенсивнее, и традиционные способы и приемы часто слишком дороги, рискованны или непрактичны для решения узкоспециализированных задач. БПНА заполняют эту сферу, позволяя работать в труднодоступных районах и проводить длительные миссии.

3. Повышение рентабельности и безопасности. Эксплуатация БПНА обходится в разы дешевле, чем содержание экипажного научно-исследовательского или патрульного судна, а также не сопряжена с рисками для человеческих жизней.

4. Растущий спрос со стороны ключевых отраслей. Конкретные задачи стимулируют применение БПНА в структуре силовых ведомств (патрулирование, разведка, противолодочные операции и т.д.), в коммерческом секторе (автономные логистические операции), научных исследованиях (околоокеанские наблюдения, гидрография) [3, с. 14] и многих других отраслях.

Вместе с тем интенсивное внедрение БПНА обусловливается их техническими особенностями и преимуществами:

- стабильностью и всепогодностью (полупогруженное положение БПНА обеспечивает высокую устойчивость даже при значительном волнении, что позволяет проводить работы в условиях, непригодных для различных маломерных судов и водолазов);

- скрытостью и низкой заметностью (в большинстве случаев БПНА имеют конструкцию с минимальной надводной частью, что делает их мало заметными как для визуального наблюдения, так и для обнаружения радиолокационными системами);

- высокой точностью позиционирования (БПНА оснащаются высокоточными системами спутниковой навигации (GPS, ГЛОНАСС, Beidou и др.), что позволяет с высокой точностью определять и привязывать обнаруженные объекты к координатам и создавать детальные карты объектов);

- длительной автономностью и дистанционным управлением (БПНА способны работать по заранее

заданному маршруту в течение нескольких часов, управляясь оператором с берега или с сопровождающего судна);

- экономической эффективностью (эксплуатация БПНА не требует привлечения крупных судов, многочисленной команды и сложных процедур, связанных с процессами спуска/подъема, как в случае с иными видами судов и аппаратов);

- минимизацией воздействия на окружающую среду (большинство БПНА работают на электроэнергии с использованием возобновляемой энергии и гибридных силовых установок, что обуславливает снижение акустического загрязнения и выбросов в атмосферу и воду, а также предотвращение физического воздействия на фауну и минимизацию экологического следа при производстве и утилизации и является зеленой технологией).

Таким образом, растущий интерес к БПНА связан не только с возникающими экономико-технологическими потребностями, но и с их функциональными возможностями, выступающими перспективным инструментом для различных сфер деятельности. Сегодня передовые модели БПНА применяют в поиске и обследовании различных объектов, в частности затонувших, обследовании морского дна и шельфа, мониторинге морской среды и ее охране, создании карт и поиске полезных ископаемых, обеспечении безопасности и проведении спасательных операций, различных научных исследованиях и т.д.

БПНА имеют широкие перспективы использования также в правоохранительной деятельности. Современная геополитическая картина мира и оперативная обстановка, связанная с появлением новых видов и моделей угроз на водных рубежах и со смещением среды этих угроз от дальних акваторий ближе к государственным границам, требует выработки и применения новых мер по своевременному выявлению противоправной деятельности, силовой поддержке и проведению различных операций в прибрежных районах и на внутренних водных путях.

Интеграция БПНА в арсенал правоохранительных органов обусловлена комплексом оперативных и технологических факторов:

1. Рост преступности на акваториях. На сегодняшний день прослеживаются учащение случаев сокрытия вещественных доказательств на водных объектах, активное использование водных путей для контрабандной деятельности [4, с. 140], а также попытки совершения и совершение диверсий в условиях проведения специальной военной операции.

2. Недостатки традиционных методов. Традиционные методы выполнения оперативных задач (осмотр мест происшествий, траление, водолазные спуски) обладают низкой эффективностью и высокой трудоемкостью ввиду обследования боль-

ших водных площадей, частых ограничений из-за погодных условий, а также создания повышенной опасности для жизни и здоровья специалистов и недостаточной точности документирования местоположения объектов.

3. Тактические преимущества. Сочетание оперативной гибкости и круглосуточного функционирования в любых погодных условиях, скрытости и высокой точности позиционирования, экономичности и технологической мощи делает БПНА незаменимым инструментом для обеспечения правопорядка, безопасности и суверенитета в морских пространствах в XXI веке.

Кроме того, вышеуказанные обстоятельства и факторы, а также активное использование злоумышленниками всех доступных технологий и достижений науки диктуют настоятельную потребность в применении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации высокотехнологичных и эффективных средств, в частности БПНА, для решения широкого круга задач.

Внедрение БПНА в деятельность подразделений МВД России позволяет эффективно решать следующие задачи:

- патрулирование акватории;
- оперативный мониторинг и наблюдение за надводной обстановкой с передачей видеoinформации в реальном времени на пункт управления или в центр принятия решений;
- поиск, обнаружение, распознавание (идентификация) и сопровождение (слежение) интересующих физических лиц и судов в акватории;
- поиск, определение местонахождения и спасение потерявшихся, терпящих бедствие и оказавшихся в беспомощном состоянии людей;
- скрытое наблюдение, фото- и видеофиксация действий подозреваемых при проведении оперативно-разыскных мероприятий;
- контроль обстановки при проведении культурно-зрелищных, публичных, спортивных и иных массовых мероприятий в акватории оперативного обслуживания и вдоль береговой линии;
- своевременное реагирование в чрезвычайных ситуациях;
- громкоговорящая трансляция голосовых сообщений (оповещение населения);
- выявление и пресечение противоправной деятельности в акватории и на объектах водной инфраструктуры;
- поиск и обследование подводных объектов на предмет повреждений, актов незаконного вмешательства;
- документирование противоправной деятельности, сбор визуальной информации и размерных характеристик обстановки с мест происшествий, отыскание орудий и средств совершения преступления;

– криминалистическая экспертиза на месте происшествия в надводной и подводной средах.

Вместе с тем БПНА находятся лишь в начале своего широкого применения. В перспективе они превратятся из специализированных инструментов в универсальные, интеллектуальные и сетевые платформы, которые будут интегрированы во все ключевые сферы экономики и безопасности. Их эволюция будет определяться несколькими взаимосвязанными трендами:

– активным развитием и полномасштабной интеграцией глобальных систем искусственного интеллекта и машинного обучения [5, с. 148]. Перспективным направлением станет переход от дистанционного управления к полной автономности. Современные алгоритмы, обученные на обширных базах данных гидролокационных и оптических изображений, позволят научить БПНА автоматической классификации объектов, оптимизации маршрутов поиска посредством обширного анализа карт течений, данных о рельефе дна и различной статистической информации, прогностической аналитике, что предоставит возможность БПНА проактивно обследовать потенциально опасные участки;

– переходом на инновационные энергетические системы и сверхзащищенные каналы связи. В гонке за трансформацией будущего и цифровым суверенитетом ключевыми элементами глобального развития будут выступать внедрение водородных топливных элементов, позволяющих увеличить дальность автономной работы, а также разработка квантовых каналов связи, создающих условия для обеспечения абсолютной помехоустойчивости и невозможности перехвата управляющих команд, что критически важно для правоохранительной деятельности;

– использованием модульных платформ и технологий роевого взаимодействия. Передовые модели БПНА будут представлять унифицированную базовую платформу со стандартизированными интерфейсами для быстрой смены полезной нагрузки и адаптации под конкретные оперативные задачи и функционировать как единый разумный организм, обмениваясь данными в реальном времени, координируя свои действия и автономно распределяя задачи между собой, что позволит создать синергию, отвечающую на стратегические и экономические вызовы будущего;

– интеграцией в сетевые системы [6, с. 135]. БПНА перестанут быть изолированными инструментами, превратившись в узлы единого технологического парка и информационного пространства, объединяющие системы, платформы и беспилотные аппараты нового поколения, а также различные базы данных, технологии дополненной реальности, которые будут способствовать принятию решений в режиме реального

времени распределенно коллективным роевым интеллектом.

С учетом вышеописанных перспектив развитие беспилотных правоохранительных органов обеспечит оптимизацию деятельности по своевременному принятию решений и выполнению широкого спектра оперативных задач.

К числу ключевых преимуществ можно отнести:

1. Повышение оперативной эффективности. Внедрение БПНА кардинально повысит эффективность подводного и надводного поиска за счет их высокой производительности и функциональности, работы в круглосуточном и всепогодном режимах. Кроме того, применение комплекса современного оборудования позволит обеспечить не только надежное обнаружение объектов, но и определение их координат.

2. Расширение оперативных возможностей и сценариев применения БПНА. БПНА, замаскированные под естественные плавучие объекты, смогут осуществлять круглосуточный скрытый контроль опор мостов, водозаборов и акваторий массовых мероприятий, оперативно передавая данные о подозрительной активности. Одновременно БПНА, оснащенные различными датчиками, в рамках автоматизированного обследования водных объектов и поиска вещественных доказательств будут способны за несколько часов предоставить детальную карту, цифровые данные с автоматически распознанными и классифицированными аномалиями, ранжированными по степени опасности, а также возможностью цифровой реконструкции места происшествия (3D-модель участка).

3. Обеспечение безопасности личного состава. Использование БПНА приведет к повышению безопасности оперативной деятельности и значительному снижению психофизиологической нагрузки на оператора, сводя к нулю риск для здоровья и жизни сотрудников органов внутренних дел и обеспечивая комфортные условия несения службы, что оптимизирует выполнение задач.

4. Экономическая целесообразность. Интеграция БПНА в деятельность подразделений МВД России дает возможность значительно сократить прямые затраты за счет исключения расходов на дополнительное привлечение сил и средств иных сфер и снижения страховых и компенсационных издержек, а также оптимизировать распределение личного состава для решения других задач.

Таким образом, проведенный анализ современных тенденций и перспектив развития БПНА позволяет констатировать их уникальность и растущий потенциал. Переход к повсеместному использованию БПНА – это трансформационная технология, способная кардинально изменить традиционные подходы в решении широкого спектра задач.

В свою очередь, применение БПНА в правоохранительной деятельности и внедрение комплексов на их базе в арсенал подразделений МВД России, особенно в регионах с развитой водной инфраструктурой, является своевременной и стратегически важной мерой. Уникальные возможности БПНА в области скрытности, автономности, устойчивости к морским условиям, а также современные тренды развития роевых технологий и создания интегрированных информационных систем превращают их в высокоэффективные многофункциональные комплексы, оптимизирующие деятельность полиции на водных объектах. Своевременная реализация потенциала БПНА позволит обеспечить качественное превосходство правоохранительных органов в борьбе с преступностью на водных объектах. При этом их интеграция требует комплексного подхода с учетом технических, правовых и организационных аспектов, что обеспечит законность и результативность применения БПНА в интересах общественной без-

опасности и общественного порядка. В этой связи полагаем целесообразным:

- организовать разработку обоснованных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок применения БПНА в части, касающейся протоколов взаимодействия с гражданскими судами, процедур санкционирования выхода на задание и применения средств наблюдения, правового статуса собранных данных и т.д.;
- сформировать профессиональные стандарты и образовательные программы с целью системной подготовки и легитимизации новых высококвалифицированных кадров по применению БПНА;
- разработать, с учетом тактико-технических требований, концепцию универсальной платформы БПНА с модульной библиотекой целевых нагрузок;
- на базе одного из региональных управлений МВД России создать пилотный оперативно-тактический центр для апробации и отработки в реальных условиях всей экосистемы применения БПНА.

Литература

1. Организационно-правовые основы применения беспилотных воздушных судов и подготовки личного состава к противодействию противоправному их функционированию в условиях специальных правовых режимов: учебно-методическое пособие / А.Н. Александров, О.А. Дизер, А.А. Коник [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 71 с. – EDN HMENPF.
2. **Петров А.С.** Искусственный интеллект в беспилотных морских системах // Информационные технологии в правоохранительной деятельности. – 2023. – № 4 (15). – С. 28–35.
3. **Смирнов К.Л.** Применение гидроакустических комплексов для поиска подводных объектов // Техника и вооружение. – 2020. – № 5. – С. 12–17.
4. **Семенцова И.А., Федорова Е.А.** Преступления в сфере транспорта: криминологический аспект и специфика уголовно-правовой оценки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 139–145. – EDN RYHLSI.
5. **Шудрик М.В.** Роль искусственного интеллекта в современных военных конфликтах // Исторический бюллетень. – 2025. – Т. 8. № 3. – С. 147–154. – EDN QPZLKW.
6. **Сидоров В.М., Козлов Е.А.** Сетецентрические системы управления в органах внутренних дел. – Санкт-Петербург: Политехнический ун-т, 2023. – 210 с.
7. **Викторов Р.В., Кнуров М.В.** Безэкипажный катер – обучающий робототехнический комплекс с модульной сменной полезной нагрузкой // Вестник военного образования. – 2022. – № 4 (37). – С. 79–82.
8. **Майстро А.С., Глухов А.С., Сидоренко Д.Д.** Система управления надводными беспилотными платформами // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2023. – № 11. – С. 534–537.
9. Рекомендации по применению беспилотных технологий при проведении следственных действий на водных объектах / под ред. Н.Ф. Глушкова. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 78 с.
10. **Шипилов И.С., Сушков В.И., Кубасов И.А.** Безэкипажный катер для подразделений МВД России: основные задачи применения и технические характеристики // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 4. – С. 61–69.

References

1. Organizatsionno-pravovye osnovy primeneniya bespilotnykh vozdushnykh sudov i podgotovki lichnogo sostava k protivodeistviyu protivopravnomu ikh funktsionirovaniyu v usloviyakh spetsial'nykh pravovykh rezhimov: uchebno-metodicheskoe posobie / A.N. Aleksandrov, O.A. Dizier, A.A. Konik [i dr.]. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2025. – 71 s. – EDN HMENPF.
2. **Petrov A.S.** Iskusstvennyi intellekt v bespilotnykh morskikh sistemakh // Informatsionnye tekhnologii v pravookhranitel'noi deyatel'nosti. – 2023. – № 4 (15). – S. 28–35.
3. **Smirnov K.L.** Primenenie gidroakusticheskikh kompleksov dlya poiska podvodnykh ob'ektov // Tekhnika i vooruzhenie. – 2020. – № 5. – S. 12–17.

4. **Sementsova I.A., Fedorova E.A.** Prestupleniya v sfere transporta: kriminologicheskii aspekt i spetsifika ugovno-pravovoi otsenki // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – S. 139–145. – EDN RYHLSI.
5. **Shudrik M.V.** Rol' iskusstvennogo intellekta v sovremennykh voennykh konfliktakh // Istoricheskii byulleten'. – 2025. – T. 8. № 3. – S. 147–154. – EDN QPZLKW.
6. **Sidorov V.M., Kozlov E.A.** Setsetricheskie sistemy upravleniya v organakh vnutrennikh del. – Sankt-Peterburg: Politekhnikeskii un-t, 2023. – 210 s.
7. **Viktorov R.V., Knurov M.V.** Bezopazhnyi kater – obuchayushchii robototekhnicheskii kompleks s modul'noi smennoi poleznoi nagruzkoj // Vestnik voennogo obrazovaniya. – 2022. – № 4 (37). – S. 79–82.
8. **Maistro A.S., Glukhov A.S., Sidorenko D.D.** Sistema upravleniya nadvodnymi bespilotnymi platformami // Izvestiya TulGU. Tekhnicheskie nauki. – 2023. – № 11. – S. 534–537.
9. Rekomendatsii po primeneniyu bespilotnykh tekhnologii pri provedenii sledstvennykh deistvii na vodnykh ob"ektakh / pod red. N.F. Glushkova. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. – 78 s.
10. **Shipilov I.S., Sushkov V.I., Kubasov I.A.** Bezopazhnyi kater dlya podrazdelenii MVD Rossii: osnovnye zadachi primeneniya i tekhnicheskie kharakteristiki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 4. – S. 61–69.

(статья сдана в редакцию 09.01.2026)

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Междисциплинарная связь физической и огневой подготовки в системе МВД России

Interdisciplinary connection between physical and firearms training in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 796:623.5

В.Ю. Дубровский,
кандидат социологических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
d.d.d.vlad@rambler.ru

Vladislav Yu. Dubrovsky,
Candidate of Sociological Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрена междисциплинарная связь физической и огневой подготовки в системе МВД России как неотъемлемое условие для формирования высококвалифицированного, физически развитого и психологически устойчивого сотрудника органов внутренних дел, готового к эффективному выполнению самых сложных задач. Занятия по огневой подготовке, как и в целом профессиональная подготовка, в системе МВД России определяют высокие требования для сотрудников полиции. Для получения хороших результатов по огневой подготовке сотруднику полиции необходимо быть физически подготовленным, обладать развитыми силовыми качествами и выносливостью, а также отличной координацией. К сотрудникам регулярно повышаются требования для достижения эффективности и готовности к действиям в экстремальных условиях. Успешное выполнение задач в таких условиях напрямую зависит от уровня физической подготовленности. Высокий уровень физической подготовки не просто улучшает общефизические показатели, но напрямую влияет на меткость стрельбы, скорость реакции, точность прицеливания, устойчивость к стрессовым ситуациям в процессе выполнения боевых задач. Физическая усталость значительно снижает эффективность стрельбы, увеличивает вероятность ошибок и травм. Эффективная огневая подготовка требует рационального распределения ресурсов и времени. Интеграция физической подготовки в тренировочный процесс огневой подготовки дает возможность повысить результативность обучения, сократить время достижения необходимого уровня мастерства и минимизировать риски получения травм. Актуальность статьи обусловлена необходимостью определения оптимальных параметров физической подготовки для повышения эффективности огневой подготовки. Комплексный подход, включающий не только силовые и скоростные качества, но и психологическую устойчивость, позволяет создать более совершенную и адаптивную систему подготовки, отвечающую современным требованиям.

Ключевые слова: огневая подготовка; физическая подготовка; физическое развитие; сотрудник полиции; образовательный процесс; быстрота; ловкость; сила; эффективность обучения; технологии в образовании

Для цитирования: Дубровский В.Ю. Междисциплинарная связь физической и огневой подготовки в системе МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 106–109.

Abstract: this article examines the interdisciplinary relationship between physical and firearms training within the Russian Ministry of Internal Affairs as an essential prerequisite for developing highly qualified, physically fit, and psychologically resilient law enforcement officers, prepared to effectively perform the most challenging tasks. Firearms training, like overall professional training, within the Russian Ministry of Internal Affairs system places high demands on police officers. To achieve good results in firearms training, a police officer must be physically prepared, possess developed strength and endurance, and possess excellent coordination. Requirements for officers are regularly increased to achieve effectiveness and readiness for action in extreme conditions. Successful completion of tasks under such conditions directly depends on the level of physical fitness. A high level of physical

fitness not only improves general physical performance but also directly impacts shooting accuracy, reaction time, aiming precision, and resilience to stressful situations during combat missions. Physical fatigue significantly reduces shooting effectiveness and increases the likelihood of errors and injuries. Effective firearms training requires a rational allocation of resources and time. Integrating physical fitness into marksmanship training improves training effectiveness, reduces the time it takes to achieve the required level of proficiency, and minimizes the risk of injury. The relevance of this work stems from the need to determine optimal physical fitness parameters to enhance the effectiveness of marksmanship training. A comprehensive approach, incorporating not only strength and speed but also psychological resilience, allows for the creation of a more sophisticated and adaptive training system that meets modern requirements.

Keywords: fire training; physical training; physical development; police officer; educational process; speed; agility; strength; learning efficiency; technology in education

For citation: Dubrovsky V.Yu. Interdisciplinary connection between physical and firearms training in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 106–109.

Профессиональная подготовка сотрудников полиции – это фундамент их службы. Ее ключевая опора – физическая и огневая подготовка, что позволяет специалисту уверенно и эффективно выполнять служебные обязанности, действовать в сложных ситуациях и обеспечивать собственную безопасность.

Поэтому в течение года личный состав регулярно посещает занятия по физической и огневой подготовке. Это целенаправленный процесс совершенствования навыков. Завершается данный цикл итоговой проверкой, где оценивается реальный уровень мастерства, достигнутый за год, и готовность к выполнению задач по службе.

Отсюда следует, что сотрудник полиции, которому необходимо выполнить контрольные упражнения по стрельбе, должен уже обладать необходимыми физическими данными. Следует указать, какие конкретные параметры способствуют получению высоких результатов в стрельбе из оружия. Для достижения стабильных показателей в стрельбе необходимо уделять внимание развитию мышц кисти. Они играют ключевую роль в обеспечении точности и устойчивости при выполнении выстрелов.

А.А. Юрьев подчеркивает важность физической подготовки стрелка, включая развитие мышц брюшного пресса, рук и ног. Это позволяет сохранять высокую работоспособность и качество выстрелов даже при длительных сериях стрельбы [1, с. 52].

Также важно уметь расслаблять мышцы, не участвующие в удержании тела и нажатии на спусковой крючок, что помогает избежать лишнего напряжения, которое может негативно сказаться на результате. Кроме того, сильные мышцы, задействованные в дыхании, позволяют стрелку комфортно дышать даже в положении лежа, когда грудная клетка испытывает некоторое давление.

Еще один важный аспект – быстрая реакция, точность движений и чувство равновесия. Эти

качества помогают стрелку быстро и точно наводить оружие на цель и выполнять выстрел.

Правильная стойка при стрельбе также играет ключевую роль. Для ее формирования необходимо учитывать два основных фактора:

1. Трудности, с которыми сталкиваются новички или люди с недостаточно развитыми мышцами рук, при принятии позы изготовления с оружием. Это требует физической силы и координации.

2. Плавное и точное наведение пистолета на мишень и нажатие на спусковой крючок до момента выстрела. Здесь важно использовать уже полученные навыки и опыт.

Таким образом, для успешной стрельбы необходимо развивать физическую подготовку, работать над техникой и навыками, а также уделять внимание правильной стойке и расслаблению мышц.

Следует акцентировать внимание на каждом физическом аспекте и его влиянии на действия в процессе производства выстрела стрелком [2]. Итак, в процессе физической подготовки формируются важные физические качества, такие как:

- сила;
- выносливость;
- быстрота;
- ловкость [3].

Сила – способность человека за счет хорошо развитого мышечного скелета преодолевать внешнее сопротивление. Эта способность достигается путем набора мышечной массы [4, с. 98]. В свою очередь, рост мышечной массы достигается посредством неоднократных повторений сокращения мышц с постепенным увеличением веса. В рабочей программе физической подготовки существует целый комплекс упражнений, используемых в процессе физической подготовки для развития силовых качеств. Неоднократное принятие положений для стрельбы и нахождение в статическом положении изготовления для стрельбы помогают развить силовые качества стрелка в огневой подготовке [5].

Выносливость – это способность человеческого организма на протяжении длительного периода выполнять упражнения однообразного характера без заметного снижения работоспособности, а также способность к быстрому восстановлению [4, с. 110]. На занятиях по физической подготовке сотрудники развивают свою выносливость путем бега на длинные дистанции, а также тяжелых мышечных нагрузок.

В процессе огневой подготовки выносливость играет ключевую роль, позволяя стрелку эффективно противостоять утомлению во время длительных тренировок и соревнований. Однако для стрельбы важна не просто общая выносливость, а особый ее вид – статическая силовая выносливость.

Этот тип выносливости обеспечивает способность мышц поддерживать необходимое напряжение и удерживать позу без значительных колебаний в течение продолжительного времени. Именно она позволяет сохранять стабильность прицеливания и точность выстрела, когда стрелок вынужден длительное время удерживать оружие на весу.

Развивается статическая силовая выносливость не *динамическими нагрузками, а изометрическими упражнениями*. Суть таких тренировок – в длительном удержании определенной позы или веса. Подобная работа приучает мышечный аппарат к монотонной, но эффективной деятельности, формируя необходимую базу для уверенной и точной стрельбы.

В огневой подготовке выносливость – это не просто способность долго не уставать, но фундамент для сохранения точности и контроля. Именно она позволяет стрелку оставаться собранным и технически грамотным на протяжении всей тренировки или выполнения упражнения, не допуская ошибок из-за усталости.

Ловкость – способность координировать движения и быстро изменять положение тела в условиях изменения обстановки [4, с. 154]. Для выполнения четких действий при обращении с оружием, а также для эффективного использования оружия сотрудник должен обладать ловкостью. Данное качество позволит успешно менять положение стрельбы и профессионально владеть оружием в моменты перемещения и прицеливания. На занятиях по физической подготовке ловкость развивается путем постоянного изменения амплитуды движения. Работа с мячом, челночный бег, работа с балансировочными снарядами позволят развить такое качество, как ловкость [6].

В процессе подготовки сотрудника полиции нужно определить его текущий уровень навыков. Упражнения должны соответствовать подготовленности стрелка и исключать случайность в подходе. Упражнения для подготовки стрелка можно разделить на следующие группы:

1. **Общеподготовительные упражнения.** Указанные упражнения способствуют всестороннему развитию стрелка, улучшая его физические качества, но не в значительной степени. К ним относятся базовые элементы для укрепления мышц и повышения выносливости, такие как бег, подтягивания, отжимания, приседания и другие. Все задействованные мышцы участвуют в выполнении различных подготовительных действий при сдаче нормативов.

2. **Специальные упражнения.** Этот тип упражнений предполагает одновременное выполнение нескольких элементов или их последовательное исполнение, приближая спортсмена к реальным условиям. Примером может служить такая последовательность действий: принятие положения для стрельбы, извлечение оружия, прицеливание, холостой выстрел, перемещение в укрытие и повторение всех шагов. Подобные упражнения могут быть включены в учебную программу не только для занятий по огневой и физической подготовке, но и для отработки тактико-специальных навыков.

3. **Вспомогательные упражнения** предназначены для развития конкретных двигательных навыков через их многократное повторение. Эти упражнения имеют узкую направленность и используются для совершенствования специфических действий. На занятиях по огневой подготовке курсанты выполняют такие упражнения, чтобы подготовиться к стрельбам. Примеры включают отработку правильной изготoвки к стрельбе, работу с положением рук при перемещении между укрытиями и плавное нажатие на спусковой крючок.

4. **Соревновательные упражнения.** Они предполагают сравнение с результатами других стрелков в технике исполнения (минимальное количество ошибок), скорости выполнения, количестве точных попаданий [7].

Не следует допускать длительных перерывов в стрелковой практике. Навыки, которые уже сформировались, должны не только сохраняться на достигнутом уровне, но и постепенно совершенствоваться. Для этого можно применять следующие принципы спортивной подготовки:

- повышать силу и выносливость мышц, удерживая макет оружия на весу в течение длительного времени или выполняя это упражнение в движении;
- увеличивать нагрузку во время тренировок;
- использовать кистевые тренажеры, массогабаритные макеты и другие специализированные устройства.

Кроме того, стоит уделить внимание морально-психологической подготовке сотрудника полиции при обращении с огнестрельным оружием. Курсанты и начинающие сотрудники в процессе обучения огневой подготовке и выполнения ряда упражнений и нормативов часто сталкиваются со страхом владения оружием и с состоянием психологического

напряжения. В данном случае физическая подготовка также вносит свой вклад, так как регулярные физические упражнения улучшают состояние нервной системы человека, уменьшают артериальное давление, позволяют организму расслабиться, подавить стрессовые ситуации, наиболее спокойно переносить ситуационную тревожность [8].

На занятиях по физической подготовке курсанты и действующие сотрудники полиции, помимо прочего, изучают тактику взаимодействия с оружием, защитные действия от угрозы применения огнестрельного оружия, а также приемы наружного досмотра с оружием в руках, что также положительно влияет на подготовку к практической деятельности.

В заключение отметим, что для совершенствования навыков стрельбы и повышения общей физической подготовки сотрудников необходимо

интегрировать физические упражнения в программу огневой подготовки. Важно сочетать их с общей физической разминкой, что позволит всесторонне развивать физические качества, включая координацию и статическую устойчивость.

Физическая подготовка сотрудников не ограничивается только тренировками. Активный отдых и осознанное стремление к саморазвитию также играют ключевую роль.

Морально-психологическая подготовка является важным аспектом для сотрудников полиции. Она направлена на формирование оптимального психического и физиологического состояния, необходимого для достижения поставленных целей. Точный и результативный выстрел возможен только при наличии практических навыков, психологической готовности и хорошей физической формы.

Литература

1. **Юрьев А.А.** Пулевая спортивная стрельба. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Физкультура и спорт, 1973. – 431 с.
2. **Фазуллина Л.Р.** Влияние физической силы на результат огневой подготовки // Социальное управление. – 2024. – № 2. – С. 259–264.
3. Факторы, влияющие на меткость стрельбы: методические указания для студентов 1–3-х курсов специализации «пулевая стрельба» / сост. Д.П. Киселев. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – 23 с.
4. **Матвеев Л.П.** Теория и методика физической культуры: учебник. – Москва: Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.
5. **Сапов А.В., Коломеец С.Р.** Роль физической культуры сотрудников органов внутренних дел как составляющая огневой подготовки / Актуальные проблемы совершенствования огневой подготовки в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов Международного научно-практического семинара. – Рязань, 2023. С. 190–194.
6. **Бернштейн Н.А.** О ловкости и ее развитии. – Москва: Физкультура и спорт, 1994. – 228 с.
7. **Токарев Е.А.** Физические упражнения как способ повышения результатов стрельбы в «кейс-заданиях» / Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. С. 587–590.
8. **Королева Т.П.** Факторы, обуславливающие нервно-психологическое здоровье спортсменов-стрелков // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2010. – № 1 (59). – С. 50–56.
9. **Мачула А.Ф.** Формирование двигательных навыков и умений в пулевой стрельбе у курсантов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2010. – № 1 (59). – С. 34–37.
10. **Северин Н.Н., Федоров В.А.** Роль физической подготовки в рамках огневой подготовки / Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта: сборник статей межвузовской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2021. С. 227–232.

References

1. **Yur'ev A.A.** Pulevaya sportivnaya strel'ba. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Fizkul'tura i sport, 1973. – 431 s.
2. **Fazullina L.R.** Vliyaniye fizicheskoi sily na rezul'tat ognevoi podgotovki // Sotsial'noe upravlenie. – 2024. – № 2. – S. 259–264.
3. Faktory, vliyayushchie na metkost' strel'by: metodicheskie ukazaniya dlya studentov 1–3-kh kursov spetsializatsii "pulevaya strel'ba" / sost. D.P. Kiselev. – Ul'yanovsk: UIGTU, 2015. – 23 s.
4. **Matveev L.P.** Teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury: uchebnik. – Moskva: Fizkul'tura i sport, 1991. – 543 s.
5. **Sapov A.V., Kolomeets S.R.** Rol' fizicheskoi kul'tury sotrudnikov organov vnutrennikh del kak sostavlyayushchaya ognevoi podgotovki / Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya ognevoi podgotovki v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar. – Ryazan', 2023. S. 190–194.
6. **Bernshtein N.A.** O lovkosti i ee razvitii. – Moskva: Fizkul'tura i sport, 1994. – 228 s.
7. **Tokarev E.A.** Fizicheskie uprazhneniya kak sposob povysheniya rezul'tatov strel'by v "keis-zadaniyakh" / Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noi, ognevoi i professional'no-prikladnoi fizicheskoi podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2022. S. 587–590.
8. **Koroleva T.P.** Faktory, obuslovliyayushchie nervno-psikhologicheskoe zdorov'e sportsmenov-strelkov // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2010. – № 1 (59). – S. 50–56.
9. **Machula A.F.** Formirovaniye dvigatel'nykh navykov i umenii v pulevoi strel'be u kursantov // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2010. – № 1 (59). – S. 34–37.
10. **Severin N.N., Fedorov V.A.** Rol' fizicheskoi podgotovki v ramkakh ognevoi podgotovki / Aktual'nye problemy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta: sbornik statei mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2021. S. 227–232.

(статья сдана в редакцию 25.01.2026)

**Уровень готовности сотрудников полиции
к противодействию беспилотным воздушным судам и пути
совершенствования системы подготовки**

**The level of preparedness of police officers to counter unmanned
aerial vehicles and ways to improve the training system**

УДК 37

С.И. Горелкин

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
serezha_gorelkin@mail.ru

Sergey I. Gorelkin

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Р.Е. Афонин

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
afonin.roman@mail.ru

Roman E. Afonin

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: на сегодняшний день в условиях нарастающей геополитической нестабильности и вооруженных конфликтов существенно возрастают риски для безопасности жизни и здоровья граждан, а также для целостности стратегической инфраструктуры государства. Наиболее остро это ощущается в приграничных регионах страны и в большей степени связано с широким применением беспилотных воздушных судов в незаконных целях. Эффективное противодействие указанной новой угрозе становится одной из первоочередных задач для сотрудников органов внутренних дел, что связано со спецификой их профессиональной деятельности на приграничных территориях и выполнением служебных задач в районах, прилегающих к линии боевого соприкосновения. В статье исследуется уровень готовности сотрудников органов внутренних дел к противодействию атакам беспилотных воздушных судов. С этой целью авторами было осуществлено анкетирование сотрудников сводного отряда полиции, выполняющих служебные обязанности на территории Белгородской области. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о недостаточной эффективности системы подготовки противодействия рассматриваемой угрозе. Авторы акцентируют внимание на необходимости комплексного подхода к совершенствованию системы подготовки в данной сфере, включающего углубление правовых знаний, изучение теоретических положений, связанных с типами беспилотных воздушных судов, конструктивными особенностями и техническими характеристиками, а также развитие практических навыков. С целью совершенствования практической подготовки в статье предлагается проведение регулярных занятий, направленных на освоение методов и средств обнаружения беспилотных воздушных судов, отработку тактики действий в случае возникновения угроз, развитие физических качеств как критически важного элемента обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда; сотрудники органов внутренних дел; приграничные территории; программы обучения; физическая подготовка; комплекс упражнений

Для цитирования: Горелкин С.И., Афонин Р.Е. Уровень готовности сотрудников полиции к противодействию беспилотным воздушным судам и пути совершенствования системы подготовки // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 110–114.

Abstract: today, in the context of growing geopolitical instability and armed conflict, risks to the safety of citizens' lives and health, as well as to the integrity of the state's strategic infrastructure, are significantly increasing. This is felt most acutely in the country's border regions and is largely due to the widespread use of unmanned aerial vehicles (UAVs) for illegal purposes. Effectively countering this new threat is becoming a priority for law enforcement officers, due to the specific nature of their professional activities in border areas and the performance of official duties in areas adjacent to the line of contact. This article examines the level of

preparedness of law enforcement officers to counter UAV attacks. To this end, the authors surveyed members of the joint police detachment serving in the Belgorod Region. The results of the survey indicate the insufficient effectiveness of the training system for countering this threat. The authors emphasize the need for a comprehensive approach to improving training in this area, including deepening legal knowledge, studying theoretical principles related to unmanned aerial vehicle types, design features, and technical specifications, and developing practical skills. To improve practical training, the article proposes regular training sessions focused on mastering methods and means of detecting unmanned aerial vehicles, practicing tactics for responding to threats, and developing physical skills as a critical element in ensuring the personal safety of law enforcement officers.

Keywords: Unmanned Aerial Vehicles; internal affairs officer; border regions; training program; physical training; set of exercise

For citation: Gorelkin S.I., Afonin R.A. The level of preparedness of police officers to counter unmanned aerial vehicles and ways to improve the training system // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 110–114.

Введение. В условиях проведения специальной военной операции зона ответственности органов внутренних дел (далее – ОВД) значительно расширяется [1; 2; 3]. Сотрудники ОВД дополнительно привлекаются к выполнению служебных задач на объектах жизнеобеспечения, транспорта и энергетики, которые являются приоритетными целями для атаки, в том числе с помощью использования беспилотных воздушных судов (далее – БВС) [4; 5; 6]. Актуальность и значимость профессиональной подготовки сотрудников ОВД в сфере противодействия атакам БВС в условиях действия специальных правовых режимов обусловлена трансформацией угроз общественной безопасности [7; 8].

Применение вооруженными формированиями БВС в современных конфликтах доказывает тот факт, что традиционные способы противодействия недостаточно эффективны [3; 9; 10]. Изучение и внедрение современных технологий обнаружения, фиксации и противодействия, а также разработка алгоритма действий сотрудников являются приоритетной задачей ведомства [11; 12].

Методы и организация исследования. В рамках проведения исследования, направленного на изучение оценки уровня подготовленности сотрудников ОВД к противодействию БВС, нами было проведено анкетирование среди участников сводного отряда полиции на территории Белгородской области.

Результаты исследования. В проведенном исследовании согласились принять участие 50 человек, которые являются сотрудниками УМВД России по Белгородской области и УМВД России по Курской области, а также сотрудниками, ранее проходившими службу в различных специальных подразделениях.

В начале исследования участникам анкетирования были заданы обобщающие вопросы, которые касались информации о стаже службы в ОВД и уровне физической подготовленности. Полученные результаты отражены в таблице 1.

Далее нас интересовало, каким видом физической подготовки занимаются респонденты, имеют ли они спортивные разряды или звания. Выяснилось, что 92,8% ранее занимались спортом, 87% имеют спортивные разряды или звания. На вопрос о том, проводятся ли с ними занятия по физической и тактической подготовке, направленные на получение и совершенствование навыков по противодействию БВС, 98,6% респондентов ответили положительно, указав на регулярность таких занятий.

Далее анкетлируемые дали ответ на вопрос о том, какие физические качества, по их мнению, наиболее важны при противодействии атакам БВС. Среди наиболее часто указываемых качеств оказались координация, быстрота и ловкость.

Затем было определено, какие физические упражнения, по мнению респондентов, могут способствовать повышению эффективности подготовки сотрудников ОВД для обеспечения личной безопасности при атаках БВС (при рассмотрении этого вопроса разрешалось указывать несколько вариантов ответа). В качестве наиболее эффективного упражнения 46,4% респондентов отметили преодоление препятствий (ямы, окопы, стены); 43,5% анкетлируемых выделили бег с ускорением на дистанцию 30–60 м; 20,3% – бег «змейкой». 17,4% опрошенных указали на челночный бег 10 × 10 м в качестве наиболее результативного упражнения; 11,6% выбрали кувырки (вперед, назад, в стороны, с самостраховкой); 5,8% – передвижение лежа по-пластунски.

Отмечено, что для повышения эффективности противодействия атакам БВС сотрудникам ОВД необходимо уверенно ориентироваться в обстановке на объекте и контролировать воздушное пространство. Подчеркнем, что такие результаты отражают понимание сотрудниками значимости умений и навыков в области противодействия атакам БВС.

С учетом специфики оперативной обстановки в Белгородской области сотрудникам сводного

Непрерывное профессиональное образование сотрудников правоохранительных органов

Таблица 1. Результаты анкетирования сотрудников УМВД России
по Белгородской области и УМВД России по Курской области

Вопрос	Варианты ответов	%
Укажите, пожалуйста, Ваш стаж службы в органах внутренних дел	менее трех лет	5,8%
	от 3 до 5 лет	34,8%
	от 5 до 10 лет	29,0%
	более 10 лет	30,4%
Занимались ли Вы ранее спортом?	да	92,8%
	нет	7,2%
Имеете ли Вы спортивный разряд / спортивное звание?	да	87,0%
	нет	13,0%
Проводятся ли с Вами занятия (физическая и тактическая подготовка) по противодействию атакам БВС?	да, регулярно	98,6%
	было несколько занятий за весь период службы (командировки)	1,4%
	не проводятся	0,0%
Что, на Ваш взгляд, могло бы повысить эффективность подготовки для обеспечения личной безопасности при атаках БВС? (можно указать один или несколько вариантов)	бег с ускорением на дистанцию 30–60 м	43,5%
	челночный бег 10 × 10 м	17,4%
	бег «змейкой»	20,3%
	передвижение лежа по-пластунски	5,8%
	кувырки (вперед, назад, в стороны, с самостраховкой)	11,6%
	преодоление препятствий (ямы, окопы, стена, забор)	46,4%
	свой вариант ответа	2,9%
Как Вы считаете, есть ли необходимость разработать комплексы упражнений для подготовки к действиям ухода от атак БВС?	да	69,6%
	нет	30,4%
	свой вариант ответа	0,0%
Приходилось ли Вам укрываться от атак БВС?	да	87,0%
	нет	13,0%
Приходилось ли Вам видеть атаки БВС на сотрудников органов внутренних дел?	да	84,1%
	нет	15,9%
Если Вы наблюдали атаки БВС, укажите, пожалуйста, как Вы оцениваете действия и готовность сотрудников к таким ситуациям	эффективные	13,0%
	малоэффективные	84,1%
	неэффективные	0,0%
	свой вариант ответа	2,9%

отряда было предложено пояснить, приходилось ли им укрываться от атак БВС. На данный вопрос 87% опрошиваемых дали положительный ответ.

Стоит обозначить, что большинство респондентов, которые сталкивались с угрозой атаки БВС, не смогли указать, какие именно действия они предпринимали для обеспечения своей личной безопасности, а некоторые из них отметили, что действовали в зависимости от сложившейся ситуации. Такие результаты позволяют сделать вывод, что при возникновении экстренной ситуации опрошиваемые реагировали преимущественно рефлекторно, без следования четкому алгоритму.

В заключение респондентам было предложено указать, как они оценивают общий уровень подготовленности сотрудников ОВД к противодействию атакам БВС, а также внести свои предложения по совершенствованию способов ухода от атак с использованием средств физической подготовки. 13,0% определили уровень подготовки сотрудников как эффективный, 84,1% считают его малоэффективным. Среди предложений по совершенствованию навыков, позволяющих успешно уходить от атак БВС, необходимо отметить освоение тактики действий, развитие физических качеств (сила, быстрота, скоростно-силовые качества). Указанные аспекты физической подготовки рассматриваются как ключевой фактор обеспечения личной безопасности.

Заключение. Таким образом, на сегодняшний день сотрудники ОВД, выполняющие обязанности в зоне проведения боевых действий, нередко сталкиваются с угрозами атак БВС. Знания и навыки, получаемые ими в рамках физической и тактической подготовки, нуждаются в совершенствовании и систематизации.

Основными недостатками, которые были отмечены респондентами, являются ограниченное количество практических занятий по тактике противодействия БВС, отсутствие четкого алгоритма действий в условиях угроз, исходящих от БВС, а также недостаточное развитие физических качеств.

Учитывая полученные в ходе анкетирования данные, свидетельствующие о насущной необходимости улучшения методик обучения сотрудников ОВД противодействию угрозам БВС, укажем основные направления повышения эффективности системы:

1. Увеличение количества теоретических занятий, направленных на изучение типов БВС, конструктивных особенностей, технических характеристик, а также принципа их работы, с целью формирования необходимой базы знаний для дальнейшего развития тактических и физических навыков.

2. Получение практических навыков обнаружения и идентификации – тренировки по оперативному выявлению БВС в различных условиях, обучение работе с системами раннего обнаружения, а также совершенствование навыков быстрой идентификации типа БВС и оценки степени его угрозы.

3. Проведение тактических учений – регулярные занятия с использованием макетов БВС или реальных устройств для осуществления практического моделирования возникающих угроз, а также отработка действий сотрудников вблизи объектов стратегической инфраструктуры.

4. Разработка единого комплекса мер по противодействию БВС, которые направлены на совершенствование тактических и физических навыков сотрудников ОВД при атаках БВС.

Литература

1. Кузнецов Р.П., Горбунов А.Г., Олендер Л.Г. Роль скоростно-силовых качеств в мобильности и оперативности действий военнослужащих при отражении атак БПЛА / Актуальные вопросы современной науки: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции: в 3 ч., Пенза, 5 июня 2025 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 139–143.
2. Манаенков И.И., Мельцов В.М. Основные типы БВС, используемые при обучении сотрудников силовых ведомств / Актуальные вопросы применения инновационных средств обучения сотрудников силовых ведомств Российской Федерации: сборник научных статей по итогам научно-практической конференции, Орел, 4 сентября 2023 г. – Орел: Полицентр, 2023. С. 29–34.
3. Тихаев В.Н., Барвиненко В.В. Проблема борьбы с беспилотными летательными аппаратами и возможные пути ее решения // Военная мысль. – 2021. – № 1. – С. 125–132.
4. Абрамов М.М. Новые и перспективные направления применения беспилотных летательных аппаратов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 3. – С. 227–232.
5. Организационно-правовые основы применения беспилотных воздушных судов и подготовки личного состава к противодействию противоправному их функционированию в условиях специальных правовых режимов: учебно-методическое пособие / А.Н. Александров, О.А. Дизер, А.А. Коник [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 71 с.
6. Каширский Д.Ю., Сухомлинов А.В. Об актуальных вопросах борьбы с беспилотными воздушными судами, осуществляемой правоохранительными органами // Полицейская деятельность. – 2022. – № 2. – С. 20–29.
7. Каляев А.И., Коровин Я.С. Комплекс обнаружения и поражения БПЛА-нарушителей с помощью БПЛА-перехватчиков // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2021. – № 3-4 (153–154). – С. 101–107.
8. Коник А.А. Особенности защиты объектов критической инфраструктуры от атак беспилотных воздушных судов / Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел в особых условиях: материалы межвузовской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25 марта 2025 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 98–103.

9. **Моисеев Н.В.** Перспективные варианты поражения / Современная российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 12 декабря 2023 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 106–109.

10. **Николаев Н.В., Ильин В.В., Некрасов М.И.** Актуальные вопросы противодействия современным автономным беспилотным летательным аппаратам и FPV-дронам // Вопросы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 40–60.

11. **Коник А.А., Афонин Р.Е., Климов И.М., Зинченко Д.С.** Идентификационный комплекс обнаружения и подавления беспилотных воздушных судов на основе видеоперехвата для использования в условиях боевых действий // Российский технологический журнал. – 2025. – Т. 13. № 3. – С. 63–72.

12. **Цветкова А.Л., Ховалыг У.А.** Психологическая устойчивость операторов БПЛА в ходе психологической подготовки / Актуальные проблемы военной психологии: теория и практика: материалы XIII Международной военно-научной конференции, Москва, 25 августа 2023 г. – Москва: Спутник+, 2023. С. 42–45.

References

1. **Kuznetsov R.P., Gorbunov A.G., Olender L.G.** Rol' skorostno-silovykh kachestv v mobil'nosti i operativnosti deistvii voennosluzhashchikh pri otrazhenii atak BPLA / Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: sbornik statei XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch., Penza, 5 iyunya 2025 g. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2025. S. 139–143.

2. **Manaenkov I.I., Mel'tsov V.M.** Osnovnye tipy BVS, ispol'zuemye pri obuchenii sotrudnikov silovykh ведомств / Aktual'nye voprosy primeneniya innovatsionnykh sredstv obucheniya sotrudnikov silovykh ведомств Rossiiskoi Federatsii: sbornik nauchnykh statei po itogam nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orel, 4 sentyabrya 2023 g. – Orel: Politsentr, 2023. S. 29–34.

3. **Tikshaev V.N., Barvinenko V.V.** Problema bor'by s bespilotnymi letatel'nymi apparatami i vozmozhnye puti ee resheniya // Voennaya mysl'. – 2021. – № 1. – С. 125–132.

4. **Abramov M.M.** Novye i perspektivnye napravleniya primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. – 2022. – № 3. – С. 227–232.

5. Organizatsionno-pravovye osnovy primeneniya bespilotnykh vozdukhnykh sudov i podgotovki lichnogo sostava k protivodeistviyu protivopravnomu ikh funktsionirovaniyu v usloviyakh spetsial'nykh pravovykh rezhimov: uchebno-metodicheskoe posobie / A.N. Aleksandrov, O.A. Dizer, A.A. Konik [i dr.]. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2025. – 71 s.

6. **Kashirskii D.Yu., Sukhomlinov A.V.** Ob aktual'nykh voprosakh bor'by s bespilotnymi vozdukhnyimi sudami, osushchestvlyаемoi pravookhranitel'nymi organami // Politseiskaya deyatel'nost'. – 2022. – № 2. – С. 20–29.

7. **Kalyaev A.I., Korovin Ya.S.** Kompleks obnaruzheniya i porazheniya BPLA-narushitelei s pomoshch'yu BPLA-perekhvatchikov // Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu. – 2021. – № 3-4 (153–154). – С. 101–107.

8. **Konik A.A.** Osobennosti zashchity ob'ektov kriticheskoi infrastruktury ot atak bespilotnykh vozdukhnykh sudov / Aktual'nye voprosy deyatel'nosti organov vnutrennikh del v osobykh usloviyakh: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 25 marta 2025 g. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2025. S. 98–103.

9. **Moiseev N.V.** Perspektivnye varianty porazheniya / Sovremennaya rossiiskaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statei VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch., Penza, 12 dekabrya 2023 g. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2023. S. 106–109.

10. **Nikolaev N.V., Il'in V.V., Nekrasov M.I.** Aktual'nye voprosy protivodeistviya sovremennym avtonomnym bespilotnym letatel'nym apparatam i FPV-dronam // Voprosy bezopasnosti. – 2024. – № 1. – С. 40–60.

11. **Konik A.A., Aфонin R.E., Klimov I.M., Zinchenko D.S.** Identifikatsionnyi kompleks obnaruzheniya i podavleniya bespilotnykh vozdukhnykh sudov na osnove videoperekhvata dlya ispol'zovaniya v usloviyakh boevykh deistvii // Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal. – 2025. – Т. 13. № 3. – С. 63–72.

12. **Tsvetkova A.L., Khovalyg U.A.** Psikhologicheskaya ustoychivost' operatorov BPLA v khode psikhologicheskoi podgotovki / Aktual'nye problemy voennoi psikhologii: teoriya i praktika: materialy XIII Mezhdunarodnoi voenno-nauchnoi konferentsii, Moskva, 25 avgusta 2023 g. – Moskva: Sputnik+, 2023. S. 42–45.

(статья сдана в редакцию 17.01.2026)

Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в странах БРИКС: Южно-Африканская Республика

Legal mechanisms for protecting victims of domestic violence in the BRICS countries: Republic of South Africa

УДК 343.85

Б.Н. Селин,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
selin.boris@yandex.ru

Boris N. Selin,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.Н. Архипцев,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ArhipevIN@yandex.ru

Ivan N. Arkhipev,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности домашнего насилия в Южно-Африканской Республике. Установлено, что домашнее насилие в ЮАР имеет стабильно высокий уровень на протяжении многих лет. Проанализированы статистические сведения о насилии в стране. Женщины и дети остаются наиболее уязвимыми группами, а в сельских районах показатели на душу населения оказались выше, чем в городских конгломерациях. Определены причины бытового насилия. В частности, это социальные и культурные ценности и убеждения, преобладание патриархальных норм поведения. Рассматривается понятие «гендерное насилие», приводятся классификации насилия в зависимости от различных признаков. Отмечена новая тенденция, получившая распространение в ЮАР, о применении насилия к лицам мужского пола в связи с тем, что женщина становится успешной и берет на себя часть функций сильного пола. В статье приведен подробный анализ законодательной базы противодействия семейно-бытовому насилию в ЮАР. Ключевым нормативным актом, регулирующим правоотношения в сфере противодействия семейно-бытовому насилию в Южно-Африканской Республике, является Закон «О борьбе с домашним насилием», который предусматривает ряд санкций в отношении лиц за нарушение его основных положений: запретов, условий, обязательств, распоряжений, письменных показаний под присягой. Проведен критический анализ реализации данного закона в практике правоохранительных органов, выявлена тенденция нарушения запретительных судебных приказов, несоблюдения сотрудниками полиции необходимых процедур и т.д.

Ключевые слова: домашнее насилие; гендерное насилие; правовая база; противодействие; защита

Для цитирования: Селин Б.Н., Архипцев И.Н. Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в странах БРИКС: Южно-Африканская Республика // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026 – № 2. – С. 115–121.

Abstract: the article examines the specifics of domestic violence in the Republic of South Africa. The data establishes that the level of domestic violence in South Africa has been consistently high for many years. The authors analyze the statistical data on violence in the country. Women and children remain the most vulnerable groups, while rural areas have higher per capita rates than urban conglomerations. The authors identify the causes of domestic violence, in particular, social and cultural values and beliefs, the predominance of patriarchal norms of behavior. The article considers the concept of “gender-based violence”, gives several classifications of violence

© Селин Б.Н., Архипцев И.Н., 2026

depending on various properties. There is a new trend covering South African zone – the use of violence against males. This happens when women become “successful” and take on some of the functions of the stronger sex. The article provides a detailed analysis of the legislative framework for countering domestic violence in South Africa. The key act regulating legal considerations in the field of combating domestic violence in the Republic of South Africa is the Law “On Combating Domestic Violence”, which provides for the imposition of sanctions against persons for violating its basic provisions: prohibitions, conditions, obligations, orders, affidavits. A critical analysis of the implementation of this law in the practice of law enforcement agencies has been carried out that identifies a tendency to violate protective orders, non-compliance by police officers with necessary procedures, etc.

Keywords: domestic violence; gender-based violence; legal framework; countering; protection

For citation: Selin B.N., Arkhiptsev I.N. Legal mechanisms for protecting victims of domestic violence in the BRICS countries: Republic of South Africa // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 115–121.

В эпоху постапартеида насилие в семье продолжает оставаться одной из животрепещущих социальных проблем, с которыми сталкивается Южная Африка, поскольку оно затрагивает и жертв, и преступников, и семью, и общество в целом. Хотя предпринимаются многочисленные попытки определить распространенность бытового насилия и сексуальных домогательств в Южной Африке, имеющиеся статистические данные отражают лишь небольшую часть случаев. Большинство населения считают, что традиции и обычаи могут служить объяснением насилия в семье. Некоторые видят в этом прямую связь, утверждая, что избиение жены считается нормальным явлением в традиционной африканской культуре.

В Южной Африке, несмотря на усилия гражданского общества и правительства, уровень распространения насилия со стороны интимного партнера и сексуального насилия неизменно высок.

Южно-Африканскую Республику часто называют «страной, воюющей сама с собой». Согласно Глобальному индексу мира за 2025 год (GPI), который измеряет состояние мира (миролюбивости государства) в соответствии с установленными критериями, характеризующими отсутствие насилия или страха перед насилием, Южная Африка заняла 124-е место (с индексом 2,347) из 163 стран¹.

Высокий уровень насилия в стране также подтверждается государственными статистическими данными. Так, количество убийств в период 2018–2019 гг. достигло 21 022, в 2017–2018 гг. этот показатель был равен 20 336, в 2016–2017 гг. – 19 016, что в среднем составляет 58 убийств в день. В период с 2018 по 2019 год было зарегистрировано в общей сложности 2771 убийство женщин, 1014 убийств детей. В 2021 году число убийств женщин по разным основаниям в Южной Африке в пять раз превышало общемировой показатель [1, р. 38].

Несмотря на принятие в 2020 году Национального стратегического плана по противодействию насилию в отношении женщин и несовершеннолетних женского пола, количество зарегистрированных преступлений продолжает расти. Только в период с апреля 2022 года по март 2023 года в полицейскую службу Южно-Африканской Республики (SAPS – *South-African Police Service*) поступило 53 498 сообщений о преступлениях сексуального характера, из которых 42 780 случаев были связаны с изнасилованиями [2, р. 2–3].

Данные Национального бюро криминальных учетов Южно-Африканской Республики за 2024–2025 гг. показывают, что количество преступлений на сексуальной почве, включая изнасилования, насильственные действия и попытки совершения преступлений сексуального характера, сократилось на 2,5% по сравнению с предыдущим периодом. Однако случаи изнасилования по-прежнему распространены: за этот период было зарегистрировано 10 191 преступление против половой неприкосновенности. Женщины и дети остаются наиболее уязвимыми группами, а в сельских районах показатели на душу населения оказались выше, чем в городских конгломерациях. Аналитики отмечают тенденцию сохранения уязвимости женщин и детей перед лицом насильственных преступлений. Так, за первый квартал 2026 года было убито 957 женщин, что на 8,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество убийств детей выросло на 7,5%, а число покушений на убийства увеличилось на 35,7%. Программы, реализуемые в рамках Национального стратегического плана по борьбе с гендерным насилием и феминцидом, способствуют повышению осведомленности и улучшению мер поддержки жертв насилия. Однако для решения системных проблем, способствующих совершению этих преступлений, требуется больше ресурсов [3].

Некоторые исследователи проблем семейного насилия считают, что социальные и культурные ценности и убеждения, укоренившиеся в сознании многих народов Африки, противостоят разви-

¹ Global Peace Index 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/#/> (дата обращения: 20.01.2026).

тию и благополучию женщин и, следовательно, их можно считать одной из самых значимых причин домашнего насилия [4].

При рассмотрении характера и масштабов семейно-бытового насилия в Южной Африке важно понимание исторического, политического и социального контекста развития общественных отношений в этой стране. Период колонизации и длительная история апартеида в Южной Африке, как отмечают многие исследователи-африканисты (C.G. Bowman, S. Cools, R. Jewkes, P. Parnetsee, N. Stiegler и др.), усугубили последствия бытового насилия, особенно в отношении чернокожих женщин. Общество по-прежнему придерживается патриархальных норм, которые закреплены в религиозных и культурных обычаях страны. Эти обстоятельства, а также практика разрешения конфликтов насильственными методами в Южной Африке делают семейно-бытовое насилие повседневной реальностью для многих женщин и несовершеннолетних лиц.

Несомненный интерес в рамках нашего исследования представляет трактовка такого феномена, как насилие по половому признаку, или гендерное насилие (ориг. *gender-based violence*, или *GBV*), предлагаемая южноафриканскими законодателями. Общеизвестное определение, зафиксированное в документах ООН, гласит, что гендерное насилие включает в себя несколько категорий: сексуальное, физическое, психологическое и экономическое насилие, совершаемое публично или в частном порядке. К нему также относятся угрозы насилия, принуждение и манипуляция. Гендерное насилие может принимать различные формы, такие как насилие со стороны интимного партнера, сексуальное насилие, детские браки, калечащие операции на женских половых органах и так называемые убийства ради сохранения чести².

В Национальной стратегии Южно-Африканской Республики по борьбе с гендерным насилием и фемицидом (2020) термин «гендерное насилие» используется для обозначения насилия, которое осуществляется в результате нормативных ролевых ожиданий, связанных с полом, присваиваемых человеку при рождении, а также неравных властных отношений между полами в контексте конкретного общества. Гендерное насилие включает физическое, сексуальное, вербальное, эмоциональное и психологическое насилие или угрозы совершения таких действий, а также жестокое обращение, принуждение и экономические или образовательные лишения. Эти проявления акту-

альны для общественной или частной жизни, могут происходить и в мирное время, и во время вооруженных или иных форм конфликта и причинить физический, сексуальный, психологический, эмоциональный или экономический ущерб [5, р. 11].

Независимо от классификации, такие трактовки категорий и форм можно разделить на подкатегории для более детального или целенаправленного анализа проблем, связанных с гендерным насилием. Например, распространенность насилия можно дифференцировать по типу насилия (скажем, физическое насилие) и далее классифицировать по среде (дом, работа или школа) или отношениям (интимный партнер, член семьи, незнакомый человек). Такое разделение по типам насилия может дать представление о его тяжести.

Традиционно гендерное насилие принято ассоциировать с представителями женского пола, но, как показывают практика и исследования африканских ученых, особенностью Южно-Африканской Республики является наличие достаточного распространения этого вида насилия применительно к лицам мужского пола. Свидетельством тому служит даже появление специализированного термина «гендерное насилие в отношении мужчин» (букв. *violence against males – VAM*) [6].

Научные исследования показывают, что во многих регионах Африки, особенно в центральной и южной части континента, число случаев насилия в отношении мужчин растет в геометрической прогрессии. Важно отметить, что насилие усиливается в ситуациях, когда женщины, особенно с высоким доходом и успешной карьерой, подрывают авторитет мужчин. Например, опрос, проведенный общественной организацией Maendeo ya Wanaume («Прогресс для мужчин»), показал, что число случаев насилия в отношении мужчин и мальчиков выросло с 160 тыс. в 2009 году до 460 тыс. в 2017 году [7].

Большинство женщин, совершивших такое насилие, добились успеха в карьере и стали финансово независимыми. Поскольку в патриархальных обществах кормильцами считаются мужчины, логично предположить, что, если женщина становится кормильцем, она, естественно, берет на себя роль мужчины, который доминирует в семье и в большинстве случаев применяет насилие, и начинает подражать его маскулинному поведению. Более того, мужчины, которые не в состоянии обеспечивать свои семьи, как того требует общество и африканская культура, в большей степени подвергаются экономическому, физическому и даже психологическому насилию.

Тем не менее необходимо указать, что ситуация в сфере противодействия семейно-бытовому насилию и его профилактики постепенно улучшается. Этому способствуют и основополагающие положения Конституции Южно-Африканской Ре-

² Официальный сайт Управления ООН по делам беженцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unhcr.org/what-we-do/protect-human-rights/protection/gender-based-violence> (дата обращения: 20.03.2026).

спублики, и международные обязательства правительства страны, и принятие прямых законов и подзаконных актов по противодействию рассматриваемому виду насилия.

Правовая база борьбы с семейно-бытовым насилием. Основными источниками, лежащими в основе государственного регулирования сферы борьбы с семейным насилием в Южной Африке, являются Конституция Южно-Африканской Республики, Закон «О борьбе с домашним насилием» (1996), Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс» (1997), Закон «О социальной поддержке несовершеннолетних» (1998), Закон «О контроле оборота оружия» (2000), Закон «О детях» (2005), Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс в части, касающейся преступлений сексуального характера» (2007), Закон «О защите от домогательства» (2011).

В качестве отправной точки процесса противодействия проявлениям насилия в семье, как уже было указано ранее, выступает Конституция Южно-Африканской Республики, согласно разделу 12(1) которой каждый человек имеет право на достоинство, равенство, свободу и личную неприкосновенность, что подразумевает и право быть свободным от всех форм насилия как со стороны государства, так и физических лиц³. Кроме того, Южная Африка соблюдает международные обязательства и соглашения, направленные на борьбу с насилием в отношении женщин и детей, в частности обязательства в соответствии с Конвенцией ООН по искоренению всех форм дискриминации женщин и соблюдению прав детей.

Ключевым нормативным актом, регулирующим правоотношения в сфере противодействия семейно-бытовому насилию в Южно-Африканской Республике, является Закон «О борьбе с домашним насилием» (*Domestic Violence Act, 1998*), принятый в 1996 г., в редакции 2021 г., с поправками, вступившими в силу 14 апреля 2023 г.⁴

По сути и содержанию данный акт направлен на предоставление жертвам максимальной защиты от бытового насилия, которую может обеспечить закон, и на обеспечение мер, направленных на достижение полного выполнения положений указанного закона соответствующими государственными органами, что должно демонстрировать приверженность государства цели искоренения бытового насилия.

Согласно разделу 1(1) закона понятие «бытовое (семейное) насилие» (*domestic violence*) комплексно определяется как физическое, сексуальное, эмоционально-словесное, психологическое, экономическое или духовное насилие, повлекшее в том числе материальный ущерб, совершаемое в форме запугивания, домогательства (в том числе сексуального), жестокого обращения со стороны близких людей, жестокого обращения по отношению к пожилым и престарелым людям, принудительного или контролирующего поведения, жестокого обращения с детьми либо иного поведения устрашающего, угрожающего, оскорбительного, унижающего достоинство человека характера по отношению к заявителю.

Не менее интересным в законе представлено определение семейно-бытовых отношений (*domestic relationship*), которое указывает, что к этой сфере взаимоотношений относятся любые отношения между потерпевшим и правонарушителем, если они:

- находятся в законном браке вне зависимости от юрисдикции его заключения, национально-культурных традиций или принадлежности к религиозной конфессии;
- вне зависимости от принадлежности к одному и тому же или разным полам проживают или проживали совместно, будучи в отношениях, соответствующих природе брачных отношений (но вне законного брака);
- являются родителями ребенка или лицами, которые несут или несли родительскую ответственность за этого ребенка;
- состоят в кровном, брачном или усыновленном родстве;
- состоят или состояли в помолвке, романтических, интимных или сексуальных отношениях любой продолжительности, в том числе планируемых;
- состоят в близких отношениях и проживают или проживали совместно.

Законом в разделе 2а определяется круг должностных лиц, которым вменяется в обязанность сообщать в компетентные органы о фактах семейно-бытового насилия. К ним отнесены врачи и медицинский персонал среднего звена, занимающиеся частной практикой, социальные работники, сотрудники государственных учреждений здравоохранения, педагоги или сиделки, а также сотрудники полиции.

Эти должностные лица, подавшие ходатайство о совершении акта насилия, не подлежат гражданской, уголовной или дисциплинарной ответственности на основании этого ходатайства, несмотря на наличие закона, приказа или кодекса поведения, запрещающих раскрытие персональных данных. Они также имеют право на сохранение конфиденциальности своей лич-

³ Портал официальной информации и правовых услуг Правительства Южно-Африканской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997> (дата обращения: 25.02.2026).

⁴ Domestic Violence Act, 1998, Domestic Violence Amendments Act, 2021. № 14. Government Gazette № 45824, January 28, 2022. South African Republic. Pretoria.

ности, если только этого не требуют интересы правосудия.

При обстоятельствах, отличных от тех, которые предусмотрены в разделе 2а, любое совершеннолетнее лицо, которое знает, или считает, или подозревает на разумных основаниях, что в отношении ребенка, инвалида или пожилого (престарелого) человека был совершен акт домашнего насилия, обязано сообщить о таком факте или подозрении как можно скорее государственному социальному работнику или сотрудникам полиции ЮАР (ст. 2b).

Законодателем предусмотрено право на подачу в судебную инстанцию заявления на выдачу «запретительного приказа» (*protection order*) потерпевшим, его законным представителем с письменного согласия потерпевшего (за исключением несовершеннолетнего, недееспособного или временно недееспособного лица) или должностным лицом, указанным в разделе 2а, путем непосредственного обращения в секретариат суда или дистанционно посредством заполнения онлайн-формы на сайте соответствующего органа.

Анализ правоприменительной практики закона о семейно-бытовом насилии позволяет сделать вывод, что данный нормативный акт возлагает на полицейскую службу ЮАР (*South African Police Service – SAPS*) четкие обязанности по оказанию помощи жертвам насилия.

В указанном законе (раздел 3) содержится норма, позволяющая производить арест подозреваемого в совершении акта семейно-бытового насилия без наличия судебного ордера. Таким правом обладают не только сотрудники полиции, выделяемые законодателем в отдельную категорию служащих, но и сотрудники иных органов правопорядка (*peace officers*)⁵, которые обязаны содействовать в получении при необходимости медицинской помощи потерпевшим, разьяснять порядок подачи заявления на выдачу судебным органом запретительного приказа, а также заявления по факту насильственных действий в полицейский орган, предоставлять потерпевшему контактную информацию о социальных убежищах и учреждениях здравоохранения, материалы информационного характера по возможности на языке, который понимает потерпевший. Сотрудники полиции, которые не выполняют эти требования, могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности.

В качестве одного из потенциальных направлений, способствующих повышению качества работы полиции ЮАР, можно рассматривать Стратегический план полиции ЮАР на период 2020–2025 гг.,

согласно которому гендерному насилию присваивается уровень «приоритетного преступления» [8]. В рамках этого плана были реализованы такие мероприятия, как создание специализированных подразделений по борьбе с насилием в семье, преступлениями на сексуальной почве и по защите детей, а также улучшение качества предоставляемых услуг и расширение партнерских отношений с общественными институтами.

Наряду с запретительным приказом закон в разделе 4а предусматривает вменение в обязанности полиции обеспечения соблюдения так называемого уведомления о мониторинге личной безопасности потерпевшего от семейного насилия (*Domestic violence safety monitoring notice*), также санкционируемого территориальным судебным органом. Данный документ является прямым указанием начальнику полицейского участка, обслуживающего район проживания заявителя, выделить на период, указанный в уведомлении, сотрудника полиции, который должен периодически связываться с заявителем посредством электронной почты или по телефону и справляться о его самочувствии, регулярно посещать местожительство потерпевшего, видеться и общаться с заявителем наедине, применять силу в разумных пределах для преодоления сопротивления или препятствования иным образом официальному (в том числе приватному) общению с заявителем, включая взлом двери или окна в жилом помещении без применения судебного ордера.

Санкции против нарушителей Закона «О борьбе с домашним насилием». Закон о семейно-бытовом насилии ЮАР предусматривает ряд санкций в отношении лиц за нарушение его основных положений: запретов, условий, обязательств, распоряжений, письменных показаний под присягой и пр.

В случае первого совершения преступления, состав которого квалифицирован согласно разделу 1(1), в отношении нарушителя в зависимости от тяжести правонарушения наступает ответственность в виде штрафа, или тюремного заключения на срок до пяти лет, или штрафа и тюремного заключения одновременно. При второй или последующей судимости обвиняемый приговаривается к более высокому штрафу или тюремному заключению на срок до 10 лет.

В случае разглашения прямо или косвенно конфиденциальной информации, особенно касающейся персональных данных потерпевшего, участниками судебного процесса лица, совершившие подобное преступление впервые, наказываются штрафом, или лишением свободы на срок не более двух лет, или штрафом и лишением свободы на указанный срок. При повторном или последующем совершении правонарушения предусмотрено наказание в виде штрафа, или

⁵ В соответствии с Законом ЮАР от 06.05.1977 «Об уголовном судопроизводстве» (в ред. от 03.04.2023) (*Criminal Procedure Act № 51, 1977 as amended on April 3, 2023*) к сотрудникам органов правопорядка относятся мировые судьи и иные категории судебных служащих, сотрудники пенитенциарной системы.

лишения свободы на срок до четырех лет, или штрафа и тюремного заключения (раздел 17(1а)).

Сотрудники средств массовой информации, интернет-провайдеры, уличенные в совершении действий, способствующих публичной дискриминации потерпевшего и не удалившие в установленном порядке и (или) в установленные судом сроки контент или не опубликовавшие опровержение, могут быть подвергнуты штрафу в размере, не превышающем 10 000 рэндов, или тюремному заключению на срок до 6 месяцев, или обоим видам наказания одновременно (раздел 17(3)).

Несоблюдение лицами, которым, согласно закону, вменяются обязанности сообщения о совершении акта семейно-бытового насилия, влечет наказание в виде штрафа или заключения под стражу на срок, не превышающий трех месяцев, или комбинированное наказание (раздел 17(4)).

Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс в части, касающейся преступлений сексуального характера» от 2007 г. (с поправками от 3 апреля 2024 г.) (*Sexual Offences and Related Matters Amendment Act № 32, 2007 as amended on April 3, 2024*) привел новое определение преступления на сексуальной почве в гендерно-нейтральных терминах и ввел в действие Национальный реестр лиц, совершивших преступления на сексуальной почве⁶.

Законодательная база противодействия семейно-бытовому насилию в Южно-Африканской Республике дополняется Законом от 19 декабря 1998 г. № 99 «О социальной поддержке несовершеннолетних» (в ред. от 21 декабря 2017 г.) (*The Maintenance Act, № 99, 1998 as amended on December 21, 2017*)⁷. В данном законе определены круг обязанностей родителей, законных представителей детей, государственных органов и общественных объединений по обеспечению здоровья, развития, образования и благосостояния несовершеннолетних, а также меры монетарного и иного обеспечения детей, чьи родители находятся в разводе. Закон также предусматривает выделение в судебной системе специализированных судов по обеспечению различных вопросов поддержки детей (Maintenance Court).

На основании норм закона государственным органам вменяется в обязанности финансирование ряда социальных грантов, например таких, как пособие на приемных детей, пособие на иждивенцев, пособие для малообеспеченных

семей для покрытия издержек на школьное образование и (или) занятие спортом и творчеством детей, а также финансовая поддержка Национальной программы социального обеспечения, Программы бесплатного медицинского обслуживания детей в возрасте до шести лет и Национальной программы школьного питания.

Однако, как отмечают работники системы социального обеспечения ЮАР и юристы, практика реализации закона указывает на достаточно интересный результат. Например, остается открытым вопрос, можно ли объяснить рост рождаемости, особенно среди подростков, наличием государственной системы субсидирования содержания детей, что в конечном итоге может привести к формированию апатичной прослойки общества, целью которой становится получение материальных благ от государства, что потенциально ведет к криминализации социальных отношений, в том числе и в малой ячейке общества, т.е. в семье [9, р. 759–760].

Трудности реализации законодательства и правоприменительной практики. Нам представляется уместным указать на трудности и недостатки в деятельности полиции в части, касающейся темы нашего исследования. Выше было приведено определение понятия «семейно-бытовое насилие» в рамках соответствующего действующего закона. Такая трактовка, по нашему мнению, является довольно расплывчатой. Подтверждением нашего предположения может служить точка зрения южноафриканского правоведа Лизы Веттен, которая считает, что в указанном законе термин «домашнее насилие» содержит в себе признаки различных составов преступлений, подпадающих под действие целого ряда уголовных статей, таких как нападение (обычное или с намерением причинить тяжкие телесные повреждения), угроза применения огнестрельного оружия, запугивание, изнасилование или покушение на убийство (среди прочих обвинений). Более того, исследователь приводит примеры нарушения охранных судебных приказов, выданных в соответствии с Законом о защите от домашнего насилия, которые квалифицируются как неуважение к суду. По мнению автора, это происходит вследствие того, что обвиняемые часто игнорируют предписание суда, требующие недопущения нападений (оскорблений) на заявителя и причинения ему вреда иным способом. Когда Южноафриканская полицейская служба ежегодно публикует статистику по совершенным преступлениям, она не указывает, сколько из них было совершено в контексте домашнего насилия [10, р. 2].

Некоторые исследователи отмечают, что полицейские при выезде на место преступления в случаях гендерного насилия редко проявляют участие и моральную поддержку и часто пренебрегают соблюдением необходимых процедур [11].

⁶ Официальный портал Министерства юстиции и конституционного развития Южно-Африканской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://justice.gov.za/legislation/acts/2007-032.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

⁷ Официальный портал Министерства юстиции и конституционного развития Южно-Африканской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://justice.gov.za/legislation/acts/1998-099.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

Результаты. Таким образом, в статье нами рассмотрены особенности домашнего насилия в одной из стран, входящих в БРИКС, – ЮАР. Несмотря на неблагоприятные показатели семейно-бытового насилия, в стране существует обширная правовая база борьбы с этим негативным явлением. Считаем необходимым отметить проявление как стандартных для современной мировой практики особенностей причинного комплекса в виде доминирования патриархальных связей и ускорения норм применения насилия в данной сфере, так и своих отличительных черт, например насилия в отношении мужчин со стороны женщин. Представляется, что опыт Южно-Аф-

риканской Республики в этом направлении может быть использован и в Российской Федерации, в частности в области расширения субъектов выявления домашнего насилия и принятия превентивных мер реагирования (путем предоставления полномочий органам опеки и попечительства, социальным службам и т.д.). Следует предусмотреть законодательный порядок осуществления таких действий и взаимодействия с правоохранительными органами, в первую очередь с полицией. Данные меры не потребуют серьезного финансирования и будут способствовать снижению уровня семейно-бытового насилия в Российской Федерации и его эффективной профилактике.

Литература

1. National action plan on women, peace and security, 2020–2025. Republic of South Africa: Pretoria, 2020. – 96 p.
2. **Oosthuizen M., Martin L., Villiers D.** Towards a gender-based violence in South Africa. An overview and proposed way forward. Cape Town, 2024. – 62 p.
3. **Moloi M.** South Africa's contact crime rates see slight decline in second quarter of 2024–2025 // Central News. November 25, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://centralnews.co.za/south-africas-contact-crime-rates-see-slight-decline-in-second-quarter-of-2024-2025/> (дата обращения: 12.03.2026).
4. **Mathew T.H., Agnes R.S.** Domestic violence in post-apartheid South Africa: the experiences and challenges // International Journal of Social Science Research and Review. – 2023. – Issue 5 (11). – P. 517–526.
5. National Strategic Plan on Gender-Based Violence & Femicide (Human dignity and healing, safety, freedom and equality in our lifetime). Government of South Africa. Pretoria. 2020. – 112 p.
6. **Baber C.** Violence against males // Nursing Standard. – 2008. – № 22 (51). – P. 35–39.
7. **Rowlands E.** Intimate partner violence and its psychosocial correlates among male survivors: The socio-ecological implications // Environment and Social Psychology. – 2024. – № 9 (7). – P. 62–86. – DOI: 10.59429/esp.v9i7.6286.
8. The South African Police Service Strategic Plan (2020–2025). March 20, 2020. The Strategic Management Component. Pretoria. – 46 p.
9. **Morei N.** Where to Maintenance Law as Child Support Grants and defaulters put it to the test // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – Vol. 5. № 20. – P. 756–765. – DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n20p756.
10. **Vetten L.** Domestic violence in South Africa / Institute for Security Studies // Policy Brief. – 2014. – № 71. – P. 1–8.
11. **Murudu M.** Criminal Law in response to domestic violence in South Africa in relation to human rights // Record of Law. December 9, 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://recordoflaw.in/criminal-law-in-response-to-domestic-violence-in-south-africa-in-relation-to-humanrights/> (дата обращения: 15.04.2026).

References

1. National action plan on women, peace and security, 2020–2025. Republic of South Africa: Pretoria, 2020. – 96 p.
2. **Oosthuizen M., Martin L., Villiers D.** Towards a gender-based violence in South Africa. An overview and proposed way forward. Cape Town, 2024. – 62 p.
3. **Moloi M.** South Africa's contact crime rates see slight decline in second quarter of 2024–2025 // Central News. November 25, 2024 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://centralnews.co.za/south-africas-contact-crime-rates-see-slight-decline-in-second-quarter-of-2024-2025/> (data obrashcheniya: 12.03.2026).
4. **Mathew T.H., Agnes R.S.** Domestic violence in post-apartheid South Africa: the experiences and challenges // International Journal of Social Science Research and Review. – 2023. – Issue 5 (11). – P. 517–526.
5. National Strategic Plan on Gender-Based Violence & Femicide (Human dignity and healing, safety, freedom and equality in our lifetime). Government of South Africa. Pretoria. 2020. – 112 p.
6. **Barber C.** Violence against males // Nursing Standard. – 2008. – № 22 (51). – P. 35–39.
7. **Rowlands E.** Intimate partner violence and its psychosocial correlates among male survivors: The socio-ecological implications // Environment and Social Psychology. – 2024. – № 9 (7). – P. 62–86. – DOI: 10.59429/esp.v9i7.6286.
8. The South African Police Service Strategic Plan (2020–2025). March 20, 2020. The Strategic Management Component. Pretoria. – 46 p.
9. **Morei N.** Where to Maintenance Law as Child Support Grants and defaulters put it to the test // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – Vol. 5. № 20. – P. 756–765. – DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n20p756.
10. **Vetten L.** Domestic violence in South Africa / Institute for Security Studies // Policy Brief. – 2014. – № 71. – P. 1–8.
11. **Murudu M.** Criminal Law in response to domestic violence in South Africa in relation to human rights // Record of Law. December 9, 2025 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://recordoflaw.in/criminal-law-in-response-to-domestic-violence-in-south-africa-in-relation-to-humanrights/> (data obrashcheniya: 15.04.2026).

(статья сдана в редакцию 31.03.2026)

РЕЦЕНЗИИ

Территориальные органы полиции на районном уровне в механизме реализации правоохранительной функции в Российской Федерации (по материалам Северо-Западного федерального округа)

Territorial police bodies at the district level in the mechanism for implementing law enforcement functions in the Russian Federation (based on materials from the Northwestern Federal District)

О.А. Дизер,

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
rio.belui@mail.ru

Oleg A. Dizer,

Doctor of Law, Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья представляет собой отзыв официального оппонента на диссертацию Кирилла Владимировича Быкова, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Ключевые слова: правоохранительная функция; территориальные органы полиции на районном уровне; административно-правовое регулирование; специальные подразделения по охране общественного порядка

Для цитирования: Дизер О.А. Территориальные органы полиции на районном уровне в механизме реализации правоохранительной функции в Российской Федерации (по материалам Северо-Западного федерального округа) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 122–126.

Abstract: the article is a review by the official opponent on the dissertation of Kirill Vladimirovich Bykov, submitted for the academic degree of Candidate of Law in specialty 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences).

Keywords: law enforcement function; territorial police bodies at the district level; administrative and legal regulation; special units for the protection of public order

For citation: Dizer O.A. Territorial police bodies at the district level in the mechanism for implementing law enforcement functions in the Russian Federation (based on materials from the Northwestern Federal District) // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 122–126.

Изучение диссертации К.В. Быкова и опубликованных автором работ позволяет дать следующую оценку отдельным компонентам проведенного исследования и его общим результатам.

Актуальность определенной для научной разработки проблематики не вызывает сомнений. Вопросы организации и направления деятельности территориальных органов внутренних

дел районного уровня всегда были актуальными как для МВД СССР, так и для МВД России. В целях поиска наиболее оптимальных вариантов регулирования их деятельности проводятся научно-исследовательские работы и научно-практические мероприятия, это необходимо для повышения уровня доверия граждан к сотрудникам органов внутренних дел, а также для

эффективного обеспечения правопорядка и безопасности.

Территориальные органы внутренних дел районного уровня, обслуживающие муниципальные территории, населенные пункты, сельские поселения, различные зоны отдыха и т.д., при исполнении своих задач обязаны учитывать нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации и муниципалитета. В данном случае должны учитываться территориальность, географическое положение, дислокация подразделений и служб территориального органа внутренних дел районного уровня.

В связи с возрастающими угрозами и рисками национальной и общественной безопасности Российской Федерации проблема реализации правоохранительной функции и четкого взаимодействия ее субъектов приобретает все более актуальный характер, требует разработки и принятия новых правовых и организационных мер, которые соответствовали бы современным реалиям. Это связано с тем, что решение проблем находится в компетенции разных министерств, ведомств, организаций и должностных лиц. Приведенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности и значимости для теории и практики административно-правового регулирования подготовленной К.В. Быковым диссертации, посвященной исследованию обозначенной проблематики.

Объект и предмет исследования сформулированы и определены корректно, применяемая методология соответствует их особенностям. Автором использованы разнообразные методы научного познания, что обеспечило всесторонность, полноту и качество представленной работы, а также позволило диссертанту успешно реализовать сформулированные в исследовании цель и задачи. Выводы и предложения автора являются достоверными и обоснованными. Данный результат был обеспечен грамотной постановкой цели и задач исследования, а также анализом значительного количества фундаментальных научных работ, посвященных административно-правовому механизму реализации правоохранительной функции государством, значимые направления которой возложены на территориальные органы полиции районного уровня, определению места этих органов в рассматриваемом механизме.

Содержание диссертации и ее автореферата позволяет сделать вывод о том, что поставленная автором цель может считаться достигнутой, а задачи исследования – успешно выполненными. Каждому разделу исследования в той или иной степени присущи элементы научной новизны, глубина научной разработки рассматриваемых вопросов, заслуживающие внимания предложе-

ния и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Известно, что научное правовое исследование должно основываться на четких и внятных понятиях, не допускающих полемичности и искаженного представления об определенных явлениях и процессах. Следуя этой методологической парадигме, автор основательно проработал терминологический аппарат. Им предложены авторские дефиниции понятий «правоохранительная функция» (с. 25–26) и «реализация правоохранительной функции территориальными органами полиции на районном уровне» (с. 45), а также определены компоненты механизма реализации государством правоохранительной функции (с. 43–45).

Несомненным достоинством работы является ретроспективный анализ административного регулирования правового положения, структуры, полномочий и функций МВД России и его территориальных органов.

Важно, что К.В. Быков не оставил без внимания опыт организации и управления деятельностью полиции в зарубежных странах (с. 84–121). Его анализ позволил повысить уровень обоснованности и достоверности оценок аналогичной деятельности отечественных территориальных органов МВД России на районном уровне, а также предложить наиболее эффективные административно-правовые и организационные формы и методы.

Заслуживает поддержки тезис автора о потребности в улучшении качества реализации функции государства по обеспечению информационной безопасности, что должно повлечь за собой создание и укрепление действующих подразделений в территориальных органах МВД России на районном уровне как первого звена в противодействии указанным видам правонарушений.

Достаточно высокая степень обоснованности и достоверности результатов исследования обусловливается всесторонним и критическим анализом ранее выполненными научно-исследовательских работ, использованием традиционной и перспективной методологии, нормативных правовых актов, правоприменительной практики и других эмпирических материалов, главным образом авторских. К этому следует добавить апробацию и внедрение основных результатов исследования, их обсуждение на конференциях, обращение к коллективному, а также личному опыту службы диссертанта в органах внутренних дел.

Диссертация обладает хорошими коммуникативными свойствами: при ее подготовке автором использованы 66 нормативных правовых актов разного уровня, в том числе 25 актов зарубежных стран, опубликованная судебная практика, а также 134 литературных источника.

Основные положения диссертационного исследования К.В. Быкова опубликованы в 6 научных работах, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, что соответствует требованиям, определенным пп. 11 и 13 постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что диссертационное исследование К.В. Быкова обладает научной новизной, а также имеет существенную теоретическую и практическую значимость.

Теоретическая значимость диссертационного исследования К.В. Быкова заключается в том, что перечисленные выше, а также многие другие содержащиеся в работе положения, безусловно, обогащают науку административного права и процесса в области общей теории административного права, а также выработки базовых предложений по созданию специальных подразделений по охране общественного порядка общегородского уровня. Полученные соискателем теоретические результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего осмысления рассматриваемой проблематики.

Практическая значимость диссертации выражается в разработке положений, которые могут быть применены в законотворческой и нормотворческой деятельности, а также в обосновании предложений, направленных на совершенствование деятельности территориальных органов внутренних дел.

Положительно оценивая проведенное К.В. Быковым исследование, следует выделить ряд дискуссионных вопросов и некоторых замечаний, требующих уточнения в процессе публичной защиты:

1. Под реализацией правоохранительной функции территориальными органами полиции на районном уровне автор понимает *«динамичную» систему организации и применения территориальными органами полиции на районном уровне административно-правовых средств* (норм, методов, способов и мер), направленных на достижение правоохранительных целей» (с. 14). С теоретической точки зрения методы регулирования не относятся к числу средств регулирования, поэтому хотелось бы выслушать мнение соискателя о соотношении понятий «методы регулирования» и «средства регулирования».

2. Автор определяет, что к основным формам реализации правоохранительной функции, при воплощении которых можно наглядно рассмотреть и оценить выстроенный конкретным руководителем и его должностными лицами из

руководящего звена механизм реализации рассматриваемой функции от стадии планирования до подведения итогов их проведения и прогнозирования состояния безопасности, относятся проводимые оперативно-профилактические мероприятия. Предлагается автору в ходе публичной защиты сформулировать определение «оперативно-профилактическое мероприятие» и дополнительно аргументировать роль таких мероприятий в механизме реализации правоохранительной функции.

3. Спорными и требующими дополнительной аргументации выглядят предложения соискателя о создании в территориальных органах полиции на районном уровне «новых подразделений полиции, осуществляющих оперативное реагирование в различных сферах», по следующим причинам:

– относительно создания подразделений реагирования в сфере информационной безопасности (с. 13, 16, 155–157, 163, 164, 167, 204) автору следует ответить на вопрос об их целесообразности и предполагаемой эффективности, поскольку сам он указывает (с. 155), что за совершение правонарушений, предусмотренных чч. 2, 9–12 ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в Северо-Западном федеральном округе в 2022 г. было привлечено 41 лицо, а в 2023 г. – 10. Также согласно статистическим сведениям ГИАЦ МВД России в 2023 г.¹ в Российской Федерации сотрудниками полиции было выявлено 89 фактов совершения правонарушений по ст. 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения». Между тем количество территориальных органов полиции на районном уровне в УМВД России по Белгородской области составляет 26, а в ГУ МВД России по г. Москве – 129;

– аналогичные вопросы необходимо разрешить диссертанту и относительно предлагаемых «подразделений оперативного реагирования и контроля в области здоровья населения (в сфере незаконного оборота наркотиков), санитарно-эпидемиологического благополучия населения и соблюдения требований правовых режимов» (с. 13, 16, 152, 164, 204) и «подразделений оперативного противодействия нарушениям в сфере окружающей среды и природопользования» (с. 152, 164), поскольку у сотрудников полиции отсутствуют полномочия по привлечению к административ-

¹ Сборник по России. Раздел 1. Сведения о пресеченных административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, учет которых осуществляется в модуле «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка [Электронный ресурс] // Статистическая отчетность ГИАЦ МВД России. Форма № 1-АП. – URL: <https://svps.mvd.ru> (дата обращения: 24.04.2024).

ной ответственности за правонарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. На сегодняшний день в Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»² в указанных субъектах введено военное положение. Средний уровень реагирования в соответствии с Указом Президента от 19 октября 2022 г. № 757 в Российской Федерации установлен в Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областях, Краснодарском крае, Республике Крым и в г. Севастополе. Уровень повышенной готовности установлен в 18 субъектах Российской Федерации. Во всех остальных регионах на сегодня действует базовый режим готовности. В связи с этим возникает также вопрос о функционале указанных подразделений в регионах, где не введены специальные правовые режимы, или в случае введения их на кратковременный срок. Что касается административных правонарушений в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными, то полномочия полиции ограничиваются лишь составлением протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 1, 3.1–3.4 ст. 8.2 «Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления» (в случае непосредственного обнаружения признаков административного правонарушения либо обращения граждан или организаций), ст. 8.3 «Нарушение правил обращения с пестицидами и агрохимикатами» (в части административных правонарушений, относящихся к нарушению правил обращения с пестицидами и агрохимикатами при хранении и транспортировке пестицидов и агрохимикатов), чч. 1, 2, 3 (в части перевозок заведомо незаконно заготовленной древесины) ст. 8.28 «Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан», чч. 5–8 ст. 8.28.1 «Нарушение требований лесного законодательства об учете древесины и сделок с ней», ст. 8.28.2 «Нарушение запрета на пребывание в лесах с машинами (в том числе самоходными машинами, другими видами техники) и (или) оборудованием, предназначенными для рубки лесных насаждений, а также для транспортировки древесины из леса», ст. 8.29 «Уничтожение мест обитания животных», ст. 8.30 «Уничтожение лесной

инфраструктуры, а также сенокосов, пастбищ», ст. 8.31.1 «Нарушение порядка проектирования, создания, содержания и эксплуатации объектов лесной инфраструктуры», ст. 8.31 «Нарушение правил санитарной безопасности в лесах», ст. 8.32 «Нарушение правил пожарной безопасности в лесах», чч. 1, 2 ст. 8.37 «Нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира».

4. В работе (с. 17, 121, 151) автор сетует на недостаточность людских и организационных ресурсов территориальных органов полиции на районном уровне для эффективной реализации правоохранительной функции. При этом в исследовании не уделяется внимания вопросам участия в охране общественного порядка и борьбе с преступностью других правоохранительных органов, негосударственных правоохранительных формирований и граждан. Вместе с тем в соответствии с приказом МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879 «Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах» (в редакции приказа МВД России от 28 августа 2023 г. № 628) начальники территориальных органов МВД России на районном уровне обязаны организовывать в пределах компетенции участие в обеспечении правопорядка сотрудников (военнослужащих) подразделений Росгвардии, представителей общественных объединений правоохранительной направленности, членов казачьих обществ, народных дружин, работников частных охранных организаций, ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, не являющихся федеральными органами исполнительной власти (п. 11.2). Кроме того, к их обязанностям относится организация, разработка и корректировка Плана-расчета использования сил и средств по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах, а также контроль за несением службы нарядами, задействованными в обеспечении правопорядка (п. 11.3). В ходе публичной защиты хотелось бы услышать мнение автора относительно потенциала и эффективности привлечения правоохранительных органов, негосударственных правоохранительных формирований и граждан к деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах.

5. Параграф 3 главы 1 диссертации посвящен изучению опыта организации и управления деятельностью полиции в зарубежных странах. В целом положительно оценивая проведенный анализ, хотелось бы услышать мнение автора относительно выбора лишь США и ФРГ и практической значимости рассмотрения организации полиции в этих

² Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 43. – Ст. 7381.

государствах для России, поскольку сам диссертант (с. 105–106) указывает, что «многообразие правоохранительных органов США, широкая представленность полиции даже в мелких населенных пунктах предполагают значительные расходы на их содержание. Определенная социальная деградация между богатыми и бедными районами, кварталами крупных городов, наличие этнических диаспор, организовавших преступные картели по незаконному обороту наркотиков, огнестрельного оружия, контрабандных товаров и иных предметов и орудий совершения правонарушений, оставляют граждан без полицейской защиты. Существуют районы и кварталы населенных пунктов США, куда полицейские силы не заходят». Также обращает внимание на то, что в ФРГ «основными силами полиции районного уровня (районные участки) являются патрульные службы» (с. 120). При этом следует отметить, что в мире насчитывается около 27 государств с федеративным устройством, среди которых Аргентина, Бразилия, Бельгия, Индия, Испания, Канада, Мексика, ОАЭ, ЮАР, Швейцария, чей положительный опыт организации полиции на местном уровне нуждается в изучении на предмет возможного использования в Российской Федерации.

Вместе с тем перечисленные замечания и вопросы имеют дискуссионный характер, указывают на творческий подход к исследованию и не влияют на положительную оценку диссертации К.В. Быкова как научно-квалификационной работы.

Проведенное исследование представляет собой самостоятельную, целостную и завершенную работу, выполненную на необходимом теоретическом уровне и, безусловно, имеющую высокую актуальность, научную и практическую значимость. Диссертация демонстрирует личный вклад автора в развитие юридической науки. В исследовании сформулирован ряд научных положений, являющихся новыми по своей постановке и предлагаемым решениям.

Таким образом, с точки зрения актуальности, новизны, степени обоснованности научных положений, научной и практической значимости, сформулированных выводов и рекомендаций, а также их достоверности диссертация на тему «Территориальные органы полиции на районном уровне в механизме реализации правоохранительной функции в Российской Федерации (по материалам Северо-Западного федерального округа)», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, соответствует требованиям, предъявляемым пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 16 октября 2024 г.), к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Кирилл Владимирович Быков, заслуживает присуждения искомой ученой степени.

(статья сдана в редакцию 05.02.2026)

Административно-правовое регулирование применения беспилотных транспортных средств

Administrative and legal regulation of the use of unmanned vehicles

С.Н. Котарев,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
kot-bel@mail.ru

Sergey N. Kotarev,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Л.В. Тарасова,

кандидат социологических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
mila_vt@mail.ru

Lyudmila V. Tarasova,

Candidate of Sociological Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья представляет собой отзыв ведущей организации – федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина» – на диссертационное исследование Андрея Олеговича Ананенко на тему «Административно-правовое регулирование применения беспилотных транспортных средств», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства; административно-правовое регулирование; беспилотные летательные аппараты; административная ответственность

Для цитирования: Котарев С.Н., Тарасова Л.В. Административно-правовое регулирование применения беспилотных транспортных средств // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2026. – № 2. – С. 127–130.

Abstract: the article is a review by the leading organization of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Training “Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin” on the dissertation research by Andrey Olegovich Ananenko on the topic “Administrative and legal regulation of the use of unmanned vehicles”, presented by for the degree of Candidate of Law in a scientific specialty 5.1.2. Public Law (State-legal) Sciences.

Keywords: unmanned vehicles; administrative and legal regulation; unmanned aerial vehicles; administrative liability

For citation: Kotarev S.N., Tarasova L.V. Administrative and legal regulation of the use of unmanned vehicles // Problems of Law Enforcement Activity. – 2026. – № 2. – P. 127–130.

Представленное Андреем Олеговичем Ананенко диссертационное исследование посвящено актуальной теме – административно-правовому регулированию применения беспилотных транспортных средств.

Востребованность изучения проблем правового регулирования и использования беспилотных

транспортных средств является неоспоримой и обусловлена многими факторами.

Во-первых, назрела необходимость установления единого, нормативно закрепленного порядка привлечения к административной ответственности в правоотношениях с применением различных цифровых технологий, включая беспилотные

транспортные средства. Очевидно, что в этой сфере требуется устранение уже накопившихся неточностей и пробелов законодательства, упорядочение складывающихся и динамично развивающихся общественных отношений, а также регулирование порядка применения беспилотных транспортных средств.

Во-вторых, до настоящего времени подлежали научному анализу лишь отдельные вопросы правового регулирования применения беспилотных транспортных средств, однако исследований комплексного межотраслевого характера не проводилось. В связи с этим с учетом существующего состояния законодательства и правоприменительной деятельности в данной области общественных отношений представляется вполне обоснованным изучение особенностей административно-правового регулирования применения беспилотных транспортных средств.

В-третьих, развивая и совершенствуя цифровизацию государственного управления, расширяя область применения беспилотных транспортных средств, органы государственной власти должны иметь правовые механизмы внедрения беспилотных транспортных средств и их использования в различных сферах общественной жизни.

В-четвертых, актуальность проведения диссертационного исследования детерминирована важностью закрепления административной ответственности за нарушения, связанные с применением беспилотных транспортных средств.

Вопросы законности применения беспилотных транспортных средств находят отражение в научных исследованиях по гражданскому и уголовному праву, однако административно-правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств остается недостаточно изученным. Большинство авторов сосредоточились на общетеоретических аспектах или отраслевых нормах, тогда как специализированные исследования, посвященные административно-правовому регулированию в области применения беспилотных транспортных средств, практически отсутствуют.

Актуальность и новизну диссертационного исследования подтверждают выводы автора, отражающие особенности административно-правового регулирования использования беспилотных транспортных средств в условиях возрастающего объема общественных отношений. Имеющиеся основы отраслевого регулирования в гражданском и уголовном законодательстве нельзя считать достаточными и исчерпывающими.

Необходимость более глубокого анализа вопросов юридической ответственности использования беспилотных транспортных средств становится особенно очевидной на фоне увеличения числа случаев правонарушений, что подчеркива-

ет важность создания эффективных механизмов их предотвращения и устранения.

В связи с этим диссертация А.О. Ананенко представляется актуальной как с научной, так и с практической точки зрения.

Научная ценность диссертационной работы А.О. Ананенко заключается в комплексном и системном подходе к исследованию проблемы административно-правового регулирования применения беспилотных транспортных средств. Это подтверждается тем, что при написании работы диссертант использует оригинальный теоретико-методологический подход, который состоит в том, что исследователь сформулировал необходимые и достаточные признаки понятия «беспилотное транспортное средство», на основании чего предложено его авторское определение.

Цель работы, поставленная соискателем, успешно достигнута путем решения обозначенных задач, которые заключаются в определении содержания и сущности административно-правового регулирования применения беспилотных транспортных средств.

Автором проанализирован значительный объем эмпирического материала, что позволяет утверждать об объективности и достоверности полученных выводов в ходе диссертационного исследования (с. 6–7 диссертации).

Научная новизна заключается в том, что положения, выносимые на защиту, имеют убедительные обоснования и сделаны соискателем на основе комплексного межотраслевого научного исследования проблем, связанных с практикой применения беспилотных транспортных средств.

Таким образом, диссертационное исследование А.О. Ананенко соответствует критерию актуальности и имеет важное научное и практическое значение.

Структура работы обладает внутренним логическим единством, последовательным изложением собранного материала. Диссертация изложена на 159 страницах, состоит из двух глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографии и приложений.

В диссертационном исследовании А.О. Ананенко присутствует ряд выводов и практических рекомендаций, которые заслуживают внимания и могут быть использованы для совершенствования управленческой деятельности органов государственной власти.

Следует положительно оценить попытку автора классифицировать беспилотные транспортные средства в зависимости от вида и особенностей правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, содержание представленного А.О. Ананенко диссертационного исследования

и выводы свидетельствуют, с одной стороны, о достижении значимых результатов для развития административно-правовой науки, с другой – имеют прикладной характер, их можно рекомендовать для использования в научной, учебной, нормотворческой и управленческой деятельности федерального органа исполнительной власти в области транспорта.

Предмет и объект научного исследования определены диссертантом методологически верно.

Поставленные автором цель исследования и задачи сформулированы и отражены корректно. Структура диссертации подчинена решению определенных в работе задач (с. 6).

Научные выводы и практические рекомендации диссертанта в целом достоверны и обоснованы, базируются на положениях теории права, административного законодательства и эмпирических материалах органов государственной власти.

Обоснованность работы подтверждается глубоким анализом ключевых понятий и категорий, связанных с административно-правовым регулированием применения беспилотных транспортных средств. Диссертант грамотно применил как общенаучные, так и специальные методы исследования, что позволило ему сформулировать важные выводы, которые могут быть использованы в дальнейшем при совершенствовании правового регулирования применения беспилотных транспортных средств.

Достоверность обеспечена анализом большого количества отечественных и зарубежных научных источников, посвященных данной проблематике, а также подкреплена материалами правоприменительной практики различных органов государственной власти.

Положения, выносимые на защиту, развивают научные знания о правовых основах применения беспилотных транспортных средств, используемых в области беспилотного автомобильного транспорта, беспилотных летальных аппаратов, беспилотного железнодорожного транспорта, отвечают критерию научной новизны и имеют убедительное обоснование.

Отдельно следует отметить проведенный диссертантом анализ положительного зарубежного опыта применения беспилотных транспортных средств. Интеграция и внедрение данного опыта помогут повысить эффективность применения беспилотных транспортных средств в нашей стране.

Заслуживают положительной оценки результаты диссертационного исследования, которые могут стать основой для разработки нормативных правовых документов, а также быть использованы для дальнейших научных исследований в этой области.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 10 научных статьях, четыре из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также апробированы на научных конференциях всероссийского или международного уровня.

Содержание автореферата и опубликованные соискателем работы отражают основные положения диссертационного исследования.

В то же время диссертационное исследование А.О. Ананенко не лишено недостатков, носящих в основном дискуссионный характер и требующих дополнительной аргументации в ходе защиты:

1. Следует поддержать позицию автора о том, что в настоящее время правовое регулирование и применение беспилотных транспортных средств носит ярко выраженный ведомственный характер. На протяжении всей диссертации эта проблема неоднократно анализируется, но ни среди задач диссертации, ни в положениях, выносимых на защиту, эта она не решена.

2. Диссертант утверждает, что для административно-правового регулирования применения беспилотных транспортных средств характерен приоритет запретов и ограничений. Так, по мнению автора, приоритетом должен стать принцип «любая хозяйственная или иная деятельность может оказать негативное воздействие при применении беспилотных транспортных средств» (положение № 6, выносимое на защиту). Иначе говоря, акцент сделан в значительной степени на карательной функции административного права. Не противоречит ли все это содержанию ч. 1 ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях?

3. Требуют пояснения условия и критерии проведения эмпирического социологического исследования (цель, метод, субъект, критерии выборки респондентов, период проведения исследования и др.). Представляются дискуссионными выводы автора, аргументированные результатами проведенного анкетирования (социологического исследования), представленные в Приложении № 2. Кроме того, автором не обосновываются доказательства теоретической и практической значимости анкетирования.

4. В тексте диссертации имеет место анализ и ссылки на нормативные правовые источники, которые на момент проведения исследования и рецензирования утратили силу либо актуальность редакции (с. 15, 20, 21, 48, 62 и др.).

5. В выводах параграфа 2 главы 1, а также в заключении диссертации (с. 127, абзац 6) автор, как представляется, демонстрирует внутреннее противоречие своей аргументации. С одной сто-

роны, обосновывается принцип уменьшения административных барьеров при нормативном правовом регулировании применения беспилотных транспортных средств. С другой – автор приходит к выводу о необходимости установления дополнительных административно-правовых механизмов регулирования использования беспилотных транспортных средств.

6. Следует поддержать попытку автора представить единую классификацию беспилотных транспортных средств по различным классифицирующим признакам как объектов административно-правового регулирования. Вместе с тем не уделяется достаточного внимания анализу юридически значимых критериев классификации с примерными прогнозами практического применения. Требуется пояснение положения № 3 (с. 9), выносимое на защиту, в части предложения видовой классификации беспилотных транспортных средств по критерию правомерности применения (правомерное применение, применение в противоправных целях).

7. В работе автор отмечает необходимость разработки единого подхода к определению беспилотного транспортного средства с учетом его существенных признаков (с. 18). Следует согласиться с утверждением о том, что беспилотные транспортные средства, независимо от вида транспорта, являются подкатегорией транспортного средства. Однако представляется спорным предложение автора о необходимости внесения изменений в ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации путем закрепления беспилотных транспортных средств как поименованного источника повышенной опасности (с. 23), поскольку в п. 1 указанной статьи предусмотрена ответственность юридических лиц и граждан, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств).

8. Автор раскрывает особенности административно-правового регулирования беспилотных транспортных средств, вместе с тем не предлагает реального механизма и условий привлечения

к ответственности всех участников правоотношений с применением беспилотных транспортных средств.

Указанные замечания носят дискуссионный характер и не подвергают сомнению основные теоретические и практические результаты диссертационного исследования, не оказывают негативного влияния на его общую высокую положительную оценку, не умаляют актуальности работы и ее значимости для публично-правовых наук.

Представленный автореферат и опубликованные соискателем научные статьи в полной степени отражают основное содержание работы и отвечают предъявляемым требованиям.

Таким образом, диссертация Андрея Олеговича Ананенко является самостоятельным, завершенным научно-квалификационным трудом, в котором содержится решение задач, имеющих важное значение для развития публично-правовых (государственно-правовых) наук.

Диссертационное исследование выполнено на высоком научно-теоретическом уровне, хорошо структурировано, обладает научной новизной, внутренним единством, соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. Положения, выносимые на защиту, являются обоснованными, достоверными, имеющими теоретическую и практическую значимость.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что диссертация А.О. Ананенко на тему «Административно-правовое регулирование применения беспилотных транспортных средств» является самостоятельно выполненным, завершенным исследованием, соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук согласно Положению о присуждении ученых степеней, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Андрей Олегович Ананенко, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

(статья сдана в редакцию 28.08.2025)

Требования к статьям

В журнале «Проблемы правоохранительной деятельности» публикуются оригинальные научные статьи по вопросам юридической и педагогической наук и рассматриваются актуальные проблемы практической деятельности правоохранительных органов.

Объем статей 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы).

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе Word шрифтом Times New Roman (кегель – 14, межстрочный интервал – 1,5 см, абзацный отступ – 1,25 см, поля слева – 2,5 см, справа – 1,5 см, сверху и снизу – 2,0 см).

Текст выравнивается по ширине. Страницы нумеруются (кроме первой) вверху страницы по центру.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», при выделениях внутри цитат и в тексте на иностранных языках – “лапки”.

В начале статьи указываются номера по Универсальной десятичной классификации (УДК, <https://teacode.com/online/udc/>).

Далее следуют название статьи, инициалы и фамилии авторов, название учреждения (учреждений), в котором она была выполнена.

Название статьи не должно быть свыше 75 знаков (6–10 слов).

Должны быть предоставлены:

- сведения об авторе (авторах), включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы или учебы (полностью), e-mail, телефоны (рабочий, мобильный). Для авторов, не имеющих ученой степени, дополнительно указываются фамилия, имя и отчество научного руководителя, его должность, место работы и специальность (название и номер по классификации ВАК);

- английский вариант фамилии и инициалов автора (авторов);

- название статьи на русском и английском языках;

- название учреждения (или учреждений), в котором выполнена работа, на русском и английском языках;

- аннотация статьи (150–250 слов) на русском и английском языках. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику основной темы исследования, проблемы объекта, цели работы и ее результаты, раскрывать актуальность, степень разработки, объект, предмет, теоретико-методологическое и практическое значение темы);

- ключевые слова или словосочетания (от 5 до 7), необходимые для индексирования статьи, на русском и английском языках;

- текст статьи на русском языке, подписанный всеми авторами. Если автор не имеет ученой степени, статью также подписывает его научный руководитель;

- раздел «Литература» (не менее 10 научных источников) и раздел «References», содержащий список литературы, в котором все источники даны латиницей, т.е. транслитерированы (<http://translit.net/ru/bsi/>), приводятся в конце статьи. В тексте статьи в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нельзя включать в списки литературы ссылки на интернет-ресурсы и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), которые необходимо цитировать непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках.

С полной версией правил для авторов и порядком направления статей можно ознакомиться на интернет-странице <https://белюи.мвд.рф/Nauka/izdaniya/ppd/>

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российского центра научной информации (РЦНИ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

